

А.С.СЕНЯВСКИЙ

РОССИЙСКИЙ ГОРОД

в 1960-е - 80-е годы

Москва
1995

Российская Академия Наук
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

А.С.СЕНЯВСКИЙ

РОССИЙСКИЙ ГОРОД

в 1960-е - 80-е годы

Москва
1995

В книге показана исключительно важная роль города в современной отечественной истории. Автор видит основной смысл того, что произошло с Россией в XX веке, в форсированном переходе общества из сельского состояния в городское. Именно здесь лежит ключ к объяснению национальной катастрофы 1917 года, леворадикального выхода из нее с последующим формированием тоталитарного государства, огромного запаса прочности системы в течение десятилетий и столь неожиданного обвального ее крушения в конце 1980-х - начале 1990-х гг.

В монографии обозначены механизмы влияния города на исторический процесс и особенности феномена "советской" урбанизации. Основное внимание уделено городу 1960-х - 1980-х гг., то есть периода стабилизации системы, сползания ее в кризис на пути к распаду. На большом фактическом материале автор освещает, как эти процессы преломлялись в важнейших областях городской жизни и влияли на все общество.

Для специалистов и всех интересующихся историей Отечества.

Ответственный редактор:

доктор исторических наук *В.П.Дмитренко*

ВВЕДЕНИЕ

Радикальный общественный поворот начала 1990-х гг., крушение еще десятков лет назад казавшейся незыблемой коммунистической системы требуют нового осмысления пройденного Россией пути. Отечественная историческая наука уже преодолевает "публицистический" этап, на котором многие исследователи, оторвавшись от доктринальных подходов, пытались найти простые ответы на очень непростые вопросы, как правило, идя "от противного". "Демонизация" истории, стремление объяснить глобальные общественные процессы чьей-то злой волей, будь то человека или группы людей, "культом личности" и т.п., не дали и не могли дать решения ни одной научной проблемы. Лишь частичные решения дают попытки приложения к отечественной истории заимствованных теоретических конструкций, прежде всего концепций "тоталитарной школы": реальный исторический процесс оказывается много сложнее. Более плодотворна концепция "догоняющего развития", ключевой проблемой которой ставится "модернизация стран второго эшелона", но и она оставляет в стороне многие социально-политические и идеологические аспекты, либо не дает убедительного разъяснения. Чаще всего сегодня историки работают вообще вне теоретических ориентиров, при необходимости просто используя расхожие категориальные клише (вроде командно-административной, тоталитарно-бюрократической системы и т.п.), которые остаются скорее метафорами, нежели разработанными научными понятиями, и сосредотачиваются на разработке конкретно-исторической тематики, собирании эмпирического материала, ранее в значительной степени закрытого от исследователей. В то же время реакцией на общественный запрос стали довольно многочисленные обобщающие работы историков, в большинстве своем пока что несущие скорее не целостный научно обоснованный взгляд на отечественную историю XX века, а личностные позиции и пристрастия авторов, оставляющие больше вопросов, чем дающие ответы. Наверное, это закономерный этап "накопления", когда эмпирические исследования еще не создали достаточной почвы для адекватной теории, и все настоятельнее становятся не универсальные обобщения, а разработки "промежуточного" уровня, поднимающие существенные пласты общественного развития. В этой области сегодня ощущается явный дефицит исторических разработок.

Среди таких проблем - история отечественной урбанизации и российского города. Без понимания механизмов и значимости перехода российского общества в "городское" состояние, места города в историческом процессе невозможно адекватно

объяснить ни путь России в XX веке в целом, ни отдельные, сколько-нибудь значимые процессы и события на этом пути. Между тем, даже в рамках концепции "модернизации" акцент исследователями делается прежде всего на индустриальном развитии, которое, конечно же, является материальной базой урбанизации, но само по себе не способно объяснить большинства общественных трансформаций ни в начале, ни в конце нашего столетия. Историю все-таки делают люди, и при этом очень важно, кто они: потомственные сельские жители-крестьяне, недавние переселенцы в города или потомственные горожане хотя бы во втором поколении. Начало, середина и конец нашего века характеризуются превалированием в составе российского населения одной из этих трех категорий, а этот факт дает ключ к очень многим общественным явлениям.

Весь XX век прошел под знаком радикальных перемен, но среди всех фундаментальных и одновременно форсированных, крайне сжатых во времени трансформаций, универсальная и важнейшая, по мнению автора, - переход общества из сельского состояния в городское. Невиданный в истории темп изменений, переворачивавших жизнь буквально каждого человека в течение его жизни, затронувших все поколения настолько, что последующие существенно отличались от предыдущих, - этот темп создал особое, редкое в истории качество социальной жизни - глобальную нестабильность, протяженную во времени. Причем, если раньше источником социальной нестабильности были, как правило, политические явления (войны, акции государства, социальные возмущения и т.п.), носившие преимущественно ситуационный характер, ограниченные во времени, то в XX веке этот источник переместился прежде всего на уровень фундаментальных, глубинных общественных явлений. Этим источником был форсированный переход к индустриальному и одновременно городскому обществу, начавшийся еще в конце прошлого века. Переход был закономерный и вынужденный, если рассматривать развитие России в контексте мировой цивилизации, "догоняющий" - относительно уровня опередивших страну государств. В тех случаях, когда фундаментальная нестабильность дополнялась ситуационной (неудачные войны, трансформация общественных институтов и т.д.), общий потенциал нестабильности резко возрастал, ведя к социальным взрывам, революциям, последующим трансформациям общественно-государственной системы или ее полному слому (революции 1905, 1917 гг.).

"Базовая" общественная нестабильность, связанная с урбанизационным переходом и вытекающими из него социальными изменениями (тем более в столь огромном, территориально, этнически, социально дифференцированном государстве, как

Россия, что само по себе было комплексом мощных центробежных факторов), должна была быть компенсирована жесткой государственной системой. Ценности "существования"; "выживания" социального (государственного) организма всегда оказываются более значимыми, нежели интересы и ценности тех или иных социальных групп. Здесь лежит ключ к "правому" или "левому" тоталитаризму или близкой модели большинства государств, осуществлявших урбанизационный переход. Россия не была исключением. Демократия в принципе не могла утвердиться в результате февральской (1917 г.) революции в России - стране с огромным преобладанием крестьянского населения, разлагавшейся общиной, форсированно росшей индустрией и городами, огромными "маргинальными" слоями полусельского-полугородского населения, то есть с "базовой" социальной нестабильностью, на которую, к тому же, наложилась "ситуационная" - поражение в войне (или близость к поражению). Правая или левая диктатура в таких условиях была неизбежна. Поскольку "правый" мятеж был подавлен, осталась одна альтернатива - большевики.

Большевизм перевернул все общество. Но, оставаясь в рамках "государственной" идеологии (а при другой он был бы отторгнут Россией), он не мог переменить вектора базовых, фундаментальных процессов: в рамках "коммунистической" модели решались все те же общецивилизационные проблемы перехода к индустриальному и городскому обществу. Социальная "цена" за этот переход оказалась значительно выше, чем могла бы быть при "правой" тоталитарной альтернативе, которая, несомненно, не допустила бы столь радикальной ломки социальных институтов и отношений, но, в значительной степени, это была цена более форсированного перехода: левый тоталитаризм, выступая от лица "низших" классов, то есть подавляющего большинства населения, имел существенно больше рычагов мобилизации ресурсов и решения выдвигаемых задач, чем дворянско-буржуазная диктатура.

Тоталитаризм в его коммунистической модели явился формой трансформации традиционного российского общества в индустриальное и городское. Не изменив основное направление развития материальной базы российского общества, оказавшееся общим для всей современной технократической цивилизации, он в чем-то даже ускорил этот процесс, заставив, однако, народ платить более высокую цену (колхозное крепостничество, массовые репрессии, низкий уровень жизни, отсутствие гражданских свобод и т.д.). Другие социальные издержки оказались меньше, чем в странах с рыночной экономикой (отсутствие безработицы, гарантированный потребительский минимум и др.).

Однако, создавая современную индустрию, развивая города, формируя новые социальные слои, связанные со сложными формами деятельности и высоким образовательным уровнем, тоталитаризм подрывал свои основы. Отказаться или прервать эти процессы он не мог как в силу собственных идеологических, так и чисто прагматических оснований: обязывало соревнование с системой-антагонистом. С конца 1960-х гг. экономический прогресс оказался почти полностью заблокированным командно-административным механизмом управления, а слом его с неизбежностью требовал демократизации, то есть фактического демонтажа системы.

Объективная потребность общества в радикальных переменах нарастала уже с конца 1950-х гг., однако процесс вызревания реальных оснований для них был длительным, мучительным и противоречивым. Он и составил социальную суть исторического процесса 1960-х - 80-х гг. Основной социальной базой процесса был город, прежде всего российский. Глобальный общественный кризис зарождался, развивался и нарастал во всех элементах общественного организма. Вместе с тем, нужно учитывать, что период, когда тоталитарно-бюрократическая система советской модели "вползала" в кризис, совпал с превращением общества в "городское". Именно на рубеже 1950-х - 60-х гг. численность городского населения впервые превысила численность сельского. К 1990 г. городское население в СССР составляло уже 2/3 в общей его численности (66%)¹. Урбанизация РСФСР в среднем на несколько лет опережала общесоюзные процессы.

Город как социально-экономическая и социо-культурная подсистема явился средоточием тех процессов и форм общественной жизни, которые были несовместимы с коммунистической идеологией и тоталитарной практикой. Уже к началу 1960-х гг. в городах, особенно крупных, сформировались достаточно значимые слои населения, способные критически воспринимать и оценивать идеологические установки партийно-государственной бюрократии, их противоречия с общественной жизнью. С уходом Н.С.Хрущева и, соответственно, закатом эры "коммунистического романтизма" широко развивается такой феномен, как "раздвоение сознания". Особенно он затронул городскую интеллигенцию, да и большинство мыслящих людей. Жизнь по двойному стандарту - официальная и частная - свидетельствовала о загнивании системы не меньше, чем стремительное скатывание экономики к стагнации, раскачивание маховика растратного механизма, разбазаривание сырьевых ресурсов и технологическое отставание от передовых стран.

Российский город в большинстве процессов шел со значительным опережением. Это относится и к "базовым" характеристикам российского города, и ко вторичным социальным явлениям. Так, в РСФСР горожане превысили половину населения несколько раньше, нежели в СССР в целом, и в 1959 г. составляли уже 52%. К 1990 г. горожане составляли уже 3/4 россиян, в отличие от 2/3 по Союзу². В России было значительно больше крупных городов, нежели в остальных республиках. Несмотря на "ленинскую национальную политику" выравнивания регионов, что часто сопровождалось выкачиванием материальных и людских ресурсов из российской республики и перераспределением их в пользу отсталых национальных республик, российский город сохранял лидирующие позиции в области научно-технического потенциала, развития социальной структуры, являлся средоточием передовых интеллектуальных сил общества.

Таким образом, без исследования перехода России из сельского общества в городское и российского города как целостного общественного явления нельзя понять истоки крушения тоталитаризма "советской" модели. Российский город был частью советского города, и в этом смысле для них характерны единые закономерности, однако именно российский город в первую очередь явился средоточием проблем и противоречий "советской" системы, он же стал источником и базой обновления, попыткой прорыва к новым формам общественной жизни. При всем многообразии аспектов, которые связаны с российским городом, именно этот ракурс, то есть двуединый процесс нарастания проблем и одновременно потенциала обновления в 1960-е - 80-е гг. избран предметом освещения в данной книге.

Исследование современного российского (и в целом советского) города было обусловлено сложной природой этого явления. Поскольку город, как это все более осознается в современных работах отечественных исследователей, представляет собой сложный социальный организм, состоящий из взаимосвязанных подсистем (материальной, территориальной, экономической, социальной и т.д.), то и изучение его начиналось с анализа этих отдельных аспектов его развития представителями конкретных научных дисциплин. Экономисты, географы, архитекторы и градостроители-планировщики, демографы, социологи и даже философы выделяли в этом объекте свой предмет изучения.

Другим фактором, определившим ход исследования города отечественными обществоведами, была идеологическая подчиненность науки. Дореволюционные традиции в исследовании города в ряде случаев оказались полностью утраченными. На характере и ходе исследования города сказались, несомненно,

особенности становления советского обществоведения, происходившего в сложных дискуссиях в рамках "прокрустово ложа" марксистско-ленинской методологии. Например, термин "урбанизация" в 1930-е - 50-е гг. не использовался применительно к отечественному городу, будто бы это явление обошло СССР стороной. Данное понятие трактовалось как "характерный для капитализма процесс сосредоточения промышленности и населения в крупных городах"³, что не могло не сказаться и на ограничении круга городской проблематики. В эти годы исследовались преимущественно вопросы градостроения и городского хозяйства. Наконец, сам объект исследования - отечественный (советский) город - не стоял на месте, развивался, и это было важным фактором, обуславливающим потребность в исследовании городской тематики, в новых подходах и концепциях.

Еще в 1920-х - начале 30-х гг. советское обществоведение было полностью сориентировано на догматы "марксистско-ленинской методологии", касающиеся проблем расселения, коренных вопросов территориальной организации общества. Так, в ходе острой дискуссии были признаны принципиальные различия развития "капиталистического" и "социалистического" города. Вместе с тем, победила точка зрения, "де факто" признающая стихийность градостроения и практическую невозможность преодоления различий между городом и деревней. Были отвергнуты крайние подходы к проблеме "социалистического расселения" как "урбанистов", так и "дезурбанистов". Для социалистического градостроения, по мнению большинства участников дискуссии, неприемлемы ни чрезмерная концентрация населения в городах, как при капитализме, ни преждевременные проекты немедленной перестройки быта на коллективистских началах, ни утопические проекты разукрупнения существовавших городов как средства преодоления различий между городом и деревней⁴. И теория, и политика, и в какой-то мере практика расселения пошли по пути преодоления "социально-экономической противоположности" города и деревни, ограничения роста крупных и стимулирования развития малых и средних городов, развития экономики и социальной инфраструктуры города.

Преодолевая определенный застой в исследовании городской проблематики, пришедшийся на период середины 1930-х - конца 50-х гг., советское обществоведение к началу 1960-х гг. имело уже некоторые теоретические и конкретно-научные достижения, прежде всего в области экономико-географических исследований. Вместе с тем, многие из узловых методологических проблем оставались нерешенными, отсутствовала сколь-нибудь развитая общесоциологическая концепция развития го-

рода, что и в 1960-е, и в 1970-е гг., при оживлении интереса к городской тематике и даже нарастающем потоке урбаногиогической литературы в конце 1970-х - 80-е гг., привело к преобладанию частнонаучных исследований. Причем, специалисты по различным социальным дисциплинам, пользуясь одинаковой терминологией (урбанизация, город и т.д.), вкладывали в нее свое, часто совершенно несопоставимое содержание.

Собственно российский город в период 1960-х - 80-х гг. не являлся предметом специального комплексного исторического исследования. Городская тематика разрабатывалась исторической наукой весьма фрагментарно. В ряде других общественных наук достижения были существенно большими, хотя неравномерность изучения отдельных проблем и там очень существенна. Однако, какой бы отрасли советской урбанистики ни касаться, характеризуя исследовательский процесс, нужно иметь в виду несколько общих моментов. Во-первых, все исследования российского города, как исторического плана, так и в рамках иных научных дисциплин, до 1992 г. неизбежно, в большей или меньшей степени, носили идеологизированный характер. Здесь нет вины исследователей, живших и работавших в тоталитарном обществе, в котором все отрасли общественных наук "встроены" в идеологию. Однако, даже при субъективном стремлении историков и других обществоведов к максимальной объективности, господствовавшая идеология подчиняла их мировоззрение, накладывала отпечаток на методологию исследования и его результаты, и в тем большей степени, чем выше был уровень обобщенности проблемы. Во-вторых, на разработку урбанистической тематики особенно существенное влияние оказывали "имперские" идеологические установки и политика. Если в национальных республиках акцент делался на местную проблематику, то в РСФСР российская тематика в рамках истории советского общества и иных научных дисциплин была явно не в почете: российский город изучался в основном в рамках "советского" города, как его составная часть, без специального анализа республиканской специфики. В-третьих, историческая наука в целом оказалась на периферии исследований урбанизационного процесса XX века и, чем ближе к нашим дням, тем менее в отечественной историографии представлена городская проблематика. Исторические работы составляют крайне незначительную часть отечественной урбанистики. Поэтому целесообразно рассматривать не собственно историографию российского города, а более широкий контекст исследований городской проблематики целым рядом наук, включая работы по СССР в целом.

Полноценное исследование современного отечественного города, представляющего сложнейший социальный организм,

возможно только на путях комплексного подхода. Потребность в нем все больше ощущалась в последние десятилетия в большинстве специальных научных дисциплин, занимавшихся городом, которые не только вычленили свой предмет исследования, но и все больше тяготели к междисциплинарным подходам. Это естественная тенденция - изучать комплексный по своей природе объект адекватными методами, то есть с системных позиций. Различным проблемам отечественного города посвящены сотни книг и тысячи статей экономистов и экономгеографов⁵, социологов⁶, географов⁷, демографов⁸ и других специалистов. Среди них немало междисциплинарных исследований, в той или иной степени затрагивавших проблемы социального развития города, планирования и управления его развитием, выходявших на более широкие процессы взаимосвязи общественного развития с урбанизационным процессом, и др.

Изучением городов РСФСР в различных аспектах занимались целые научно-исследовательские, плановые, проектно-градостроительные и др. институты. Их теоретические разработки могут быть использованы историками, так же как и результаты конкретных исследований, в ряде случаев применимых в качестве источниковой базы исторических работ.

В условиях административной системы управления и плановой экономики не только размещение производительных сил, но и формирование системы расселения государства стремилось вестись в жесткие плановые и регулируемые из центра рамки. В этом были как свои минусы, так и плюсы. Конечно, абсурдным было положение, при котором решение большинства экономических, финансовых и т.д. вопросов на местах определялось в Москве, в центральных и республиканских министерствах и ведомствах. В условиях отраслевого принципа управления, вновь после краткого перерыва полностью возобладавшему с середины 1960-х гг., такой подход вел к игнорированию местных интересов, столкновению на местах, в регионах и отдельных городах интересов различных ведомств, результатом чего было и хаотичное размещение предприятий и городской застройки, и разрушение природной среды, и различные социальные издержки, включая неразвитость социальной инфраструктуры, нарушение демографического баланса и т.д. Абсурдной, хотя и соответствовавшей логике идеологического противостояния систем, была гипертрофия ВПК, "съедавшего" львиную долю национального продукта и преобладающую часть предприятий ориентированного на собственные нужды (этим потребностям соответствовала и логика развития и размещения производительных сил в стране). Однако централизованный подход к размещению производительных сил страны имел и свои объективные положительные стороны. Одна из

них - поиск рациональных оснований такого размещения, широкое использование науки, хотя и далеко не всегда последовательно. Следствием этого и явилось участие многочисленных научных учреждений, работающих "на практику", на планирование и управление, в исследовании различных аспектов развития российских городов. Перед ними, как правило, ставились прикладные задачи планирования, нормирования, инженерного проектирования и т.д. в области производства и градостроения, однако как материалы, полученные в ходе этих прикладных исследований, так и теоретические разработки могут быть использованы в историческом изучении городского развития.

Так, в 1966-1970 гг. ЦЭНИИ при Госплане РСФСР было проведено изучение малых и средних городов по всем экономическим районам РСФСР. В нем участвовали территориальные институты Госстроя СССР, Гипрогора и др. В 1970-е гг. ЦЭНИИ совместно с Куйбышевским Плановым институтом, Казанским, Пермским, Горьковским, Башкирским, Воронежским, Ленинградским университетами, Свердловским и Ростовским институтами народного хозяйства, ЦНИИПГрадостроительства и др. был проведен ряд исследований проблем развития городов и агломераций. В частности рассматривались проблемы формирования крупных городских агломераций: Свердловской, Пермской, Куйбышевской, Уфимской, Казанской и др. В процессе этих исследований было проведено первое в стране межведомственное научно-методическое совещание, посвященное "Изучению и плануному регулированию развития крупных городских агломераций". К сожалению, его материалы не были опубликованы и оказались недоступны широкой научной общественности, но имели влияние на дальнейшие исследования урбанизации и нашли отражение в разработке Генеральной схемы расселения СССР. Среди городов, оказавшихся в центре внимания исследователей, были такие крупные промышленные центры, как Тольятти, Балаково, Набережные Челны, Нижнекамск, Волжский, Нефтекамск и др. Исследователи ЦЭНИИ и других исследовательских ведомственных учреждений Госплана РСФСР, Госстроя СССР пытались влиять на градостроительную практику, хотя их рекомендации далеко не всегда имели выход на управленческие решения. Так, в начале 1970-х гг. был подготовлен проект "Рекомендаций по планированию комплексного развития промышленных узлов", направленный в республиканские и местные организации, связанные с территориальным планированием; проводились разработки по обоснованию направления развития малых и средних городов РСФСР с учетом динамики демографической ситуации¹⁰.

Историки явно отставали в разработке городской тематики. Тогда как истории отдельных городов посвящено немало специальных исторических исследований, собственно исторических работ, комплексно освещающих проблему развития российского города как исторической формы территориальной организации общества, как социально-экономической "подсистемы" и типа поселения, отличного от деревни, нет. Историки лишь приступают к исследованию проблематики российского города последних десятилетий. Исторические исследования российского города представлены преимущественно работами по предшествующим периодам, в основном дореволюционным¹¹. Интересное монографическое исследование В.Б.Жиромской посвящено проблемам социальной структуры раннего советского города, причем с акцентом на РСФСР и особенно регионы с высоким по тому времени уровнем урбанизации - европейскую часть России¹². Социально-демографическое развитие довоенного Сибирского города также получило монографическое освещение¹³.

Историками разрабатывались лишь отдельные аспекты проблем российского города периода последних десятилетий, главным образом в связи с другими предметами изучения: историей экономики, индустриального развития, изменениями социальной структуры, демографией, - и преимущественно либо на союзном материале, либо на узкорегionalном¹⁴. Таким образом, отечественная историография, имея определенные достижения в разработке отдельных проблем развития российского города указанного периода, дает пока лишь фрагментарную картину - и тематически, и хронологически, и территориально. Исследования охватывали лишь отдельные из множества вопросов, составляющих комплекс проблем развития российского города, тогда как важно исследовать не только отдельные процессы и, желательно, в достаточной полноте, но и вскрыть их взаимосвязь, что возможно только в специальном монографическом исследовании. Наконец, в большинстве исторических исследований слабо представлен собственно российский материал.

Значительно более широко представлены исследования отдельных городов РСФСР, преимущественно историко-краевые и историко-экономические, библиография которых насчитывает сотни работ, приводить которые здесь нет никакой возможности. Однако, Россия не имеет такого фундаментального исторического исследования (преимущественно историко-краевого плана), как, например, многотомная История городов и сел Украинской ССР¹⁵. Лишь по Сибири была проведена (в какой-то мере) подобная работа¹⁶.

Историки посвящали свои труды преимущественно отдельным конкретным российским городам либо группе городов. Развитие же города как общественного явления, "городских отношений" остается вне области исторических исследований, и прежде всего это относится к современному российскому городу. Предлагаемое монографическое исследование ставит своей задачей в определенной мере заполнить имеющийся в историографии пробел в изучении этой проблемы. Таким образом, предмет настоящего исследования - не изучение истории отдельных городов или их группы, а исследование "городских отношений" в обществе в 1960-е - 80-е гг. Отдавая себе отчет в многогранности и сложности проблемы, необъятности фактического материала и невозможности в рамках одной книги осветить все аспекты развития российского города указанного периода, автор ограничивается ключевыми, на его взгляд, проблемами, освещение которых может стать базой для дальнейшего развертывания исследований российской исторической урбанистики. Это, прежде всего, место города в рамках конкретного общества, рассмотрение города, с одной стороны, как элемента общественной системы, а с другой, как фактора исторического процесса, влияющего на эволюцию и преобразование общественной системы в целом; это специфика отечественного (советского) города и всего урбанизационного процесса, а также аспекты развития российского города, типологически объединяющие его с союзным городом и выделяющие его из общего ряда; это исторический контекст, характеризующий движение общества от предкризисного к кризисному состоянию в 1960-е - 80-е гг. и роль города в этом процессе - и в качестве его составной части, и в качестве подсистемы, определяющей движение всего общественного организма.

Сложность исторического анализа развития российского города в период 1960-х - 80-х гг., помимо всего прочего, заключается еще и в том, что именно в последние три десятилетия реализовались все те механизмы и тенденции городского развития, которые были заложены в предшествующие периоды. Однако ни теоретического, ни исторического адекватного освещения эти процессы в отечественных социальных науках пока не нашли¹⁷. Поэтому автор по ходу изложения вынужден был неоднократно обращаться к тому политико-идеологическому и общественному контексту, в котором складывались механизмы отечественной урбанизации, жестко привязанные к советской тоталитарной модели, а также к историческим вехам урбанизационного процесса, в том числе хронологически предшествующим основному исследуемому периоду.

Как отмечалось выше, отечественная урбанизация в советский период не оторвалась от общемирового русла техногенной

цивилизации, однако являлась особым типом урбанизационного процесса. 1960-е - 80-е гг. представляют собой период не только перерастания общественного предкризиса в глобальный кризис системы, но и период нарастания кризисных явлений в рамках советского типа урбанизации. Здесь трудно вычленить те кризисные моменты, которые сопутствуют урбанизации как историческому явлению вообще (в качестве составляющей технологической цивилизации в целом), с одной стороны, - и типологические явления, имманентные именно советской модели урбанизационного процесса, - с другой. Так, "стягивание" населения в крупные города и агломерации при "оголении" обширных пространств, обострение экологических и демографических проблем, ряд других кризисных явлений характерны для многих индустриальных урбанизированных стран, независимо от модели общественно-политического и экономического устройства. Однако, можно с достаточной достоверностью проследить, как административно-командный механизм, встроенный также и в урбанизационный процесс, усугубляет проблемы, порожденные урбанизацией и определенной ее стадией, а также вызывает и собственные, специфически системные проблемы и негативные последствия. Эти специфические кризисные явления отечественной урбанизации дополняли общую критическую массу, накапливавшуюся в период 1970-х - 80-х гг. и приведшую к крушению советской тоталитарной системы. Однако, было накопление и другой критической массы - позитивной, которая делала несовместимой урбанизацию на определенной стадии ее развития с сохранением прежней общественной системы, в рамках которой она в основном и была осуществлена. Переход к постиндустриальному обществу оказался советской системе не по плечу. Эти две стороны отечественной урбанизации - накопление позитивного потенциала, движение в рамках общемировых тенденций, с одной стороны, и нарастание кризисных процессов в различных областях городского развития, с другой, - и явились основным предметом конкретно-исторического анализа в монографии. При этом из-за ограниченности объема за рамками рассмотрения остались определенные пласты развития российского города, в частности, городской культуры, общественного сознания, общественно-политические процессы, накопление реформаторского опыта и экспериментов в рамках самой системы и ряд других, которые требуют специального освещения. Как задача будущего исследования видится автору и специальный конкретно-исторический анализ ряда механизмов, через которые урбанизация повлияла на слом системы, во многом предопределила его, сформировав как негативную критическую массу, так и потенциал обновления. В данной монографии лишь кратко обозначены

контуры этой проблемы, с акцентом на теоретические подходы к ее решению. Есть немало вопросов, примыкающих к проблеме, таких, как, например, вопросы градостроения или правовых основ управления городом, которые историк может учитывать, но которые не входят в собственно исторический предмет изучения развития города: они, как правило, затрагивались при освещении основных аспектов проблемы.

Хронологические исследования ограничены рамками 1960-х - 80-х гг., территориально - пределами Российской Федерации. Однако, по необходимости, проблема анализируется в более широком и хронологическом, и территориальном контексте.

Специфика большинства проблем, связанных с развитием российского города, требует анализа массовых источников с выходом на обобщающие процессы и явления. Поэтому в основу исследования положены прежде всего статистические материалы - как регулярной статистической отчетности, так и Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Отдельные направления исследования российского города весьма неравномерно обеспечены источниками и тематически, и хронологически, и по категориям источников. Многие демографические процессы в российском городе фиксировались и в регулярной статистической отчетности, и в материалах Всесоюзных переписей населения, и в различных социально-демографических обследованиях, причем, материалы имеют достаточный уровень достоверности, равномерно распределены по всему изучаемому периоду, в значительной мере опубликованы и доступны. Иное положение с различными экономическими и социальными вопросами. Так, экономическая статистика гораздо менее достоверна в силу использовавшейся методологии, прежде всего, стоимостных показателей, широкого распространения приписок и т.д., и при ее использовании в каждом случае приходится подходить с повышенной критичностью. Аналогично обстоит дело с некоторыми параметрами социальной статистики, однако, если здесь многие проблемы могут хотя бы частично компенсировать материалы проводившихся социологических обследований, то ряд материалов официальной статистики, даже в случае их низкой достоверности, не может заменить никакой другой вид источников. В значительной степени официальная статистика была ориентирована на общесоюзный уровень, поэтому обобщающие статистические материалы представлены по РСФСР существенно менее полно, чем по СССР в целом, как тематически, так и хронологически.

Вследствие многоаспектности проблем российского города и неизбежности использования нескольких уровней обобщения при анализе ряда из них, комплекс источников специфичен в конкретных случаях, в том числе привлекаются дополнительно

к официальной периодической статистике и материалам переписей, материалы периодики и архивные материалы, прежде всего, ведомственных текущих архивов, а также данные социологических обследований.

Примечания

- 1 Демографический ежегодник СССР. М., 1990. С. 7.
- 2 Там же.
- 3 См.: Словарь иностранных слов. М., 1964. С. 665.
- 4 См.: Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки: Проблемы города будущего. М., 1980. С. 43-158.
- 5 См., например: Ходжаев Д.Г., Кочетков А.В., Листенгурт Ф.М. Формирование системы расселения в СССР. М., 1977; Хорев Б.С. Проблемы городов. М., 1975; Проблемы развития городов РСФСР. М., 1977; Жолков А.С., Зуев В.М. Развитие социалистического города. М., 1984; Финагин В.В. Экономика города: теория, практика, перспективы. Киев, 1983; Экономические методы регулирования развития крупных городов. Л., 1990; и др.
- 6 Социальные основы развития городов: социальные проблемы расселения. М., 1975; Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. М., 1975; Аитов К.А. Социальное развитие городов: сущность и перспективы. М., 1979; Межевич М.Н. Социальное развитие и город. Философские и социологические аспекты. Л., 1979; Фрейдинова Т.И. Социальное развитие заполярного города. Опыт, проблемы. Мурманск, 1980; Файзулин Ф.С. Социологические проблемы города. Саратов, 1981; Пароль В.И. Социалистический город. Урбанизационный процесс и образ жизни горожан. Ч. 1, 2. Таллин, 1982; Социально-культурные функции города и пространственная среда. М., 1982; Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М., 1984; Советский город: проблемы социального развития. Уфа, 1990; Советский город: социальная структура. М., 1988; Благополучие городского населения Сибири. Проблемы дифференциации (опыт социологического изучения). Новосибирск, 1990.
- 7 Лаппо Г.М. Развитие городских агломераций в СССР. М., 1978; Его же: Города на пути в будущее. М., 1987; Проблемы современной урбанизации. М., 1972; и др.
- 8 Курман М.В., Лебединский И.В. Население большого социалистического города. М., 1968; Петров В.А. Социально-демографическая структура городского населения и его занятость. М., 1981; Баранов А.В. Социально-демографическое развитие крупного города. М., 1981; Трушков В.В. Население города и пригорода. М., 1983; Урбанизация и демографические процессы. М., 1982; и др.
- 9 Стронгина М.Л. Социально-экономические проблемы развития больших городов в СССР. М., 1970; Борщевский М.В., Успенский С.В., Шкаратан О.И. Город. Методологические проблемы комплексного социального и экономического планирования. М., 1975; Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация. М., 1976; Малес В.Н., Панченко Е.Г., Сенченко В.И. Комплексное планирование экономического и социального развития городов и районов. М., 1978; Теория и практика комплексного планирования города. Киев, 1980; Коваленко П.С. Развитие городов. Киев, 1980; Степаненко А.В. Города в условиях развитого социализма. Киев, 1981; Социально-экономические проблемы больших городов и пути их решения. Минск, 1981; Планирование комплексного развития крупных городов. Л., 1982; Урбанизация и развитие городов в СССР. Л., 1985; и др.
- 10 Соловьев Н.А., Савельев В.К. Исследования актуальных проблем городского и сельского расселения в ЦЭНИИ // Проблемы развития городов РСФСР. Материалы научной конференции. М., 1977. С. 6-9.

11 См.: Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города: Вторая половина XVIII века. М., 1967; Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России М., 1958; Он же. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века (Взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983; Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971; Русский город. (Историко-методологические сборники, исследования и материалы). Вып. 1-8. М., 1976-1989; Миронов Б.Н. Русский город в 1740 - 1860-е годы. Л., 1990; и др.

12 Жиромская В.Б. Советский город в 1921-1925 гг.: проблемы социальной структуры. М., 1988.

13 Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири. (1926-1939 гг.). Новосибирск, 1984.

14 См.: Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. М., 1970; Ким М.П., Сенявский С.Л. Изменения в социальной структуре советского общества. М., 1971; Сенявский С.Л. Социальная структура городского населения в 60-е - начале 70-х годов // Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М., 1976; Копылов В.А. Социально-демографическая ситуация и перспективы развития городов Московской области // Русский город. (Историко-методологический сб.). Вып. 1. М., 1976; Глушкова В.Г. Демографическая характеристика городов Подмосковья 1950 - 1970-х годов // Русский город. (Проблемы градообразования). Вып. 3. М., 1980; Исупов В.А. Социальная структура городского населения Сибири в годы упрочения и развития социализма // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987; и др.

15 История городов и сел Украинской СССР. В 26 томах. Киев, 1976-1983.

16 Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.

17 Исключение составляют, пожалуй, две весьма содержательные статьи, затрагивающие важные теоретические проблемы. См.: Меерович М.Г. Концепция социалистического города: история и современность // Концепция развития города: социальные, экологические, управленческие аспекты. Сб. научн. тр. Новосибирск, 1991. С. 143-166; Шкаратан О.И. Парадоксы советской урбанизации // Судьбы современного города. М., 1990.

ГЛАВА 1. ГОРОД В ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

1. Развитие инфраструктуры как основа формирования городской сети

В развитии территориальной организации общества, основу которой представляет сеть городских поселений, в 1960-е - 80-е гг. усилилась обозначившаяся ранее интеграционная тенденция, причем степень интеграции зависела не только от уровня развития территориальной специализации и объективной потребности во взаимодействии между городами, но прежде всего от той инфраструктуры, которая это взаимодействие обеспечивала. Важнейшими элементами инфраструктуры являлись транспорт и средства связи.

Города как территориальные точки концентрации людей и материальных ресурсов могли формироваться и развиваться только на основе развития сети путей сообщения. Городской тип поселения вообще невозможен без определенной степени взаимодействия с окружающей территорией, и чем поселение крупнее, тем, как правило, большая территория входит в сферу его притяжения. Соответственно и темпы роста города тесно связаны с интенсивностью внешних связей, обмена людьми, грузами, информацией. Развитие сети транспортных путей частично является следствием формирования поселенческой структуры, но в значительной степени выступает и градообразующим фактором, особенно в точках высокой интенсивности транспортных перемещений, пересечения транспортных путей, как одного вида в разных направлениях, так и разных видов транспорта (водных путей, железнодорожных, автомобильных и т.д.). Динамика протяженности транспортных путей, изменение соотношения их видов является не только важной характеристикой экономического развития, но и инфраструктуры всей поселенческой структуры страны, внешней среды существования сети городских поселений. Развитие транспортных путей в РСФСР отражено в таблице N 1.

Как следует из данной таблицы, динамика отдельных видов транспортных путей была весьма различной. В первые послереволюционные десятилетия преобладающее значение сохраняли водные судоходные пути, протяженность которых к тому же выросла с 1914 по 1941 гг. в 1,7 раза. В дальнейшем рост их замедлился, что связано с естественными природными ограничениями, истощенностью судоходных ресурсов. Однако еще в начале 1960-х гг. их общая протяженность была почти равна протяженности всех

автомобильных дорог с твердым покрытием (в 1961 г. было 117 тыс. км водных путей и 124 тыс. км автодорог).

ТАБЛИЦА N 1. Протяжение транспортных путей в РСФСР (на начало года, тыс. км)*.

Виды транспорта	1914	1941	1961	1971	1981	1990
Железнодорожные пути сообщения (общего пользования)	39	59	72	78	83	87
Внутренние водные судоходные пути сообщения	55	91	117	124	123	108
Автомобильные дороги с твердым покрытием	14	68	124	264	421	657
Магистральные трубопроводы (нефте- и нефтепродуктов)	-	1,7	15,2	30,4	53,6	68,4

* Таблица составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. Стат. ежегод. М., 1961. С. 357; Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Стат. ежегод. М., 1987. С. 243; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 542-543.

На втором месте до революции были железнодорожные пути. К началу 1940-х гг. их протяженность по сравнению с 1914 г. выросла в 1,5 раза. Рост автодорог с твердым покрытием за этот же период был существенно большим (с меньших начальных позиций): с 14 тыс. км в 1914 г. до 68 тыс. км в 1941 г., или почти в 5 раз. Именно в 1930-е гг. автодороги выходят по протяженности на второе место после судоходных путей сообщения, а к началу 1960-х гг. их протяженность выходит на первое место. Магистральные трубопроводы как транспортное средство приобретают значение (для переброски нефти и нефтепродуктов) лишь к концу 1930-х - началу 40-х гг. К началу 1960-х гг. их протяженность и значимость существенно увеличились (протяженность с 1,7 тыс. км в 1941 г. до 15,2 тыс. км в 1961 г., или почти в 9 раз). В целом, к началу 1960-х гг. сформировалась структура различных категорий транспортных путей, которая в основе своей сохранилась и в последующие три десятилетия: наибольшими темпами росла протяженность автодорог (с 1961 по 1990 гг. - в

5,3 раза), которые увеличили свой отрыв от других видов транспортных путей.

Протяженность автодорог с твердым покрытием уже к 1970-м гг. превысила длину всех прочих транспортных путей вместе взятых. Изменения протяженности внутренних судоходных путей были незначительны и имели волнообразный характер: длина их несколько увеличилась к началу 1970-х гг., а далее стала медленно сокращаться, составив в 1990 г. 108 тыс. км в сравнении со 117 тыс. км в 1961 г. Внутренние судоходные пути сохранили второе место по протяженности в структуре транспортных путей. Длина железнодорожных путей общего пользования росла медленно и незначительно: с 72 тыс. км в 1961 г. до 87 тыс. км в 1990 г., сохранив третью позицию в структуре транспортных путей. Наконец, весьма высокими темпами росла протяженность магистральных трубопроводов (с 15,2 тыс. км в 1961 г. до 68,4 тыс. км в 1990 г., или в 4,5 раза).

Вместе с тем, значимость видов транспорта в перевозке грузов существенно отличалась от структуры транспортных путей. Автомобильный транспорт имел особое значение для перевозки людей и грузов на небольшие расстояния, железнодорожный - на большие; трубопроводы являлись узкоспециализированным транспортным средством для нефти и нефтепродуктов. Еще в 1940 г. автомобильным транспортом было отправлено по весу грузов больше, чем всеми другими видами транспорта, на втором месте был железнодорожный транспорт, на третьем, с существенным отрывом, - речной. В 1960 г. позиции почти не изменились, хотя разрыв увеличился: автотранспортом было отправлено 4974 млн тонн грузов, железнодорожным - 1141, речным - 188, магистральным трубопроводным - 123 млн тонн¹. Ко второй половине 1980-х гг. автотранспортом отправлялось грузов существенно больше, чем всеми остальными видами транспорта, включая железнодорожный. Трубопроводным отправлялось теперь не меньше, чем речным, а в отдельные годы - больше². Вместе с тем, по грузообороту (перемещению грузов в тонно-километрах) железнодорожный транспорт сохранял свое доминирующее значение и в предвоенные годы, и в начале 1960-х гг., и в конце 1980-х гг. Так, в 1960 г. грузооборот железнодорожного транспорта составил 1047 млрд тонно-километров, речного - 93, автомобильного - 55, магистрального трубопроводного - 49. Уже в 1970-е гг. трубопроводный транспорт выходит по значению на второе место по грузообороту, а в 1990 г. его грузооборот составил 1240 млрд тонно-километров, железнодорожного транспорта - 2479, внутреннего водного - 214, а автомобильного - 68. Таким образом, трубопроводный транспорт не только вышел на вторые позиции по грузообороту, но и существенно превзошел и автотранспорт, и внутренний водный³. Чрезвычайно низкий удельный вес авто-

транспорта в грузообороте (1,5% в 1990 г.)⁴ свидетельствует о неразвитости и транспортных сетей, и автотранспортного парка. В развитых странах Европы и Америки в конце 1980-х гг. удельный вес автотранспорта в грузообороте, как правило, превышал 20% (США в 1988 г. - 24,7%, Франция - 21,2%, ФРГ - 43,4%, Италия - 22,8%, даже в островной Великобритании, где 80,3% грузооборота приходилось на морской транспорт, на автомобильный приходилось 16,2%)⁵.

Для континентального индустриального государства, каким является Россия, существовавшая структура удельного веса грузооборота различных видов транспорта (см. таблицу N 2) была недопустимой, характерной скорее для слаборазвитых государств.

ТАБЛИЦА N 2. Удельный вес транспорта в общем грузообороте (без воздушного и морского, в %)*.

Виды транспорта	1940	1960	1970	1980	1990
Весь транспорт	100	100	100	100	100
железнодорожный	87,4	84,2	76,2	59,8	58,6
автомобильный	1,8	4,4	5,3	6,2	7,1
внутренний водный	10,4	7,5	7,5	5,9	5,1
трубопроводный	0,5	3,9	11,1	28,1	29,3

* Таблица составлена и рассчитана по: Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Стат. ежегод. М., 1987. С. 244; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 536.

Гипертрофированное развитие трубопроводного транспорта стало в значительной степени следствием распродажи нефтяных и газовых ресурсов России на Запад. С последней позиции по удельному весу грузооборота в 1960 г. (3,9%) уже в 1970 г. трубопроводный транспорт переместился на вторую (11,1%), а к 1980-м гг. удельный вес этого вида транспорта в общем грузообороте более чем вдвое превысил удельный вес автомобильного и внутреннего водного вместе взятых, составив 28,1% в 1980 г. и сохранив эти позиции вплоть до 1990 г. (29,3%). Роль внутреннего водного транспорта в общем грузообороте в течение 1960-х - 80-х гг. медленно и плавно снижалась (1960 г. - 7,5%, 1990 г. - 5,1%), тогда как автотранспорта столь же медленно росла (с 4,4% в 1960 г. до 7,1% в 1990 г.). По сути, соотношение видов транспорта в объемах грузооборота менялось за счет гипертрофи-

рованного роста трубопроводного транспорта при значительном сокращении удельного веса железнодорожного (с 84,2% в 1960 г. до 58,6% в 1990 г.).

Этот процесс можно было бы считать прогрессивным, если бы, во-первых, он не отражал сдвиг экспортной структуры в сторону сырьевых отраслей, преимущественно энергоносителей, во-вторых, сопровождался бы адекватным развитием других прогрессивных видов транспорта, прежде всего автомобильного. Однако, этого не происходило: при существенном увеличении протяженности автомобильных дорог их сеть ни по количественным, ни по качественным параметрам не соответствовала уровню огромной сухопутной индустриально развитой страны, а объемы грузооборота были относительно малы. Между тем, именно грузовой автомобильный транспорт является основным средством сообщения, перевозки хозяйственных грузов на малых и средних расстояниях, и его неразвитость означала ограниченность сообщения между городами на районном, областном и региональном уровне. Таким образом, неразвитость этого сектора инфраструктуры, с одной стороны, отражала относительно низкую степень интеграции экономики на региональном уровне, с другой - мешала складыванию территориально-производственных комплексов. К тому же интенсивность перевозок грузов автомобильным транспортом была крайне низкой: ниже всех прочих видов транспорта, а относительно железнодорожного и трубопроводного транспорта - ниже в десятки раз. Так, в 1989 г. интенсивность грузоперевозок железнодорожными путями общего пользования была 30,0 млн тонно-километров на 1 км длины путей, трубопроводами - 20,7, а автомобильными дорогами - всего 0,3, причем этот показатель сохранялся на автотранспорте в течение всех 1980-х гг., тогда как на других видах транспорта наблюдался существенный рост интенсивности перевозок⁶.

Несмотря на значительный рост сети автомобильных дорог в течение 1960-х - 80-х гг., потребность в них удовлетворялась чуть более чем наполовину. Так, по подсчетам специалистов, во второй половине 1980-х гг. необходимо было сооружение в РСФСР около 450 тыс. км дорог с твердым покрытием при среднегодовом вводе в эксплуатацию в тот период лишь 10 тыс. км. К тому времени суммарная длина разрушавшихся участков автомобильных дорог превышала длину строившихся. Экономическая значимость дорожного строительства определялась не только тем, что каждый рубль, вложенный в него, давал около трех рублей национального дохода. Развитость транспортной инфраструктуры определяла качественно иной уровень пространственной организации общества, экономическую эффективность хозяйствования на обширных территориях, в том числе и в городах различного масштаба, условия жизни горожан и селян. Так, потери от бездо-

рожья в масштабах всего народного хозяйства составляли в середине 1980-х гг. свыше 10 млрд руб., а в хозяйствах, не имевших надежной транспортной связи с районными центрами, экономические показатели были в 2-3 раза ниже, чем у имевших такую связь.

Определенный сдвиг произошел в развитии средств связи. Так, выросло число телерадиоприемных точек с 39,3 млн в 1960 г. до 176,7 млн в 1990 г., то есть почти в 4,5 раза. За те же годы число телевизионных станций выросло с 157 до 6774, то есть более чем в 43 раза. К 1990 г. телевизионным вещанием было охвачено 97,9% населения РСФСР, включая почти все городское население, тогда как в начале 1960-х гг. - лишь население отдельных регионов страны. Некоторое развитие получили традиционные средства связи. Так, увеличилось число предприятий связи и их подразделений по обслуживанию клиентов с 38,6 тыс. в 1960 г. до 50,4 тыс. в 1990 г., в 2-3 раза увеличилось число почтовых отправлений различных видов. Развитие получила телефонная сеть, а число телефонных аппаратов телефонной сети общего пользования увеличилось с 2,8 млн в 1960 г. до 23,4 млн в 1990 г. Около 85-90% телефонных аппаратов приходилось на долю городской телефонной сети (в 1960 г. - 2,5 млн, в 1990 г. - 20,1 млн). Происходила телефонизация квартир населения, причем из общего числа телефонных аппаратов в квартирах было установлено к концу 1980-х гг. 2/3. Развивалась и автоматизация междугородних телефонных каналов.

Вместе с тем, в 1970-е гг. наметилось отставание в развитии средств связи от передовых стран. В течение последних десятилетий произошла революция в развитии средств связи, и прежде всего технической их базы. Огромную роль сыграла массовая компьютеризация, развитие получило кабельное телевидение и т.д. СССР в значительной степени оказался в стороне от технологического переворота в средствах связи и информации, что, несомненно, отразилось и на качестве городской инфраструктуры РСФСР в целом.

Относительная неразвитость инфраструктуры являлась фактором, сдерживающим как региональную (территориальную) хозяйственную интеграцию, так и формирование единого народнохозяйственного комплекса страны. Вместе с тем, и экономические проблемы территорий, и общегосударственные проблемы экономического развития, прежде всего адекватность научно-технической и технологической базы производства мировому уровню в условиях многочисленных технологических переворотов в 1970-е - 80-е гг., упирались в планово-административный механизм управления экономикой с доминирующим отраслевым принципом. Неповоротливый ведомственный механизм был способен скорее к тиражированию технологически устаревших производств, в том

числе путем строительства новых предприятий на старой технологической базе, нежели к гибкому реагированию на ускоряющиеся технологические прорывы и достижения науки и техники. Значительная часть российской инфраструктуры, явившись жертвой этого механизма, оказалась к концу 1980-х гг. на уровне слабо развитых стран, многие из которых в 1980-е гг. совершили в этой области рывок, интегрируясь в мировую экономику и используя передовые технологические решения. Для территориальной организации общества эта неразвитость инфраструктуры была сдерживающим интеграцию фактором как на региональном, так и на общегосударственном уровне.

2. Территориальная организация общества и развитие агломераций

Города, являющиеся в любом современном обществе важнейшими звеньями его территориальной организации, опорным каркасом размещения производства и расселения, не могут быть исследованы полноценно вне этого территориального контекста. Между тем, территориальная организация общества есть пространственное развертывание общественных отношений, приложимых к природной, социально-исторически преобразованной среде. В этом смысле природа накладывает свои ограничения (например, ограничивала интенсивность освоения северных и восточных регионов РСФСР), однако территориальная организация общества задается его социально-экономической организацией, уровнем развития производительных сил и господствующими общественными отношениями. История развертывания советской урбанизации и развития отечественного города в 1920-е - 1980-е гг. является, пожалуй, самым ярким подтверждением этого тезиса.

Действительно, государственно организованная форсированная индустриализация с отраслевым планово-директивным управленческим механизмом не только подчинила жизнь всего общества неким единым, централизованно выдвигаемым производственным задачам, но и обусловила действие качественно иного, отличного от действовавшего столетиями механизма развития территориальной организации общества. Российское государство и ранее активно вмешивалось в процесс градообразования, прежде всего, наделяя отдельные поселения административными и военными, в тех условиях градообразующими функциями. Однако, за исключением вновь осваиваемых территорий, это происходило преимущественно с уже сложившимися поселениями, имевшими и другие городские функции, являвшимися экономически-организу-

ющими территориальными центрами, вырвавшимися на торгово-ремесленной основе.

Эпоха перехода человечества к индустриальному обществу, существенно изменила как место и роль производственных функций в совокупности факторов градообразования, выдвинув их на первый план, так и сам общественный феномен города: все менее отчетливыми становились, размываясь, его функциональные, территориальные, социальные границы и признаки. Однако в большинстве стран, вплоть до возникновения развитых агломерированных форм размещения производства и расселения, город сохранил свою роль организующего территорию центра, вырастающего из ее потребностей и концентрирующего деятельность и функции, в том числе (и даже прежде всего) для ее обслуживания.

"Социалистическая индустриализация" обусловила радикальную смену механизма градообразования и основную функцию города, который перестал обслуживать территорию (и вырастать из нее на основе концентрации местных ресурсов), а превратился в инструмент обслуживания государственных производственных планов. Основные ресурсы градообразования и развития городов перешли из регионов, где они в течение столетий были сосредоточены между разными градоформирующими субъектами (местные власти, владельцы земли и собственности, предприниматели, жители различных сословий и т.д.), в руки отраслевых министерств, по своему усмотрению размещавших производства по территории страны. Изъятие финансовых ресурсов на местах и концентрация их в "центре", который получил также мощные рычаги распоряжения и прочими ресурсами, означало отторжение или "отчуждение" территорий от процесса формирования территориальной организации общества на местах, от регулирования их собственных центров, призванных играть организующую и обслуживающую территорию роль. И городская сеть, и конкретные города формировались, таким образом, в соответствии с ведомственным интересом, заключавшимся в наиболее "дешевом" (за счет минимизации затрат на социальную инфраструктуру и т.д.) размещении собственных производств. А так как на каждой территории, как правило, действовало несколько министерств, размещавших и расширявших свои предприятия, но, естественно, не согласовывавших свою деятельность "на местах", то города превратились в нагромождение промышленных зон и предприятий, с "поселками-спальнями" при них. Во многом иррациональной оказалась и сложившаяся городская сеть, с предельной экономической специализацией ряда регионов при дефиците иных функций, напряженностью или избыточностью в других местах трудовых ресурсов, гипертрофированным развитием немногих центров при отставании и "затухании" многих малых и средних городов, с

острейшими экологическими проблемами. Ситуация сложилась еще в 1930-е гг., однако в последующем она только усугублялась, проблемы тиражировались.

Территориальная организация общества - наиболее емкое междисциплинарное понятие, включающее размещение производства, расселения людей, административно-территориальную организацию государства и др.⁹ Города являются частью различных уровней этой организации. Они включены в сеть расселения, которая вторична по отношению к территориальной организации производства¹⁰. Некоторое, и со временем все большее число городов, включается в формирующиеся локальные системы расселения, то есть территориальное сочетание поселений, между которыми распределены функции, производственные и социальные связи¹¹, представляющие собой также некоторую иерархию (субординацию) населенных пунктов разной людности, занимающих свое место в территориально разделении труда¹². Вместе с тем, определенная часть поселений, в том числе городских, остается за пределами таких локальных систем. Целостность территориальной хозяйственной структуре страны придает совокупность крупных городских центров, являющихся ядром как территориальных производственных систем, так и локальных систем расселения.

Типология систем расселения в СССР, как она сложилась в 1960-е гг., отражающая ситуацию и в Российской Федерации, представлена в таблице N 3.

Естественно, города различных размерных "рангов" играли решающую роль в формировании этих систем расселения. Степень "притяжения" и величина включаемых в каждую систему территорий определялась интенсивностью связей (народнохозяйственных, социальных и т.д.) с городом, являвшимся их центром. Как правило, такие центры имели и определенные административные функции, что дополняло их сугубо экономическое влияние на определенной территории, однако далеко не всегда административный и "общественный" вес города совпадали.

Системы расселения различных уровней "накладывались" на территориальную организацию народного хозяйства, основной формой которой к началу 1960-х гг. были экономические районы. Являясь административным инструментом территориального планирования, экономические районы в 1960-е - 80-е гг. все больше отражали реальное пространственное структурирование складывавшегося единого народнохозяйственного комплекса страны. Поэтому они являлись важнейшим территориальным "срезом" урбанизационного процесса и городского развития общества. С учетом постановления Совмина СССР от 19 ноября 1982 г., по которому был выделен Северный район, в РСФСР в этот период было 11 экономических районов: Северо-Западный, Северный, Центральный, Волго-Вятский, Центрально-Черноземный, Поволжский, Се-

ТАБЛИЦА N 3. Типология систем расселения в СССР*.

Система расселения	Примерная величина центра системы, тыс. человек	Зона влияния или примерные радиусы доступности
Общесоюзная	8000-10000	Вся страна
Региональная	1000-5000	Территория союзной республики, крупного экономического района, области или края
Крупная система группового расселения	500-1000	60-100 км
Средняя система группового расселения	100-500	40-60 км
Малая система группового расселения	20-100	20-40 км

* Источник: Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация. М., 1976. С. 144. (Системная типология населенных мест в СССР предложена: См.: Кочетков А.В., Листенгурт Ф.М. Системный подход к прогнозированию развития сети населенных мест. В кн.: Прогнозирование развития сети населенных мест. М., 1974. С. 20.)

Городские поселения различных категорий были размещены по экономическим районам весьма неравномерно. (См. таблицу N 4).

Это являлось следствием ряда факторов. Во-первых, подавляющая часть городских поселений была "привязана" к основной полосе расселения, за пределами которой оставались все северные территории, преобладающая часть территории Сибири и Дальнего Востока, кроме узкой полосы на юге. Основная полоса расселения расширялась с Востока на Запад, включая преобладающую часть европейской России¹⁴. Сложилась она в результате совокупности природных, исторических, экономических, национальных, демографических условий, определив для конкретных территорий

плотность сельского населения и естественные людские резервы для урбанизации. Экономические районы, полностью или в зна-

ТАБЛИЦА N 4. Число городов и городских поселений в РСФСР*.

Экономические районы	Города				Все городские поселения	
	1959	1970	1979	1989	1959	1989
РСФСР	877	963	999	1037	2372	3230
Нечерноземная зона	482	507	515	523	1229	1534
Сибирь и Дальний Восток	156	180	191	211	613	900
Северный район	52	56	57	62	175	224
Северо-Западный	54	58	59	59	128	152
Центральный	230	234	238	241	531	650
Волго-Вятский	55	62	64	64	154	237
Центрально-Черноземный	45	48	48	50	82	136
Поволжский	68	82	86	89	172	270
Северо-Кавказский	68	89	96	99	145	218
Уральский	127	138	138	140	345	416
Западно-Сибирский	53	62	66	77	145	271
Восточно-Сибирский	49	60	63	70	185	277
Дальневосточный	54	58	62	64	283	352
Калининградская область	22	22	22	22	27	27

* Таблица составлена по: Городские поселения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 5-7.

чительной своей части вошедшие в эту основную полосу расселения, имели большой местный потенциал для развития городов. Во-вторых, экономические районы очень различались по величине территории. Так, Северо-Западный район охватывал 196,5 тыс. км², а Дальневосточный - 6215,9 тыс. км², то есть почти в 32 раза больше. Районы с относительно меньшей территорией и большей плотностью населения имели больше точек концентрации материальных и людских ресурсов, в которых формировались большие города. В то же время, при больших неосвоенных территориях наблюдалась повышенная концентрация населения в немногих центрах. Так, к концу 1980-х гг. половина городов-миллионеров РСФСР была расположена на Востоке за Уралом.

Наиболее насыщенными городскими поселениями в 1959-1989 гг. были Центральный и Уральский районы. Так, первый, где в 1959 г. было 230 городов, превосходил по их численности Сибирь и Дальний Восток вместе взятые (156 городов), и, хотя восточные регионы России совершили к 1989 г. рывок в урбанизационном процессе (211 городов), уменьшившееся превосходство Центрального района сохранилось (241 город). Урал остался к концу 1980-х гг. в ряду самых урбанизированных регионов (140 городов). Динамично росли города Северо-Кавказского экономического района (в 1959 г. - 68 городов; в 1989 г. - 99), относительно динамично росло число городов в Поволжье (1959 г. - 68, в 1989 г. - 89). В остальных районах города были распределены более равномерно, а рост численности был близок к средним показателям.

Динамика численности поселков городского типа менее показательна, однако некоторые из них являются потенциальными городами. В основном закономерностью является близкий уровень насыщенности районов городами и поселками городского типа. Так, Центральный район опережал остальные и по тем, и по другим категориям поселений. Однако, в Сибири и на Дальнем Востоке при их относительной малолюдности и преобладании добывающей промышленности на малоосвоенных территориях, именно такие поселки являлись опорными пунктами освоения и основными видами поселений. Так, если в целом восточнее Урала была сосредоточена примерно пятая часть городов РСФСР, то поселков городского типа - около трети.

Урбанизационный процесс в регионах отражен также в показателях роста численности городского населения (см. таблицу N 5). В 1959 г. в Центральном районе проживало 15,3 млн. горожан, что составляло почти 1/4 всех горожан республики и больше, чем в Сибири и на Дальнем Востоке вместе взятых. На втором месте был Уральский район (10,1 млн и примерно 1/6 часть городского населения России)

ТАБЛИЦА N 5. Численность городского населения экономических районов РСФСР (млн чел.)*.

Экономические районы	Городское население						
	1939	1959	1970	1979	1989	1990	1989 г. к 1959 г. в %
РСФСР	36,3	61,6	81,0	95,4	108,4	109,2	176,0
Северный район	5,4	2,5	3,3	4,1	4,7	4,7	184,9
Северо-Западный		4,5	5,6	6,5	7,2	7,2	159,9
Центральный	10,8	15,3	19,7	22,7	25,1	25,2	164,1
Волго-Вятский	1,8	3,2	4,4	5,2	5,8	5,9	181,3
Центрально-Черноземный	1,5	2,1	3,2	4,1	4,7	4,7	220,4
Поволжский	3,4	6,1	8,6	10,5	12,0	12,1	198,2
Северо-Кавказский	3,1	5,0	7,1	8,5	9,6	9,7	193,4
Уральский	4,9	10,1	12,3	13,8	15,2	15,3	149,4
Западно-Сибирский	2,4	5,7	7,4	8,8	10,9	11,0	190,8
Восточно-Сибирский	1,7	3,4	4,6	5,6	6,6	6,6	192,8
Дальневосточный	1,4	3,3	4,1	5,1	6,1	6,1	184,4

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. I. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1972. С. 10-15; Население СССР. 1988. Стат. ежегод. М., 1989. С. 12-18; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 10-14; Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990. С. 7-9.

Весьма урбанизированным был Поволжский район (третье место, более 6 млн горожан) и Северо-Западный (4,5 млн - при небольшой территории за счет второго по величине города-миллионера Ленинграда). Западно-Сибирский район был наиболее урбанизированным среди трех восточных районов республики и насчитывал в 1959 г. 5,7 млн горожан.

В течение трех десятилетий, к 1989 г. ситуация существенно изменилась. Наибольшими темпами росла численность населения тех экономических районов, где она была невелика: в Центрально-Черноземном - 220%, Восточно-Сибирском - 192,8%. Быстро росло городское население и в ряде других районов - Поволжском - 198,2%, Северо-Кавказском - 193,4%, и др.

Одним из показателей уровня урбанизированности территорий является удельный вес городского населения (см. таблицу N 6).

ТАБЛИЦА N 6. Удельный вес городского населения РСФСР по экономическим районам (в % ко всему населению района)*.

Экономические районы	1959	1970	1979	1989	1990
РСФСР	52	62	69	74	74
Северный район	55	64	72	77	77
Северо-Западный	72	80	85	87	87
Центральный	59	71	78	83	83
Волго-Вятский	39	53	62	69	69
Центрально-Черноземный	27	40	52	60	61
Поволжский	46	57	68	73	73
Северо-Кавказский	43	50	55	57	57
Уральский	62	69	71	75	75
Западно-Сибирский	51	61	68	73	73
Восточно-Сибирский	53	62	69	72	72
Дальневосточный	68	71	75	76	76

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. I. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1972. С. 10-15; Население СССР. 1988. Стат. ежегод. М., 1989. С. 12-18; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 10-14; Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990. С. 7-9.

В среднем по РСФСР в 1959 г. процент горожан едва превысил 1/2 населения, к концу 1980-х приблизился к 2/3. Превышали этот уровень в 1959 г. Северо-Западный район (72%), Уральский (62%), Дальневосточный (68%), Центральный (59%). Западная и Восточная Сибирь были близки к среднереспубликанским показателям, а наименее урбанизированными были Волго-Вятский (39%) и Центрально-Черноземный (27%) районы. К 1990 г. во всех экономических районах удельный вес городского населения превысил половину населения, однако территориальная динамика урбанизации была различной, и соотношение регионов по уровню урбанизированности изменилось. Наибольший удельный вес горожан в 1990 г. по-прежнему был в Северо-Западном районе (87%), Центральном (83%), Северном (77%), Дальневосточном (76%). Намного от среднего уровня отстал Северо-Кавказский район (57%), при значительном рывке с последнего места (с 27 до 61%) земледельческий Центрально-Черноземный район. К среднему уровню опустился с первых мест Уральский район (75%), сохранили средние показатели Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский районы, продвинулись к среднему уровню Поволжье, Волго-Вятский район.

Изменилось в течение трех десятилетий и соотношение экономических районов в удельном весе горожан относительно общей численности городского населения РСФСР (см. таблицу N 7).

Изменения эти были не радикальными, однако в ряде районов весьма заметными. Так, сократился удельный вес Центрального района (с 24,8% в 1959 г. до 23,1% в 1989 г.), Уральского (с 16,5 до 14,0%), Северо-Западного (с 7,3 до 6,6%). Это все районы, удельный вес которых в общей численности горожан республики был либо наибольшим, либо весьма значительным при относительно небольшой или средней территории района. Вместе с тем, вырос удельный вес Поволжского района, который и в 1959 г. был существенным (с 9,8 до 11,1%), причем этот густонаселенный район сохранил свое третье место в республике. Динамика остальных районов была относительно менее заметной, но все они увеличили свое представительство в общей численности горожан РСФСР. Так, в Северном районе рост произошел с 4,1 до 4,3%, Волго-Вятском - с 3,4 до 4,3%, Северо-Кавказском - с 8,1 до 8,9%. Вырос удельный вес всех районов восточнее Урала: Западно-Сибирского - с 9,3 до 10,1%, Восточно-Сибирского - с 5,5 до 6,1%, Дальневосточного - с 5,3 до 5,6%. В целом для всего периода характерна тенденция выравнивания экономических районов как по уровню их урбанизированности, так и по удельному весу горожан района в составе всех городских жителей республики, хотя и к началу 1990-х гг. различия были очень велики. Так, в одном Центральном районе в 1989 г. проживало по-прежнему

больше горожан РСФСР, чем в совокупности в Сибири и на Дальнем Востоке (соответственно 23,1 и 21,8%). При общих тенденциях урбанизационный процесс в каждом экономическом районе имел свое "лицо" и в значительной мере вписывался в западный или восточный варианты системы расселения и размещения производительных сил.

ТАБЛИЦА N 7. Динамика удельного веса городского населения экономических районов РСФСР во всем населении республики (в %)*.

Экономические районы	1959	1970	1979	1989
РСФСР	100	100	100	100
Северный район	4,1	4,1	4,3	4,3
Северо-Западный	7,3	6,9	6,8	6,6
Центральный	24,8	24,3	23,8	23,1
Волго-Вятский	5,2	5,4	5,4	5,4
Центрально-Черноземный	3,4	4,0	4,3	4,3
Поволжский	9,8	10,7	11,1	11,1
Северо-Кавказский	8,1	8,8	8,9	8,9
Уральский	16,5	15,2	14,4	14,0
Западно-Сибирский	9,3	9,2	9,2	10,1
Восточно-Сибирский	5,5	5,7	5,9	6,1
Дальневосточный	5,3	5,1	5,3	5,6

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. I. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1972. С. 10-15; Население СССР. 1988. Стат. ежегод. М., 1989. С. 12-18; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 10-14; Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990. С. 7-9.

Облик российских городов, их функциональная структура, динамика роста, величина определялись в первую очередь, а для большинства - преимущественно развитием промышленности. В свою очередь города концентрировали абсолютное большинство промышленных предприятий, крупных, больших, а также большинство малых. По уровню развития промышленности регионов страны, по ее специализации во многом можно судить и о характере развития городов конкретной территории, их функциональ-

ной структуре, динамике величины, облике. По степени развитости городской сети можно с уверенностью характеризовать уровень индустриализированности территории. В течение периода 1960-х - 80-х гг. наиболее индустриально развитыми оставались экономические районы: Центральный (22,9% всего объема промышленного производства РСФСР в 1989 г.), Уральский (15,8%), Поволжский (11,2%), Западно-Сибирский (11,0%). Вместе с тем, отчетливой была специализация экономических районов по отраслям добывающей и обрабатывающей промышленности, причем очевидно было преобладание первых на Западе, вторых - на Востоке). Если в 1989 г. в Центральном районе производилось до 25,0% всего объема производства обрабатывающих отраслей республики и лишь 3,5% добывающей, в Поволжском - 4,7% добывающей и 12,0% обрабатывающей, в Уральском - более сбалансированно - 10,8% добывающей и 16,4% обрабатывающей, то в Западно-Сибирском - 35,5% добывающей и 8,3% обрабатывающей. Существенное преобладание добывающей промышленности было также в Восточно-Сибирском (11,9%) и Дальневосточном (14,8%) экономическом районах. В целом в Восточных районах (включая Уральский) производилось в 1989 г. 70% объема производства добывающей промышленности и лишь 33,9% обрабатывающей, половина которой приходилась на высокоразвитый Урал¹⁵.

Центральный экономический район имел ярко выраженную специализацию на легкой промышленности (46,3% объемов продукции соответствующей отрасли республики, 1-е место среди районов), машиностроении и металлообработке (20,1%, 2-е место после Волго-Вятского района), цветной металлургии (19,9%, 2-е место в республике), пищевой промышленности (19,1%, 1-е место), промышленности строительных материалов (18,6%, 1-е место), электроэнергетике (18,1%, 1-е место)¹⁶. Таким образом, даже в тех отраслях, которые в собственном производстве Центрального экономического района занимали далеко не первое место, он оказывался впереди всех или абсолютного большинства регионов страны. Соответственно высокоразвитой была и сеть городских поселений, в которой насчитывалось в 1989 г. 650 городских поселений, из которых городов было 241, в том числе 41 средний, 20 больших, 9 крупных (от 200 до 500 тыс.) и 3 крупнейших (от 500 до 750 тыс.). Кроме того, именно в этом районе находилась столица страны и самый крупный город СССР - Москва¹⁷.

Из экономических районов, имевших выраженную специализацию, выделялся также Поволжский, в котором производилось 20,4% химической и нефтехимической продукции (1-е место), 14,4% машиностроения и металлообработки (3-е место), 13,1% электроэнергетики (3-е место)¹⁸. Поволжский район также имел

весьма развитую сеть городов (89 в 1989 г.), из которых было 11 средних, 8 больших, 1 крупный и 7 сверхкрупных (от 500 тыс. до 1 млн). Кроме того, 2 города насчитывали более 1 млн жителей¹⁹.

Одним из старых индустриальных районов был Уральский район. Он занимал второе место в РСФСР по объему производства промышленной продукции. Вместе с тем, структура промышленности была наиболее уравновешенной с точки зрения представительства добывающих и обрабатывающих отраслей: так, на долю первых в 1989 г. приходилось 10,8% всего объема производства в РСФСР, вторых - 16,4%. В структуре индустрии резко преобладала тяжелая промышленность. Урал представлял собой старейший очаг горнорудного дела в стране, черной и цветной металлургии. Эти отрасли остались отраслями его специализации и в 1960-е - 80-е гг. Так, продукции черной металлургии в 1989 г. производилось на Урале 46,3% от общего производства в республике (1-е место), цветной металлургии - 23,6% (2-е место). Второе место занимал Урал в производстве продукции машиностроения и металлообработки (16,2%), электроэнергетики (17,4%), топливной промышленности (16,8%), промышленности строительных материалов (13,5%). Достаточно высокоразвитыми были и другие отрасли, включая легкую и пищевую промышленность. Ярко выраженной специализацией Уральского района была черная и цветная металлургия, в производстве продукции которых на район приходилось почти 70% республиканской продукции. Однако по своей насыщенности производствами большинства промышленных отраслей Урал представлял собой уникальный регион РСФСР²⁰.

Промышленная база была на Урале абсолютно преобладающим градообразующим фактором, а сам район - среди наиболее урбанизированных в стране. К 1989 г. в нем насчитывалось 416 городских поселений, в том числе 24 средних города (от 50 до 100 тыс. жителей), 15 больших (от 100 до 250 тыс.), 4 крупных (от 250 до 500 тыс.), 2 крупнейших (от 500 до 750 тыс.) и 4 города-миллионера²¹. По числу городов-миллионников Урал был впереди всех экономических районов не только Российской Федерации, но и СССР в целом.

Иной была ситуация в Центрально-Черноземном районе, издавна являвшемся продовольственной базой страны, а также центром добычи железной руды. Из всех отраслей производства здесь была наиболее развита черная металлургия, по производству продукции которой в 1989 г. район занимал второе после Урала место в РСФСР (12% всей продукции отрасли). В целом по производству промышленной продукции район был на одном из последних мест в республике (4,8% общего объема в 1989 г.)²². В течение 1960-х - 80-х гг. на базе Курской магнитной аномалии

формировался территориально-производственный металлургический комплекс, определенное развитие получили пищевая индустрия и машиностроение, а на этой основе - ряд промышленных центров. Однако в целом в районе урбанизация проходила менее интенсивно, нежели в ряде других с более выраженной индустриальной специализацией, да и начался этот процесс позже и с менее высокого уровня. К 1989 г. здесь насчитывалось всего 59 городов, из которых лишь 8 перешли 100-тысячный рубеж, а из них 4 вошли в категорию крупных (от 250 до 500 тыс.). Кроме того, самый крупный город - Воронеж - оказался в ряду городов, в ближайшие десятилетия готовых войти в категорию миллионников, но пока, к 1989 г. по численности населения далеко им уступающим (880 тыс. жителей)²³.

Своя специфика была в Восточных районах республики - Западно-Сибирском, Восточно-Сибирском и Дальневосточном. При всех отличиях и в экономическом развитии, и в системе расселения, их объединяли преимущественный вклад в добывающую промышленность, низкая плотность населения при огромных малосвоенных территориях, "сдвинутость" полосы расселения к югу каждого из регионов. В течение трех десятилетий в экономическом потенциале РСФСР повышалась роль Восточных районов, на долю которых к концу 1980-х гг. приходилось более 30% основных промышленно-производственных фондов, выпускалось 22% общего объема промышленной продукции, получили развитие обрабатывающие отрасли. Доля продукции химии и нефтехимии достигла 17%, промышленности строительных материалов - 27%²⁴.

Суровые климатические условия, малая освоенность территорий, за исключением узкой полосы на юге, постепенно сужавшейся с запада на восток, преобладание добывающих отраслей промышленности не способствовали активному градообразованию и росту городов. Так, на весь огромный регион Сибири и Дальнего Востока в 1959 г. было 156 городов, а в 1989 г. - 211, причем и число городов в экономических районах, и их размеры уменьшались с запада на восток, соответственно основной полосе расселения²⁵. Так, в 1989 г. в Западно-Сибирском районе было 77 городов, из них 4 в категории крупнейших с численностью населения от 500 до 750 тыс. и 2 миллионника; в Восточно-Сибирском - 70 городов, из которых лишь 2 перешагнули 500-тысячный рубеж, и ни одного города-миллионера; в Дальневосточном районе - 64 города, из которых было 2 крупнейших города, но ни один не превысил численности категории от 500 до 750 тыс.²⁶ Зато широко были представлены поселки городского типа, как правило, местные центры добычи полезных ископаемых. Так, в среднем по РСФСР число таких поселков превышало численность городов примерно вдвое, а в Сибири и на Дальнем Востоке - втрое²⁷.

Таким образом, сеть городских поселений, концентрируя в себе основную производственную, в первую очередь, промышленную базу территорий, в то же время напрямую зависела от степени индустриального развития регионов, их специализации, уровня концентрации производства и населения. Крупные городские центры выступали в качестве ядра локальных систем расселения, причем в регионах и в масштабах всей страны формировалась как бы иерархия взаимосвязанных между собой центров, в сфере влияния каждого из которых оказывалась определенная территория, чьи масштабы зависели как от функциональной развитости центра, прежде всего его экономического потенциала, так и от развитости региональной сети поселений. Взаимодействие между собой городских центров в сфере производства, распределения, управления, науки, своеобразное разделение труда по обслуживанию территорий придает им двуединую функцию - опорного экономического каркаса и одновременно опорного каркаса расселения страны. По весьма точной оценке Г.М.Лаппо, усиливавшееся в последние десятилетия взаимодействие городских центров делало их совокупность "не просто суммой, но системой центров - фокусных точек, экономически скрепляющих территорию, обеспечивающих территориально-хозяйственную интеграцию"²⁸.

В качестве примера одного из вариантов регионального развития городов можно подробнее рассмотреть развитие городских поселений Северо-Западного экономического района. Этот регион, относясь к "западному" варианту системы расселения и размещения производительных сил, характеризовался в 1960-е - 80-е гг. в целом сложившимся размещением производства. В современных границах Северо-Западный район включал Ленинградскую, Новгородскую и Псковскую области, был в целом высокоурбанизированным (в 1959 г. 71,6% жителей были горожанами, в 1989 г. - 86,5%, что значительно больше средних показателей по РСФСР), однако прежде всего за счет г.Ленинграда, концентрировавшего преобладающую часть населения района (1959 г. - 75,1%, 1989 г. - 70,0%)²⁹. Система расселения района включает Ленинградскую агломерацию, являющуюся классическим примером крупной моноцентрической агломерации. Так, население Ленинградской области без г.Ленинграда составляло на протяжении всего периода 1960-х - 80-х гг. не более 1/5 всего населения, хотя удельный вес его все-таки увеличился с 14,7% в 1959 г. до 21,8% в 1989 г.³⁰ за счет ограничения прописки в Ленинграде и при росте ближайших городов. В Ленинградскую агломерацию входили в первую очередь старые близлежащие города, часть из которых либо непосредственно срослась с разраставшимся городом, либо оказалась в административном городском подчинении (Колпино, Пушкин, Петродворец, Ломоносов, Кронштадт, Сестрорецк, Павловск), лишь Зеленогорск был образован в 1946 г.³¹

Степень урбанизированности других областей Северо-Запада была существенно ниже. При относительно немногочисленном населении и относительно большей, чем средняя для европейской части России, территории Новгородской и Псковской областей, горожан в них было меньше, чем в среднем по РСФСР. Так, в Новгородской области они составляли в 1959 г. 37,9% (РСФСР - 52,2%), в 1989 г. - 69,4% (РСФСР - 73,4%), в Псковской области за те же годы 26,6% и 62,8%³². Хотя в целом население городских поселений Северо-Западного экономического района росло относительно большими темпами, чем население Ленинграда, однако в абсолютных цифрах именно он и ближайшие города области сконцентрировали преобладающую часть новых горожан. Так, численность ленинградцев за 1959-1989 гг. выросла на 1,6 млн, а численность всех горожан Новгородской и Псковской областей - на 0,5 млн³³. Преобладающая часть роста численности горожан, особенно в Ленинграде, была обеспечена на основе механического прироста: Ленинград концентрировал мигрантов не только своей области и экономического района, но и со всей страны.

В Новгородской и Псковской областях отсутствовали локальные системы расселения. Промышленная специализация этих областных центров и ряда других городов была ориентирована на потребности Ленинграда. В то же время Ленинград имел как бы две зоны притяжения городов: локальную систему расселения, представлявшую собой одну из старейших в России и крупных сложившихся агломераций, и региональную, включавшую территорию Ленинградской, Новгородской и Псковской областей. Определенное хозяйственное тяготение к этой системе имели отдельные города западной части Вологодской области и юга Карельской АССР. Наиболее развитыми были малые и средние города, имевшие благоприятное относительно Ленинграда положение, тогда как многие из прочих городов являлись одноотраслевыми промышленными центрами, с небольшими предприятиями либо производствами, связанными с головными предприятиями. Экономика последних зачастую была оторвана от экономики прилегающих территорий. Положение Новгорода и Пскова - больших областных городов - также характеризовалось этими негативными моментами. Случайное, стихийное размещение производств в малых и средних городах экономического района, часто по прихоти ведомств и руководства головных предприятий Ленинграда, сдерживало формирование локальных и региональных систем расселения и размещения производительных сил, решение социальных проблем, формирование развитой социальной инфраструктуры³⁴.

В целом, несмотря на неблагоприятную демографическую ситуацию в регионе, урбанизационный процесс в нем оказался весьма динамичным. Так, при высокой степени сформированности се-

ти городских поселений, в Северо-Западном экономическом районе с 1959 по 1989 гг. число городов увеличилось с 54 до 59, а поселков городского типа с 74 до 93; в категорию больших городов, помимо областных Новгорода и Пскова, перешли Великие Луки, а Выборг, Гатчина приблизились к ней³⁵. Развитие региона в целом подчинялось закономерностям формирования гипертрофированной моноцентрической агломерации с центральным городом Ленинградом, концентрирующим основную часть людских и производственных ресурсов всего Северо-Западного района.

Весьма специфическим было развитие системы расселения Центрально-Черноземного экономического района, прежде всего малых и средних городов, которые весьма неравномерно были расположены по его территории. Городские поселения этого экономического района представлены только малыми городами в юго-восточной части Воронежской и Тамбовской областей, северной и южной части Липецкой области, в полосе, идущей с северо-запада на юго-восток, в Белгородской области и почти по всей Курской области вне сферы влияния областного центра. Исторически эти территории формировались как сельскохозяйственные с преимущественным развитием пищевой промышленности, вследствие чего там почти не было крупных и больших городов³⁶. К этим категориям в 1959 г. относилась лишь часть областных центров: Воронеж - 447 тыс., Курск - 205 тыс., Тамбов - 172 тыс., Липецк - 157 тыс.³⁷ Всего в Центрально-Черноземном районе в 1959 г. было 45 городов и 37 поселков городского типа, к 1989 г. соотношение изменилось - 50 городов и 86 поселков. В целом в течение всего периода 1960-х - 80-х гг. этот экономический район оставался, несмотря на существенные сдвиги, среди наименее урбанизированных регионов России. Так, в 1959 г. лишь 27,2% его жителей были горожанами, в 1989 г. - 60,3%³⁸. К 1989 г. в состав крупных городов вошел Белгород (298 тыс.), в 1959 г. насчитывавший всего 72 тыс. жителей, в категорию больших - Елец (119 тыс.), Мичуринск (196 тыс.). Крупными городами стали также Тамбов (303 тыс.), Курск (420 тыс.), Липецк (449 тыс.), а Воронеж вошел в категорию крупнейших городов (881 тыс.)³⁹.

Несколько городов перешли в разряд средних (Губкин, Борисоглебск, Россошь, Железнодорожск, Моршанск). В целом при низком "старте" урбанизационного процесса в конце 1950-х гг. рынок был весьма существенным: удельный вес горожан в составе жителей экономического района вырос за три десятилетия более чем вдвое, а численность горожан - с 2,1 млн до 4,7 млн, или в 2,2 раза⁴⁰. Таких темпов роста не было практически нигде. Их основой стало ускоренное промышленное развитие с опережающими темпами роста отраслей тяжелой промышленности, в первую очередь в больших и крупных городах Центрально-Черноземного района и в их спутниках. Ко второй половине 1970-х гг.

трудовые резервы были в основном исчерпаны, но продолжался механический прирост населения, а также возникла необходимость развивать городские поселения, расположенные вне сложившейся системы городского расселения. Усилилось освоение сырьевых ресурсов района, в частности на территории Курской магнитной аномалии. На этой основе динамично развивались центры железнорудной промышленности (Губкин, Старый Оскол Белгородской области и Железногорск в Курской), центр освоения месторождения фосфоритов (г.Уварово Тамбовской области) и др. Реконструировались предприятия городов-спутников, имевших разную специализацию (Семилуки - металлургическая промышленность, химическая промышленность в Щебекино и Котовске и др.). В ряде городов создавались машиностроительные производства. Значительная часть малых городов сохраняла специализацию на пищевой промышленности, опирающуюся на богатую сырьевую базу в сельском хозяйстве. Вместе с тем, ускоренный рост отраслей добывающей и тяжелой промышленности резко ухудшил экологическую обстановку в целом ряде областей экономического района⁴¹.

К концу 1960-х - началу 70-х гг. в отечественной урбанистике произошло осознание того факта, что развитие города как типа поселения определяется целой поселенческой структурой территории, а не является изолированным⁴². Этот шаг в развитии урбанистики отразил реальные тенденции в самом урбанизационном процессе: формирование территориальных поселенческих систем. К началу 1960-х гг. в стране сформировалось несколько крупных агломераций, десятки средних и небольших.

В этой связи повышение степени эффективности планирования и управления отдельным городом, какого бы размера и народнохозяйственного, политического и культурного значения он ни был, становилось возможным лишь при учете его включенности в территориальную систему поселений.

В те же годы в урбанистике получило распространение мнение, что формы расселения, подобные агломерированным зонам, способствуют преодолению существенных различий между городом и деревней, ведут к их постепенному слиянию, а также преодолевают существенные различия между крупнейшими и малыми городами⁴³.

Конечно, такие позиции формировались под влиянием господствовавшей идеологической установки о преодолении при социализме основных социальных различий, в том числе между городом и деревней, однако они частично отражали и реальные последствия наметившихся в послевоенные годы и получивших развитие в 1960-е - 80-е гг. тенденций изменения поселенческой структуры в стране. Вместе с тем, в условиях отраслевого механизма централизованного управления народным хозяйством эти

теоретические оценки мало сказывались как на управленческих решениях, касающихся развития поселенческой структуры, так и на процессах агломерирования: и градообразующая база, и производственный профиль более широких территорий и находящихся на них поселений, в том числе перераставших в агломерированные зоны, как правило, формировались стихийно, складывались из независимых друг от друга объектов. Хорошо об этом процессе сказал Г.М.Лаппо: "Город аккумулировал, объединял в себе результаты разрозненных ведомственных решений, вследствие чего складывался конгломерат технологически и технико-экономически слабо связанных между собой элементов, которые функционируют в составе разных отраслевых систем"⁴⁴. Слабая увязка отраслевого и территориального планирования и управления сказывалась в не меньшей степени, чем на развитии городов, и на более крупных территориальных системах, включая агломерации. Хотя в теории и политических декларациях много внимания уделялось, особенно с 1970-х гг., территориально-производственным комплексам, на практике на местах преобладала стихийность и, как следствие, хаотичность размещения народнохозяйственных объектов, концентрации производства и населения, вызванные несогласованностью ведомственной политики (при ее директивности) в регионах.

Процесс концентрации населения породил такое явление как "группы территориально сближенных поселений" (ГТСП), под которыми понимается группа поселений, имеющая в своем составе не менее двух городов (либо город и поселок городского типа численностью не менее 10 тыс. жителей, или большой город численностью 250 тыс. жителей и поселок городского типа), расположенных на расстоянии 20-25 км друг от друга, то есть в пределах, доступных для маятниковой миграции населения. Особое значение имели ГТСП, формировавшиеся на базе крупных и крупнейших городов. По уровню развития групповых форм расселения (доля населения, проживающего в пределах ГТСП, число ГТСП и их типов, в том числе ГТСП высших "рангов", доля населения района в общей численности населения РСФСР) к концу 1960-х - середине 70-х гг. все экономические районы дифференцировались следующим образом: наиболее высокий - Центральный, высокий - Северо-Западный, Уральский, Поволжский, Западно-Сибирский; средний - Волго-Вятский, Центрально-Черноземный; низкий - Северо-Кавказский, Восточно-Сибирский, Дальневосточный. При этом восточные районы, включая Урал, характеризовались большей долей ГТСП "низших" рангов сравнительно с европейской частью РСФСР, менее высоким уровнем развития агломераций близких типов⁴⁵.

В целом по РСФСР к середине 1970-х гг. насчитывалось 154 группы территориально-сближенных групп поселений, в том чис-

ле с численностью населения наиболее крупного города от 100 до 250 тыс. - 38, с превышающим 250 тыс. - 51, из которых было 21 агломераций. Все ГТСП включали на тот момент 57,6% всего населения, в том числе 3/4 городского и почти 1/4 сельского⁴⁶. К середине 1980-х гг. специалисты насчитывали уже около 270 групповых систем населенных мест, охватывавших 20% территории и 90% населения РСФСР⁴⁷.

Особенно большое значение как в системе расселения страны, так и в размещении производительных сил, к началу 1960-х гг. начинают приобретать агломерации, сформированные на базе крупных и крупнейших городов. Именно агломерации с их высочайшей степенью концентрации материальных и людских ресурсов на ограниченной территории, не только расположенных рядом городских и сельских поселений, но и представляющих собой в той или иной степени иерархию в общественном территориальном разделении труда, естественным образом формировали в 1960-е - 80-е гг. территориальный каркас единого народно-хозяйственного комплекса и одновременно опорный каркас системы расселения страны⁴⁸. Это был процесс, шедший вопреки многочисленным принимавшимся решениям об ограничении роста крупных городов.

Естественно, все группы территориально сближенных поселений, имея общие "базовые" признаки, весьма различаются по размерам групп и их центров, степени развитости функций и системы взаимосвязей и т.д. Далек не все ГТСП в период 1960-х - 80-х гг. сформировались в качестве системы, состоящей из действительно тесно взаимосвязанных поселений, тем более перерастали в агломерации. Наиболее ранней по времени возникновения агломерацией была Московская. Отдельные признаки ее формирования можно проследить еще в 1920-е - 30-е гг., когда интенсивно росший столичный город не только втягивал в свою орбиту относительно недалеко расположенные городские и сельские поселения, но и постепенно поглощал ближайшие. Число поселений и величина территории, втягивавшихся в сферу прямого влияния Москвы постоянно росли и в послевоенные годы, параллельно с ростом собственной территории города, которая составляла: в 1939 г. - 325 км², в 1959 г. - 356,4 км², в 1971 г. - 878,7 км², в 1989 г. - 1074,0 км²⁴⁹. Московская агломерация представляет собой классический образец моноцентрической агломерации, в которой, в отличие от полицентрической, один город-центр, подчиняющий своему воздействию все остальные поселения как в пригородной зоне, так и во внешней периферийной зоне, и намного гравитирующий по своему потенциалу и размеру прочие города. Для таких агломераций, а для Московской особенно, был характерен процесс усиленной концентрации населения в центре, причем не только в самом городе, но и в ближайших к нему поселе-

ниях. На рубеже 1950-х - 60-х гг. в связи с административным расширением территории Москвы происходит поглощение целого ряда таких городов, особенно быстро развивавшихся в послевоенные годы и входивших в список областных промышленных центров и крупнейших городов Московской области⁵⁰. Так, численность населения Перово в 1959 г. составила 143 тыс., Кунцево - 129 тыс., Бабушкина - 112 тыс., другие города приближались к 100-тысячной отметке (Пушкино - 90 тыс., Люблино - 86 тыс.), то есть общей численностью населения более полумиллиона, а также 13 поселков городского типа с более чем 200 тыс. населения⁵¹. Именно в 1950-е гг. в основном сформировались три пояса городских поселений, причем не формально совпадавших с тремя поясами административных районов Подмосковья, а характеризовавшихся высокой степенью взаимосвязи с центральным городом области и страны. В 1950-е гг. в I поясе было 6 городов, во II поясе - 8, в III поясе - 11, а также было создано 23 поселка городского типа⁵². С поглощением ближайших к Москве городских поселений к очередному поясу, по сути, объективно переходила функция концентрации населения, так как преодолеть ограничительные барьеры в рамках области было существенно легче, чем получить прописку в самой Москве, а транспортные возможности создавали примерно одинаковые условия для маятниковой миграции между жителями ближайшего Подмосковья и окраин Москвы. Хотя в целом Московская область усиленно притягивала к себе население, однако концентрировалось оно преимущественно в Москве и в районах I пояса. Так, с 1959 по 1970 гг. плотность населения в районах I пояса возросла с 366 до 470 чел/км², тогда как во II поясе уменьшилась с 245 до 172, а в III поясе сохранилась почти на прежнем уровне (с 65 до 71 чел/км²), причем при одновременном сокращении сельского населения. Те же тенденции прослеживаются и в дальнейшем. Так, к 1970 г. плотность населения I пояса составила 510 чел/км², II пояса - 183 и III пояса - 74 чел/км², что свидетельствовало о все большей интеграции ближнего Подмосковья в единую с Москвой агломерированную зону⁵³. Однако интенсивность взаимосвязей поселений Московской области нарастала по всему радиусу от столицы и I зоны к III-й. Если в конце 1950-х - начале 60-х гг. с полным основанием можно считать входящими в Московскую агломерацию поселения I и частично II пояса, то к концу 1980-х - началу 90-х гг. она фактически охватывала более половины территории Московской области, втягивая в свою орбиту, особенно на северо-востоке, поселения и за ее пределами. Основные параметры развития Московской системы расселения представлены в таблице N 8.

ТАБЛИЦА N 8. Некоторые параметры развития Московской системы расселения*.

	1959	В т.ч. в границах Москвы 1961 г.**	1970	1979	1989	1989 г. в % к 1959 г. (в границах Москвы 1961 г.)
Численность населения агломерации (млн)	10,9	10,9	12,9	14,4	15,6	143,1
В том числе г. Москва (млн)	5,0	6,0	7,1	7,9	8,7	174,0
Удельный вес населения Москвы в составе агломерации (в %)	-	55	55	55	55,8	-
Общая численность городов	70	65	68	71	72	110,7
- в том числе с населением свыше 100 тыс.	7	4	9	15	16	400
- в том числе с населением от 50 до 100 тыс.	15	11	16	18	23	209,1
Численность населения Московской области (млн)	5,9	4,9	5,8	6,5	6,9	117,0
Численность городского населения Московской области (млн)	3,5	2,5	4,0	4,8	5,5	157,1
Удельный вес городского населения Московской области (в %)	59,3	51,0	69,0	73,8	79,7	134,4

	1959	В т.ч. в границах Москвы 1961 г. **	1970	1979	1989	1989 г. в % к 1959 г. (в гра- ницах Москвы 1961 г.)
Удельный вес жи- телей городов свыше 100 тыс. в составе горожан области (в %)	-	18	29	39	42	-
Численность на- селения городов свыше 100 тыс. жителей (тыс.)	-	461	1140	1994	2285	495,7
Число поселков городского типа	58	-	74	104	111	-

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. М., 1961. С. 20; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. I. М., 1972. С. 10, 80-81; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. I. М., 1980. С. 28-29; Городские поселения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи 1989 года. М., 1991. С. 181-182; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 82; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 10; Саушкин Ю.Г., Глушкова В.Г. Москва среди городов мира. М., 1983. С. 62; Народное хозяйство СССР в 1960 г. М., 1961. С. 68-69; Народное хозяйство СССР в 1970 г. М., 1971. С. 37-45; Московская область за 50 лет. М., 1967; Москва в цифрах в 1979 г. М., 1979; Трифанов А.А. Формирование сети городских поселений на территории Московской области (середина XIX в. - 1976 г.) // Русский город. Вып. 5. М., 1982. С. 31, 33.

** В 1960-1961 гг. были приняты решения о расширении границ Москвы, в связи с чем в ее черту вошли города Кунцево, Перово, Люблино, Тушино, Бабушкин, ряд городских и сельских поселений, а общая численность населения мехматических увеличилась почти на 1 млн человек. В 1983, 1984, 1985 гг. в административное подчинение Москвы был передан еще ряд населенных пунктов ближнего Подмосковья. (См.: История Москвы. М., 1978. С. 448; Народное хозяйство СССР в 1959 г. М., 1960. С. 35-44.)

Общая численность городов выросла незначительно, с 70 в 1959 г. до 72 в 1989 г., однако произошло поглощение ряда из них Москвой. Существенно большим оказался рост численности поселков городского типа (с 58 в 1959 г. до 111 в 1989 г.), хотя они также активно поглощались столицей⁵⁴. Более показательна концентрация населения в городах. Так, если в целом в Московской области за 1959-1989 гг. численность населения выросла на 43%, населения области (без Москвы) - всего лишь на 17%, то численность городского населения области (без Москвы) - на 57%, Москвы - на 74%, населения больших городов (свыше 100 тыс.) - почти в 5 раз. Удельный вес городского населения области (без Москвы) вырос с начала 1960-х гг. по 1989 г. с 51 до 79,7%. Для этого периода характерно, что чем больше были подмосковные города и чем ближе они были расположены к Москве, тем относительно быстрее они росли. Так, общая численность средних городов (от 50 до 100 тыс. жителей) выросла с начала 1960-х гг. в 2 раза, а больших (свыше 100 тыс.) - в 4 раза. Большие города, особенно относительно более удаленные от Москвы (II и III пояс) сами становились центром притяжения окружающих поселений. Динамика развития больших городов Московской области, чья численность населения превысила к 1989 г. 100 тыс., представлена в таблице N 9.

Быстрее всех рос город Зеленоград, созданный в 1963 г. как город-спутник Москвы. Всего за четверть века его численность населения составила 159 тыс. Такому быстрому росту способствовали как его статус, так и близость к Москве. Наибольшими темпами роста также отличались города, находящиеся в I поясе окружения Москвы, в крайнем случае и реже - во II-м. Так, в 1959 г. из 4 больших городов в I поясе не было ни одного (прежний ближний пояс вошел в состав Москвы в 1960-1961 гг., и эти города в таблицу не включены), уже в 1979 г. они вошли в состав 100-тысячников, и их оказалось 6 - больше, чем больших городов в других поясах. И в самом деле, на первом месте по темпам роста численности населения после Зеленограда оказались города этого пояса (Одинцово - рост более чем в 6 раз, Химки - почти в 3 раза, Балашиха - в 2,3 раза). Из I пояса лишь Люберцы (в 1,7 раза) и Мытищи (в 1,6 раза) имели прирост ниже, чем наиболее быстрорастущие города II пояса (Жуковский - в 2,4 раза, Щелково - в 1,9 раза, Калининград - в 2,2 раза). Наиболее отдаленные большие города заняли последние места по темпам роста численности населения (Орехово-Зуево - на 27%, Серпухов - на 35%, Коломна - на 36%, Загорск - на 55%), хотя сами по себе их темпы роста нельзя считать незначительными.

Таким образом, не только большие города росли наибольшими темпами, но и среди них выделялись "рекордсмены", преиму-

ественно ближе расположенные к центру агломерации. За период 1960-х - 80-х гг. был совершен рывок в повышении удельного веса численности жителей больших городов среди всех горожан Московской области с 18% в 1959 г. до 42% в 1989 г. Всего же вместе с Москвой численность горожан в области выросла с 8,8 млн в 1959 г. до 14,3 млн, или в 1,6 раза, а удельный вес горожан - с 80,3 до 91,2%⁵⁵.

В 1960-е - 80-е гг. на территории Московской области шел многосторонний и взаимосвязанный в своих составляющих процесс: Москва, неуклонно растущая вопреки всем ограничительным планам и решениям, вынуждена была все же отдавать часть своих, в первую очередь производственных функций близлежащим городам, выносить или создавать за пределами города - и даже области - часть смежных производств, сдерживать приток переселенцев, оседавших вследствие этого в I и II поясе вокруг столицы. Но и в III поясе происходила концентрация населения, а формировавшиеся и росшие большие и средние поселения оказывались все более тесно взаимосвязанными со столицей интенсивными производственными, трудовыми, рекреационными связями. Расширялся ареал Московской агломерации, причем многие города и поселения области входили в нее уже в новом качестве: на местном уровне формировались локальные агломерационные образования, агломерации второго порядка. Так, на востоке области образовалась целая группа близлежащих и взаимосвязанных больших и средних городов: Ногинск-Электросталь, Павловский Посад, Орехово-Зуево; на юго-востоке: Воскресенск, Коломна, Луховицы, Зарайск; на юге: Ступино-Кашира-Ожерелье-Озеры, Чехов-Серпухов, Подольск-Климовск; на севере: Дмитров-Яхрома; и т.д. Ближнее Подмосковье вдоль транспортных путей, особенно магистралей, превращалось по ряду направлений в сплошную заселенную зону из сраставшихся городов, поселков городского типа, дачных поселков и т.д.

Западная, северо-западная и частично южная части Московской области выполняли рекреационные и санитарно-защитные функции столицы и области, вследствие чего в этих направлениях сдерживалось формирование агломераций второго порядка. Однако в течение последних десятилетий и здесь интенсивно шел процесс агломерирования, прежде всего в ближнем Подмосковье.

Основными агломерациями второго порядка в области в 1980-е гг. явились: в ближайшем окружении столицы - Мытищинско-Калининградская, Реутово-Балашихинская, Люберецко-Раменская, Подольская, Одинцовская, Красногорская, Химкинско-Зеленоградская, Дмитровская, Загорская, Ногинско-Электростальская, Павлово-Посадская, Орехово-Зуевская, Воскресенская, Егорьевская, Коломенская, Ступино-Каширская, Серпухов-

ская⁵⁶. Большинство из них к концу 1980-х гг. слилось в единую Московскую агломерированную зону.

ТАБЛИЦА № 9. Динамика численности населения больших (свыше 100 тыс. жителей) городов Московской агломерации (тыс. чел.)^{*}.

Города	1959	1970	1979	1989	1989 г. к 1959 г. в %
Зеленоград	-	73	141	159	-
Подольск	129	169	202	208	161,2
Люберцы	95	139	154	165	173,7
Коломна	118	136	146	161	136,4
Калининград	72	106	135	160	222,2
Мытищи	99	119	141	155	156,6
Электросталь	97	123	140	152	156,7
Серпухов	106	124	140	143	134,9
Орехово-Зуево	108	120	133	137	126,9
Балашиха	58	92	116	135	232,8
Химки	48	87	118	134	279,2
Одинцово	20	67	101	126	630,0
Ногинск	93	104	119	123	132,3
Загорск	74	92	108	115	155,4
Щелково	58	78	100	109	187,9
Жуковский	42	74	91	101	240,5
Всего:	1217	1703	2085	2283	187,6
Общая численность населения городов свыше 100 тыс. жителей	461	1140	1994	2283	495,2
Всего больших городов	4	9	15	16	400

* Таблица составлена и рассчитана по: Народное хозяйство СССР в 1970 г. Стат. ежегод. М., 1971. С. 37-45; Городские поселения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 181-182.

Относительно границ Московской агломерации у специалистов не сложилось единого мнения. Так, существует распространенная позиция, согласно которой в Московскую групповую систему населенных мест (ГСНМ) входят территории радиусом 130 км, то есть в пределах 2,5 часовой транспортной доступности. При таких критериях площадь Московской агломерации превышает размеры области и включает часть поселений за ее пределами⁵⁷. Согласно другой позиции, Московская агломерация ограничивается 50-километровой пригородной зоной⁵⁸. На наш взгляд, оба критерия формальны и не отражают реальных процессов, происходивших в Московской системе расселения в 1960-е - 80-е гг. Сдвиги были настолько велики, что формальные критерии удаленности или временной транспортной доступности совершенно "не работают" при, например, сравнении восточного и западного направлений за рамками I зоны: западная рекреационная часть области была слабозаселенной, тогда как восточная превратилась в почти сплошной заселенный ареал с большим числом взаимосвязанных больших и средних городов и агломераций второго порядка.

Помимо Московской агломерации, сформировавшейся на базе столичного города, возник и развивался в период 1960-х - 80-х гг. еще ряд крупных моноцентрических агломераций, основой которых явились межрегиональные или региональные центры с численностью населения не менее 1 млн, то есть крупнейшие города: Ленинградская, Горьковская, Свердловская, Новосибирская. Ряд региональных, краевых и областных, республиканских (АССР) центров также стал базой формирования моноцентрических агломераций (Пермская, Тульская, Ростовская, Волгоградская, Челябинская, Воронежская, Саратовская, Казанская, Краснодарская, Ярославская, Омская, Хабаровская, Владивостокская, Красноярская и др.). Наиболее многочисленными были "средние" по величине агломерации, формировавшиеся на базе крупных городов - краевых (областных) центров, среди которых выделяются своей развитостью уже в середине периода Брянская, Владимирская, Кировская, Ижевская, Орловская, Калининградская, Барнаульская, Кемеровская, Чебоксарская, Пензенская, Ульяновская, Ивановская, позднее формировались Томская, Читинская, Улан-Удинская, Тюменская, Рязанская, Оренбургская, Курганская агломерации. Были и иные варианты агломерирования, когда группы территориально сближенных и взаимосвязанных поселений формировались на основе большого города - центра области, АССР (Белгородская, Курская, Липецкая, Тамбовская, Нальчикская и др.), и, являясь относительно небольшими по численности населения, росли вместе с ростом базовых городов⁵⁹.

Кумулятивный эффект концентрации производства, людей и ресурсов, заключавшийся в более высоких показателях экономи-

ческого развития в крупных и больших городах, распространялся и на системы расселения, прежде всего, агломерации, причем наиболее эффективными с экономической точки зрения оказывались агломерации, включавшие весь спектр городских и сельских поселений, от крупнейших городов до малых сел. В наиболее общей форме экономический эффект таких образований заключался в экономии капитальных вложений по сравнению с автономно развивавшимися городами и поселками⁶⁰.

Развитие агломераций имело в своей основе различную материальную базу. Так, перечисленные агломерации, независимо от величины и их административных функций базовых городов, а также полицентрическая Куйбышевско-Тольяттинская агломерация, развивались преимущественно на базе обрабатывающей промышленности и непромышленных функций, тогда как моноцентрические агломерации Стерлитамакско-Салаватская, Воркутинская, Норильская и др. имели своей основой развитие добывающей промышленности. Аналогичную основу имело развитие таких полицентрических агломераций, как Березниковско-Соликамская, Златоусто-Миасская, Ленинск-Кузнецко-Беловская. Полицентрические агломерации, как правило, характеризуются большей развитостью всей группы поселений, высокой подвижностью населения при резком преобладании передвижений, связанных с центром агломерации⁶¹.

В основе формирования агломераций всегда лежит комплекс исторически меняющихся факторов, однако всегда среди них есть превалирующая экономическая составляющая. Роль исторического процесса в формировании агломераций наиболее наглядно можно проследить на основе анализа отличий развития Ленинградской агломерации от Московской. Так, Московская агломерация формировалась на основе развитой сети расселения, какой Ленинградская в силу ряда причин не имела. Вплоть до 1917 г. Петербург развивался как основное "окно" Российской империи на внешний рынок. Ориентация крупнейшего в стране торгово-промышленного центра на импортно-экспортные операции обусловила и специфику экономической базы города: промышленность развивалась преимущественно за счет использования импортного сырья и топлива, региональная экономическая база города не сформировалась (прилегающие территории были слабо заселены и освоены). Вокруг крупнейшего экономического центра страны складывалась лишь зачаточная агломерация производства и расселения, охватывавшая ближайшие пригороды, которые в советское время целиком вошли в зону города. Москва в это время уже имела ряд поясов расселения, которые получили основное развитие и дополнение в советский период, так что с поглощением ближайших пригородных поселений она сохранила мощный агломерационный потенциал за счет развития дальних пригородов и

внешних зон. Вплоть до начала 1940-х гг. Ленинград оставался фактически единственным в стране центром, способным быстро освоить высокие технологии, в кратчайшие сроки наладить выпуск новых видов продукции. Город выполнял функцию научно-технической лаборатории и опытно-промышленного цеха страны, причем она была приоритетной для городской экономики. Вместе с тем, потеря столичной функции затормозила развитие социокультурного потенциала города, а перевод Академии Наук в Москву привел к перевесу в научном комплексе отраслевой науки. Одновременно возросла роль Ленинграда в регионе: он являлся основной опорно-организационной базой освоения европейского Севера. Ускорилось развитие Ленинградской области, усилилась ее ориентация на массовые потребности промышленности и населения Ленинграда, что означало начало формирования Ленинградского территориально-производственного комплекса. В послевоенные годы в городе получили развитие многие передовые производства, а ряд предприятий Ленинграда в 1960-е - 80-е гг. на основе перепрофилизации, реконструкции, перманентной модернизации стали флагманами научно-технического прогресса в своих областях. Одновременно, хотя и явно недостаточно из-за саботажа ведомств, за пределы города выносились часть устаревших производств и предприятий, а роль периферийных и пригородных районов области в промышленном производстве росла. На основе интеграционных региональных процессов Ленинградская агломерация получала все большее развитие, хотя и по масштабам, и по интенсивности связей города с периферией далеко уступала Московской⁶².

В результате ускоренного по сравнению с Ленинградом индустриального развития области в 1960-е - 80-е гг., формирования единой территориальной системы расселения и распространения интеграции за рамки непосредственно производства, произошло превращение Ленинграда и Ленинградской области в целостную социально-экономическую систему, а Ленинградская агломерация производства и расселения к концу 1980-х гг. охватывала фактически всю территорию области, частично выходя за ее пределы. Сам Ленинград, хотя и сосредоточивал в начале 1980-х гг. 90% мест приложения труда и более 3/4 всего населения, уже не мог существовать вне теснейших разнообразных связей с обширной окружающей территорией (как это было еще в начале века)⁶³.

К концу 1980-х гг. Ленинградская агломерация включала 3 основных зоны: 1) сам Ленинград в его административных границах и ближние пригороды в пределах Колпинского, Петродворцовского, Пушкинского, Сестрорецкого райсоветов и г.Кронштадта, административно подчиненных Ленгорсовету (зона "фактического" города, которая охватывала 1,9% территории области и 75% населения); 2) пригородную зону, включавшую

пять административных районов (Всевожский, Гатчинский, Кировский, Ломоносовский, Тосненский), 17,4% территории области и менее 10% населения; 3) периферийную зону агломерации, включавшую все остальные районы области, более 80% территории и около 15% населения. Интенсивные связи Ленинграда с пригородной зоной охватывали инфраструктурное взаимодействие, размещение филиалов предприятий, маятниковую миграцию (около 3-4% к численности населения города-центра)⁶⁴.

В периферийной зоне агломерации происходил ускоренный рост в основном производств, характеризовавшихся высокими затратами трудовых и водных ресурсов и земельных площадей, а также экологически неприемлемых для крупнейшего города. Интенсивное развитие получали отрасли, дополнившие и обслуживавшие производственный комплекс Ленинграда, в частности промышленность стройматериалов. Происходившее изменение территориального разделения труда между зонами агломерации имело в целом прогрессивный характер, разгружая Ленинград от несвойственных такой категории города производств, способствуя формированию единой системы размещения производства и населения в регионе⁶⁵.

Многие исследователи отмечают преимущества агломераций как крупной формы размещения территориально сближенных поселений с высоким уровнем взаимосвязей. Такая форма расселения, формирующаяся под влиянием концентрации производства, дает значительный экономический и социальный эффект, создает благоприятные условия для развития личности⁶⁶. Агломерация в значительной мере преодолевает негативные аспекты развития как малых, так и крупных городских поселений: вследствие относительной близости крупных городов для жителей малых поселений в рамках агломерации расширяется выбор мест приложения труда, профессий, возможности повышения уровня образования и квалификации, больше вариантов проведения досуга и т.д. В целом, более разнообразна трудовая, культурная, общественная жизнь. Как правило, малые и средние города в рамках агломерации развиваются более динамично, нежели отдельно расположенные. Размещение предприятий-филиалов в таких городах в рамках пригородных зон крупного центра сдерживает чрезмерную концентрацию производительных сил и рост крупнейших городов. Пригородные поселения играют роль своеобразных барьеров для мигрантов, стремящихся в крупные города⁶⁷. В то же время, для крупных городов агломерация создает условия уменьшения экологической нагрузки на основе выноса не свойственных крупному городу производств на периферию агломерации. Впрочем, эти возможности далеко не всегда использовались региональным руководством даже в столь развитой и старой агломерации, как Московская, тогда как многие вновь формировавшиеся агломерации

возникали как конгломерат в том числе экологически вредных производств, размещаемых не на периферии, а в ее центре.

В качестве одного из вариантов развития агломераций может быть рассмотрена история развития Пермской городской агломерации. Она является крупнейшей формой размещения населения центральной части Западно-Уральского территориально-производственного комплекса. Ядро агломерации - г.Пермь, размещенный вдоль обоих берегов Камы и ее притоков, Камского и Воткинского водохранилищ. Формировался город в виде 70-километровой цепи относительно самостоятельных городских образований с населением около 50-100 тыс. чел. каждое⁶⁸. В 1959 г. город насчитывал 629 тыс. жителей, в 1976 г. - 966,0 тыс., подойдя к рубежу крупнейших городов России, в 1980 г. перешагнул миллионный рубеж, в 1989 г. - 1 млн 92 тыс.⁶⁹ Столь динамичный рост объясняется выгодным экономико-географическим положением города, ставшего основой промышленного развития региона. Непосредственным продолжением этой цепи стал город Краснокамск, образованный в 1938 г., в 1959 г. достигший численности населения 55 тыс., но фактически застопорившийся в своем развитии в последующие десятилетия (1979 г. - 56 тыс., 1989 г. - 58 тыс.)⁷⁰. Оба города образовали Пермско-Краснокамский промышленный узел, специализированный на металлообработке, машиностроении, деревообработке и производстве бумаги, производствах химии и нефтехимии, черной металлургии. Предприятия промышленного узла размещены на площадках, разобраны жилыми кварталами, транспортно-складскими территориями и зонами отдыха на десятки километров, а сам узел имеет лишь некоторые общие элементы производственной инфраструктуры⁷¹.

Развитие г.Пермь в целом типично для городов, в 1960-е - 80-е гг. перешедших из категории крупных в крупнейшие на основе промышленного экстенсивного роста. Хаотичность размещения новых производств с обслуживающими их жилыми кварталами как раз и превращала города в конгломерат спальных районов при предприятиях, с отсутствующим общегородским ядром, превращающим город в целостное образование. Может быть, для Перми такая ситуация была утрирована естественно-географическими условиями развития города по берегам многочисленных рек, разделявших его на мало связанные друг с другом "фрагменты", так что расселение подавляющего большинства трудящихся замыкалось в пределах поселков при заводах, в зонах пешеходной доступности. В этом отношении теснота бытовых взаимосвязей внутри города между "фрагментами" близка к взаимосвязям в рамках всей агломерации, центром которой является Пермь. В агломерации велика доля маятниковых мигрантов, ежедневно совершающих поездки в город на работу.

К середине 1970-х гг. в Пермскую городскую агломерацию входило 6 городов, 12 поселков городского типа и более 350 сельских поселений с общей численностью населения (на 01.01.1976 г.) 1323 тыс. чел. Пермь как ядро агломерации постепенно втягивала основную часть окрестного городского и сельского населения, так что при весьма незначительном росте агломерации в целом рост ее происходил преимущественно на основе динамичного роста ее ядра, то есть города Пермь⁷².

Примером полностью сформировавшейся в 1960-е - 80-е гг. агломерации может служить агломерация, возникшая на основе города Набережные Челны (в 1980-е гг. город Брежнев). В прошлом веке это было большое прикамское село, лишь в 1931 г. получившее статус города. К 1959 г. этот малый город насчитывал лишь 19 тыс. жителей, являлся центром Тукаевского района Татарской АССР. Строительство КамАЗа радикально изменило его судьбу. Размещение крупнейшего завода большегрузных автомобилей потребовало привлечения огромного числа сначала строителей, а потом работников других специальностей. Автономная республика не располагала такими трудовыми ресурсами, и мигранты, прибывшие из-за ее пределов, составили около 80% новых горожан. К 1979 г. их численность составила более 300 тыс., в 1989 г. - более полумиллиона. Таким образом, к концу 1980-х гг. город вошел в категорию крупнейших городов, в кратчайшие сроки из монофункционального перерастал в полифункциональный город с развитыми внешними связями. Город возглавил формирующуюся городскую агломерацию (групповую систему населенных мест), в которую вошли города Нижнекамск, Елабуга, Заинск, Менделеевск, Мензелинск. В конце 1980-х гг. наметилась тенденция подключения к агломерации также поселений Мамдыш и Агрыз (место строительства Татарской АЭС). Следующим по величине и значимости городом агломерации был Нижнекамск, расположенный на северо-востоке Татарии и ускоренно росший начиная с 1960-х гг. (образован в 1966 г.). Возникнув как центр нефтехимии, уже в 1970-е гг. он вошел в категорию больших городов, а к 1989 г. насчитывал 193 тыс. жителей. Энергетическую базу крупного территориально-производственного комплекса обеспечила крупная ГРЭС в г.Заинске (город с 1978 г.), велось также строительство Нижнекамской ГЭС. Созвездие городов разного профиля дополнила Елабуга, в которой планировалось строительство группы заводов по производству пропашных тракторов⁷³.

Так же, как и отдельные крупные города, каждая агломерация имела свое "лицо". Они различались и по структуре (моноцентрические - полицентрические), и по величине, и по механизмам и истории формирования и развития, и т.д. Существенными были и региональные различия, особенно в экономической базе

агломерирования, позволяющие говорить о западном и восточном типе этого процесса (преобладающее значение обрабатывающей либо добывающей промышленности, и др.). Однако, для большинства регионов Российской Федерации в течение 1960-х - 80-х гг. агломерации превратились в основную форму размещения производства и расселения, в которую постепенно втягивалась преобладающая часть городских и значительная часть сельских поселений. Это был путь в рамках универсального мирового процесса концентрации производства и населения, хотя и имевший специфику, связанную как с экономико-географическими особенностями страны, так и обусловленную "системными" факторами (командно-административная система управления с отраслевыми механизмами управления и планирования, идеологические наслонения в виде постулата о сближении города и деревни и т.д.).

Вместе с тем, значительная часть малых, средних и других городских поселений оставалась за рамками агломераций. Для некоторых из них еще существует перспектива войти в состав уже имеющихся агломерированных ареалов, для большинства она отсутствует, так как их будущее, обусловленное экономико-географическим положением, связано с народнохозяйственными функциями, не поддающимися значительной территориальной концентрации, а также пространственно фиксированными⁷⁴. К таким поселениям относятся центры добывающей промышленности, курортные и туристские, центры сельскохозяйственных районов и др.

В целом, с достаточной определенностью можно утверждать, что преобладающая часть агломераций, которым предстоит существовать и развиваться на территории Российской Федерации в ближайшие десятилетия, уже сформирована к началу 1990-х гг. 1960-е - 80-е гг. охватили тот период урбанизационного процесса на территории республики, когда от формирования основной сети точечного размещения производительных сил и населения общество перешло к формированию более крупных систем расселения и территориальной концентрации производства. 1930-е - 50-е гг., таким образом, явились эпохой формирования сети городов, а 1960-е - 80-е гг. прошли под знаком складывания агломераций и дальнейшего развития поселений всех уровней в их рамках. В этом процессе сеть городов, относительно мало связанных друг с другом, в значительной степени на региональном уровне перерастала в территориальную систему размещения производства и населения, в ряде регионов сложились целые территориально-производственные комплексы. Этот процесс знаменовал собой такой этап в развитии техногенной цивилизации, когда плано-директивное управление экономикой, да еще на основе отраслевого механизма, делало невозможным прогресс в экономическом развитии, что и проявилось уже в 1970-е гг. в падении темпов роста

производства, а в начале 1980-х - в полной стагнации и экономическом кризисе. За три десятилетия со времен "оттепели" радикально изменилась и "основная производительная сила" - человек, в чем также немалую роль сыграли агломерации, приобретшие к образу жизни и ценностям крупного города не только собственно его жителей, но и во много раз большее количество людей, проживающих в ареале его влияния - в малых и средних городах, поселках и деревнях, входящих в рамки агломераций, а таких людей к началу 1990-х гг. оказалось большинство граждан страны.

3. Центр и российская периферия: городской ракурс

Центр и периферия - это объективные параметры любой общественной структуры, отражающие один из аспектов ее упорядоченности. Отражают эти понятия также различные стороны процессов концентрации и рассредоточения жизненных проявлений общества, его территориального, государственно-административного, социально-экономического и т.д. срезом. Степень централизации общественных функций, выраженная в общественно-политическом устройстве и системе управления, в значительной степени определяет и степень концентрации других аспектов жизни общества: как территориальной (размещение производства, населения и т.д.), так и структурной (иерархичность общественной организации, степень автономности его подсистем либо директивного управления и пр.). Тоталитарно-бюрократическая система с планово-директивным экономическим механизмом оказалась существенно более жестко централизованным общественным организмом, нежели монархическое государство с сформировавшимся рыночным механизмом, которому эта система пришла на смену. В рамках этой системы специфическими, характерными для нее методами, решались объективно стоявшие перед Россией в XX веке задачи перехода к индустриализованному городскому обществу, хозяйственного и экзистенциального освоения территорий, особенно восточных и северных, обеспечения геополитических интересов и национальной безопасности в рамках мирового сообщества. При этом идеологические "сверхзадачи", субъективно воспринимавшиеся и выдвигавшиеся в качестве политических целей, постепенно трансформировались в средства обеспечения государственных интересов, однако методы политического и хозяйственного управления в основном сохранялись.

Период 1960-х - 80-х гг. относился к завершающей стадии глубочайшей трансформации общества - перехода его к урбанизации

рованному состоянию, городскому и по экономической, и по социально-демографической, и по экзистенциальной структуре. Столь глубокая, форсированная по историческим срокам трансформация общества объективно не могла быть совершена в рамках демократии - как политической, так и экономической. Предельная централизация управления, являвшаяся оборотной стороной концентрации общественных ресурсов (трудовых, финансовых, материальных, духовных и т.д.), имея своим следствием огромные общественные издержки, обеспечивала как разрушение вековых хозяйственных, социальных, психологических структур, так и прорывы на важнейших направлениях, формирование новых структур производства и расселения, общественной организации труда и др. В период 1960-х 80-х гг. эти издержки по нарастающей переключали позитивный эффект командно-административного механизма, который ориентировал общество на экстенсивное тиражирование все более устаревавших производств, технологий, различных форм общественной организации, структур расселения и т.д., тогда как общество накопило потенциал, достаточный для перехода в иное качество. Начали спонтанно действовать законы самоорганизации общественных структур в различных звеньях системы, включая и систему расселения, независимо от управляющих воздействий центра.

Состояние начинавшего стагнировать командно-административного механизма (что проявилось и в реформаторских поисках рубежа 1950-х - 60-х гг., 1965 и 1979 гг.) отражалось и на взаимоотношениях центра и периферии. Городской ракурс этих взаимоотношений имел и территориальный аспект (традиционно запад европейского региона России воспринимался как "центр"); и государственно-административный (столица - центры республик и областей); экономико-географический (союзные, республиканские, региональные экономические центры); социальный (центры образования, культуры и т.д.). Имелся и расселенческий аспект (основная полоса расселения, агломерации и др.).

В территориальном аспекте понятие "центр" тесно коррелировало с высшими государственно-административными функциями и размещением органов государственного управления в городах с определенным статусом.

Административный статус города был среди важнейших факторов притяжения, концентрации населения и различных ресурсов, причем эта закономерность распространялась и на близлежащие территории. Следствием была повышенная урбанизированность соответствующих административно-территориальных образований. "Столичность" города имела особое значение: во всех союзных и автономных республиках именно эти города получали особый импульс развития (относительно других городов этих же национально-государственных образований). Столичный статус

Петербурга (с рядом сопутствующих экономических следствий) предопределил его положение самого крупного города в конце XIX - начале XX вв., причем импульс развития был настолько мощным, что даже с утратой столичного статуса после революции и развитием в течение десятилетий в качестве областного центра, Ленинград оставался после Москвы вторым в СССР по численности населения и экономическому значению городом, намного опережая столицы союзных республик. Именно экономические районы, где расположены эти города, оказались также среди районов с наиболее высоким уровнем демографической урбанизированности (% городского населения), причем в 1959 г. Северо-Западный район был на 1-ом месте (71,7%), опережая Центральный (59,4%), который занимал 3-ю позицию после Дальневосточного (67,5%). К 1990 г. во всех экономических районах повысился удельный вес городского населения, причем Северо-Западный, где расположен Петербург, сохранил 1-ю позицию (86,6%), Центральный вышел на 2-ю (82,5%), а остальные два (Дальневосточный и Уральский) лидировавших района опустились к чуть превышающим средние показатели (см. таблицу N 10).

Во всех экономических районах РСФСР повышался удельный вес городского населения, однако существенно разными были темпы, менялось соотношение районов по уровню демографической урбанизированности. Более всего продвинулись в этом отношении Северный район (с 5-го на 3-е место) и Поволжский (с 8-го на 6-е), на один пункт - столь разные по степени урбанизированности районы, как Центральный (с 3-го на 2-е), Волго-Вятский (с 10-го на 9-е), Центрально-Черноземный (с 11-го на 10-е место). Сохранили свои позиции Северо-Западный (1-е место) и Западно-Сибирский (7-е) районы. Напротив, Уральский уступил 1 пункт (с 4-го на 5-е), а три района - 2 пункта: Дальневосточный передвинулся со 2-го на 4-е место, Восточно-Сибирский - с 6-го на 8-е, а Северо-Кавказский - с 9-го на 11-е.

Как видно из данных таблицы, наибольшее продвижение характерно для европейских районов, причем не только наименее урбанизированных (Центрально-Черноземный, Волго-Вятский, Поволжский), но и наиболее (Центральный, Северный). Напротив, окраинные районы (восточные, начиная с Уральского, а также южный Северо-Кавказский) либо сохраняют свои позиции, либо, как остальные из перечисленных, теряют их.

Безусловно, "подтягивание" старых земледельческих районов центральной России в уровне урбанизации было положительным явлением, хотя и в конце 1980-х гг. Центрально-Черноземный и Волго-Вятский районы были среди наименее урбанизированных в республике. Существенно отстал и был отодвинут на последнее место Северо-Кавказский район. Для восточных регионов, включая Урал, было характерно сближение удельного веса городского

населения со среднереспубликанскими показателями. В целом для республики в 1960-е - 80-е гг. было свойственно "усреднение" региональных значений удельного веса городского населения, при отдельных "отклонениях" от этого общего процесса (Северный Кавказ, Восточная Сибирь).

ТАБЛИЦА N 10. Удельный вес (%) городских жителей в общей численность населения экономических районов РСФСР*.

	1959	1970	1979	1989	Ранг районов нов**		Изменение ранга
					1959	1989	
РСФСР	52,4	62,3	69,3	73,6			
Экономические районы:							
1 Северный	55,0	64,4	72,5	76,5	5	3	+2
2 Северо-Западный	71,7	79,9	84,6	86,6	1	1	0
3 Центральный	59,4	71,3	78,3	82,5	3	2	+1
4 Волго-Вятский	39,0	52,9	62,3	68,9	10	9	+1
5 Центральное-Черноземный	27,2	40,2	52,1	60,3	11	10	+1
6 Поволжский	48,0	59,4	67,8	73,3	8	6	+2
7 Северо-Кавказский	42,8	49,8	54,9	57,3	9	11	-2
8 Уральский	57,9	64,6	70,9	74,7	4	5	-1
9 Западно-Сибирский	50,9	61,4	67,7	72,8	7	7	0
10 Восточно-Сибирский	52,7	61,8	68,7	71,9	6	8	-2
11 Дальневосточный	67,5	71,5	74,5	75,8	2	4	-2

* Таблица составлена и рассчитана по: Городские поселения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 8-27.

** Ранжирование проведено по убывающей уровня демографической урбанизированности: район с наибольшим удельным весом горожан принят за N 1.

ТАБЛИЦА N 11. Изменение максимальных значений в уровнях демографической урбанизированности экономических районов РСФСР (в %)*

год	Доля городского населения, %		Их соотношение
	низшая	высшая	
1939	14	48	3,4
1959	27	68	2,5
1970	40	73	1,8
1979	52	80	1,5
1989	57	87	1,5

* Таблица составлена и рассчитана по: Корель Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982. С. 33; Городские поселения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 28-45.

В целом, как показывают данные таблицы N 11, с конца 1930-х гг. в РСФСР непрерывно шел процесс сближения экономических районов по уровню демографической урбанизированности, о чем свидетельствовало сокращение разрыва между крайними позициями, между наиболее и наименее "урбанизированными" регионами. В 1960-е - 70-е гг. этот процесс замедлился, а в 1980-е - фактически прекратился. Это не значит, что остановилась урбанизация, однако темпы "подтягивания" аграрных районов снизились.

Уровень демографической урбанизированности как один из показателей развитости территорий показывает всю условность понятия "центральности" в территориальном аспекте, то есть как меры удаленности от административного центра, в данном случае - центра государства. Ведь Центрально-Черноземный район, один из ближайших к столице европейских экономических районов РСФСР, был в течение всех 1960-х - 80-х гг. и остался наименее урбанизированным (если брать за основу оценки процент городского населения), тогда как процент горожан среди населения Дальнего Востока к началу 1960-х гг. был среди самых высоких, имея в дальнейшем тенденцию к "усреднению". Здесь, конечно, следует учитывать, во-первых, сам характер освоения восточных регионов, связанный с неблагоприятными для сельского хозяйства

(и в целом для проживания людей) условиями на значительной или даже преобладающей части территории. Поэтому, если в европейской части России урбанизация шла преимущественно "из села", то восточнее Урала в значительной степени или преимущественно извне. Освоение территорий на Востоке было относительно поздним и во многом сразу же "городским", причем если в южной зоне (в основной полосе расселения) Сибири и Дальнего Востока городское освоение территорий шло по типу концентрации, стягивания, в том числе сельского населения в крупных центрах, то в северной зоне - по типу "рассеяния", через строительство рабочих поселков и малых городов, большей частью в местах добычи полезных ископаемых. Во-вторых, процент городского населения далеко не полностью отражает степень урбанизированности регионов, так как в одних горожане могут быть сосредоточены в крупных городах, а в других проживать главным образом в малых и средних городских поселениях. Ясно, что это разная "урбанизированность" территорий, как, впрочем, и самих городских жителей, поскольку житель глухого рабочего поселка или малого города, с одной стороны, и крупного города, являющегося одновременно индустриальным, административным, культурным и т.д. центром, - с другой, - это разные горожане. Поэтому урбаниологи ищут иные, более точные показатели, которые могли бы адекватно отразить уровень урбанизации территорий и населения.

Один из таких показателей, названный "уровень урбанизации", предложен О.В.Терещенко. Он основан на гипотезе, что действительный уровень урбанизации будет выше там, где больше концентрация городского населения. Сравнение этого уровня позволяет сопоставлять территории и рассматривать динамику урбанизации. Показатель "уровень урбанизации" рассчитывается как сумма произведений доли городского населения, проживающего в городах определенного типа и фактора "С", представляющего фиксированно заданную долю каждого типа в данной классификации⁷⁵. Для небольших городов (до 100 тыс. жителей, куда включены и малые, и средние, по официальной классификации, города) фактор "С" принят за 0,25, для больших (100-250 тыс.) - 0,50, для крупных (250-500 тыс.) - 0,75, и для крупнейших (свыше 500 тыс.) - за 1. Тогда x_1 - доля городского населения, проживающего в небольших городах, x_2 - в больших, и т.д., а "уровень урбанизации" (УУ) = $0,25x_1 + 0,5x_2 + 0,75x_3 + x_4$. Уровень урбанизации, рассчитанный по такой формуле, отражает объективный процесс концентрации населения и, косвенно, экономической деятельности в городских центрах. Он существенно отличается от динамики доли городского населения, которая на отдельных территориях может приходиться преимущественно на жителей малых и средних городов, а также поселков городского

ТАБЛИЦА N 12. Динамика уровня урбанизированности экономических районов РСФСР*.

	Уровень урбанизации			Ранг районов по уровню урбанизации		Изменение ранга (+, - единица)
	1959	1989	1989 в % к 1959	1959	1989	
РСФСР	29,2	45,6	156,2			
Экономические районы:						
1 Северный	19,3	37,4	193,8	10	9	+1
2 Северо-Западный	58,3	63,7	109,3	1	1	0
3 Центральный	37,0	53,7	145,1	2	3	-1
4 Волго-Вятский	20,7	40,2	194,2	8	6	+2
5 Централь-но-Черноземный	11,5	34,3	298,3	11	10	+1
6 Поволжский	30,6	53,1	173,5	4	4	0
7 Северо-Кавказский	19,4	30,0	154,6	9	11	-2
8 Уральский	30,4	58,9	193,8	5	2	+3
9 Западно-Сибирский	30,6	47,4	154,9	3	5	-2
10 Восточно-Сибирский	22,0	39,4	179,1	7	7	0
11 Дальневос-точный	24,7	37,0	151,8	6	8	-2

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 24-29; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. I. М., 1972. С. 10-14, 22-42; Городские поселения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 8-27, 62-145; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегод. М., 1990. С. 59-61.

Использована формула "уровня урбанизации". См.: Терещенко О.В. Потенциал городов (Методы статистического изучения). Новосибирск, 1991. С. 16-17. Экономические районы в границах 1989 г. Ранжирование проведено по убывающей уровня урбанизации: наиболее урбанизированный район принят за N 1.

типа, с социально-экономическими характеристиками и образом жизни населения, далекими от наиболее "продвинутых" показателей, достигнутых урбанизационным процессом. Автором этой формулы она применена для расчета уровня урбанизации Западной Сибири. В данной работе она используется для сравнительной характеристики всех экономических районов РСФСР в 1959 и 1989 гг. (см. таблицу N 12).

Сравнив данные таблиц N 10 и N 12, можно заметить, что, хотя показатели удельного веса городского населения и показатель уровня урбанизированности тесно связаны, но характеризуют экономические районы РСФСР по-разному. Соответственно, и место регионов по уровню урбанизации отличается от занимаемого ими места по удельному весу городского населения в республике. Лишь для трех экономических районов оно одно и то же при использовании обоих показателей (1-е место - Северо-Западный район, 11-10-е - Центрально-Черноземный и 9-11-е - Северо-Кавказский районы). По уровню урбанизации (то есть степени концентрации городского населения в более развитых городских центрах разной величины) некоторые районы оказываются впереди собственных показателей по удельному весу городского населения. Так, Поволжский район, бывший в 1959 и 1989 гг. по удельному весу соответственно на 8-м и 6-м местах в ряду других экономических районов, по уровню урбанизации был на 4-м месте. Центральный район, который по удельному весу горожан передвинулся за те же годы с 3-го на 2-е место, по уровню урбанизации, напротив, сменил 2-е место на 3-е. Напротив, на Урале происходили процессы повышения уровня концентрации городского населения в крупных и больших городах, что, при некотором снижении темпов роста городского населения в целом (переместившем по удельному весу горожан Уральский район с 4-го на 5-е место), привело этот регион на 2-е в РСФСР место по уровню урбанизации в 1989 г. Выше был ранг районов по уровню урбанизации в сравнении с их местом по удельному весу горожан также в Волго-Вятском, Западно-Сибирском, в 1989 г. - в Восточно-Сибирском районах. Западная Сибирь в 1959 г. по этому показателю была в ряду первых (3-е место, в 1989 г. - 5-е). Напротив, Северный район среди районов с высоким удельным весом горожан по уровню урбанизации находился на одном из последних мест. Существенно ниже был ранг и Дальневосточного района, который по удельному весу горожан значительно превышал среднереспубликанский уровень.

В целом наиболее урбанизированными были Северо-Западный район, Центральный, Уральский и Поволжский. Несколько превышающим средний уровень урбанизированности был Западно-Сибирский район. Среди наименее урбанизированных были

Центрально-Черноземный, Северо-Кавказский, а также, при относительно высоких показателях удельного веса горожан, Северный и Дальневосточный районы, где не было или было мало крупных и больших городов.

О соотношении уровней урбанизированности районов со средним уровнем урбанизации в РСФСР дает представление таблица N 13.

ТАБЛИЦА N 13. Изменение уровня урбанизированности экономических районов РСФСР относительно среднего уровня урбанизированности республики*

	1959	1989	динамика
РСФСР	100	100	
Экономические районы:			
1 Северный	66,1	82,0	+15,9
2 Северо-Западный	199,7	139,7	-60,0
3 Центральный	126,7	117,8	-8,9
4 Волго-Вятский	70,9	88,2	+17,3
5 Центрально-Черноземный	39,4	75,2	+35,8
6 Поволжский	104,8	116,4	+11,6
7 Северо-Кавказский	66,4	65,8	-0,6
8 Уральский	104,1	129,2	+25,1
9 Западно-Сибирский	104,8	103,9	-0,9
10 Восточно-Сибирский	75,3	86,4	+11,1
11 Дальневосточный	84,6	82,2	-2,4

* Таблица составлена и рассчитана по тем же данным (см. таблицу N 12).

Таблица также отражает динамику уровня урбанизированности районов относительно среднереспубликанских показателей. Все районы по сопоставлению со средним уровнем можно разделить на 2 группы - выше и ниже среднего уровня, которые, в свою очередь, делятся на две подгруппы - "прогрессирующие" и "регрессирующие". Среди превышавших средний уровень урбанизированности и продвинувшихся вперед за 1959-1989 гг. относительно среднего уровня были Уральский (+55,1 пункта) и По-

волжский (+11,6). В остальных высокоурбанизированных районах (Северо-Западном, Центральном, а также Западно-Сибирском) превышение над среднереспубликанским уровнем по-разному причинам уменьшилось. Прежде всего здесь сыграло роль повышение среднероссийского уровня урбанизации, так что в Северо-Западном районе, имевшем почти предельный уровень концентрации городского населения в Ленинграде, сохранялось преимущественно стабильное положение (показатель уровня урбанизации вырос всего на 9,3%, а превышение над среднесоюзным уровнем уменьшилось на 60,0). В Центральном районе темпы роста уровня урбанизации были выше (45,1%), однако существенно ниже других регионов, что привело к 1989 г. к относительно небольшому уменьшению разрыва между средним и районным уровнем, снизив его на 8,9 пункта. Существенно ближе к средним показателям уровня урбанизации представляло собой развитие Западной Сибири, сохранившее небольшое превышение над средним уровнем, при незначительном сокращении разрыва (на 0,9).

Среди отстававших в 1959 г. в уровне урбанизации экономических районов основная часть развивалась более высокими темпами и уменьшила свой отрыв от среднероссийских показателей. Так, больше всего продвинулись Центрально-Черноземный район (+35,8), Волго-Вятский и Северный, в меньшей степени - Восточно-Сибирский районы. Однако ни одному из них не удалось вплотную приблизиться к среднереспубликанскому уровню урбанизации. Вместе с тем, в ряде районов, в 1959 г. далеко отстававших от этого среднего уровня, разрыв еще более увеличился - в Дальневосточном и Северо-Кавказском.

Представленные показатели являются наиболее обобщенными, но они синтетически отражают важнейшие аспекты урбанизационного процесса и позволяют сравнивать его ход в различных регионах. Как следует из предыдущего анализа, процесс урбанизации в территориальном аспекте был весьма противоречивым. Во-первых, в нем действительно проявлялся фактор "центральности", обеспечивавший более высокий уровень урбанизации (Центральный, Северо-Западный районы), уходивший корнями в предшествующие периоды, позволивший достичь этим территориям наивысших в республике показателей урбанизированности, но постепенно, в 1960-е - 80-е гг. снижавший интенсивность воздействия на урбанизационный процесс. Во-вторых, все сильнее на урбанизационный процесс воздействовала региональная специфика - место экономических районов в территориальном разделении труда, особенности демографической ситуации и др., хотя "удаленность" от старых экономических центров оказывала существенное влияние. В-третьих, по крайней мере в 1960-е - 70-е гг. происходит существенное "усреднение" большинства регионов по уровню урбанизации, выравнивание этих уровней, хотя в 1980-е

гг. этот процесс явно замедлился. Кроме того, даже при значительном продвижении по пути урбанизации, ряд районов существенно отставал от среднего уровня (Центрально-Черноземный), а в некоторых разрыв даже увеличился (Северо-Кавказский, Дальневосточный).

Далеко не формальное значение показателя уровня урбанизации становится очевидным, если сопоставить его взаимосвязь со степенью развитости социальной инфраструктуры в регионах, а именно, - с одним из интегральных показателей, к которым относятся платные услуги на одного жителя. Если исключить из сопоставления Сибирь, Дальний Восток и Северный экономический район, в которых на значительной или преобладавшей части территории действовали региональные коэффициенты оплаты труда, повышавшие и общую стоимость товаров и услуг, а также специфический Северо-Кавказский район, с высоким уровнем доходов за счет частного сектора (средний размер вклада населения в сберегательные банки в 1980-е гг. здесь был наибольшим в РСФСР), то ранжирование экономических районов по уровню урбанизированности и объему платных услуг на одного жителя (в рублях) почти совпадает. Так, в 1990 г. наибольший объем этих услуг приходился на одного жителя в Северо-Западном, Центральном, Поволжском и Уральском, то есть наиболее урбанизированных районах (ведь именно в крупных и больших городах сфера услуг существенно более развита, нежели в других категориях поселений, гораздо больше их выбор и чаще обращение к ним населением)⁷⁶. В основном совпадают эти сопоставления между уровнем урбанизированности (как показателем степени концентрации городского населения) и объемами платных услуг также и в рамках группы экономических районов с действовавшими региональными надбавками в оплате труда. Корреляция между удельным весом горожан и объемом платных услуг тоже существует (в городе в целом их выбор больше, чем на селе), но она выражена слабее.

Развитая социально-бытовая инфраструктура европейского центра РСФСР играла далеко не последнюю роль в концентрации все новых производств и населения в рамках региона в целом и в крупных городах в особенности, порождая почти автоматически взаимосвязанный процесс роста экономического потенциала, уровня урбанизации и наращивания сферы обслуживания⁷⁷. В то же время в периферийных экономических районах разрыв между наращиванием производства и отраслей, обслуживающих население, в том числе местного городского хозяйства, оказывался существенно большим. Так, в Сибири это сказывалось на уровне жизни населения, косвенно влияя на экономические, демографические и иные процессы⁷⁸. Даже по объему платных услуг на одного жителя, выраженному в рублях, несмотря на региональные надбавочные коэффициенты, Сибирь отставала от среднероссий-

ского уровня и в 1960-е, и в 1980-е гг., причем уменьшения этого разрыва почти не было. В фактическом количестве и качестве услуг отставание Сибири от центральных районов было еще большим⁷⁹. Важным показателем отставания социальной сферы в регионах была также меньшая обеспеченность жильем населения городов и поселков городского типа практически во всех экономических районах РСФСР, кроме Северо-Западного и Центрального, в которых обеспеченность была выше среднереспубликанского уровня. К концу 1980-х гг. в большинстве европейских регионов обеспеченность жильем приблизилась к среднему уровню, тогда как в восточных районах (Сибирь, Дальний Восток) сохранялось существенное отставание, не уменьшаясь, а кое-где и увеличиваясь⁸⁰.

Свои "центры" имелись и в рамках регионов, вплоть до областного и районного уровня. Административный и экономический каркас общества, который составляли города разного уровня, являлся объективным условием развития всей системы размещения производства и населения, фактором упорядочения территориальной структуры, неизбежно влиявшим на ход урбанизационного процесса. Однако влияние это было противоречивым. Концентрация производства и населения была в целом прогрессивным явлением, однако своя "периферия" имелась не только в государстве, но и в областях, в которых процессы концентрации вели к опустошению, обезлюдению окраин, вымыванию не только сельского, но и городского населения, упадку многих малых и средних городов. В значительной мере этому были внеэкономические причины, упиравшиеся в командно-бюрократический механизм и уже через него приводившие к экономическому упадку окраин, прежде всего сельской периферии. Сама проблема "концентрации" также не может быть оценена однозначно позитивно. "Взрывной" рост крупных городов не обеспечивал адекватного качества "городских" параметров их развития. В этих условиях политика центра (и, главным образом, механизм управления, лежавший в ее основе) вступал в безусловное противоречие с интересами территорий, в том числе и в вопросах осуществления урбанизационного процесса. В 1970-е - 80-е гг. эти проблемы и противоречия приобретали все большую остроту.

Проблемы обострились в нескольких направлениях. Во-первых, в ряде регионов не только не уменьшался разрыв в качестве жизни между городом и деревней, а, напротив, он увеличивался. Во-вторых, усугублялась дифференциация между крупными и большими, с одной стороны, и значительной частью малых и средних городов, особенно удаленных от крупных центров и не входящих в региональные системы размещения производства и расселения, - с другой. В-третьих, усиленная концентрация производства и населения, часто искусственно стимулируемая, поро-

ждала свой комплекс проблем крупных центров (инфраструктурные, социальные, экологические и др.).

В любом обществе существует проблема согласования территориальных и общегосударственных интересов. В командно-административной системе с отраслевым механизмом управления экономикой она получала извращенное "решение". Предельная концентрация всех рычагов власти в центре, в том числе право распоряжаться преобладающей частью ресурсов, финансов и т.д., вела к полному игнорированию интересов и прав регионов, и, казалось бы, должна была выражать общегосударственный интерес. Однако позитивные стороны предельной централизации практически все больше не срабатывали в силу ряда обстоятельств. Одним из главных среди них была идеологическая обусловленность, "заданность" многих аспектов политики государства, в частности, противостояние двух мировых общественных систем. Следствием этого, в частности, была установка на гипертрофированное развитие военно-промышленного комплекса, проедавшего львиную долю национального дохода, а также постоянная политика идеологических и военных сателлитов за рубежом. Общество работало на ВПК вопреки своим действительным интересам, а запросы военного ведомства были законом для центральных политических и хозяйственных органов. Вторым обстоятельством, действовавшим против общегосударственного интереса, являлся ведомственный интерес, с неизбежностью подчинявший себе весь отраслевой механизм управления. Министерства, как и любая общественная структура, созданная для нужд общества и лишенная достаточных "сдерживающих" и контролирующих механизмов, вполне закономерно начинали работать на себя. В сфере их интересов было сосредоточение в своих руках как можно больших объемов материальных и людских ресурсов, получение финансирования на проекты, независимо от действительной общественной потребности в них. Отсюда получили широкое распространение многочисленные "престижные" проекты, гигантские "стройки века" и т.д. Наконец, у местных органов власти в условиях концентрации в центре рычагов распоряжения финансами, материальными фондами и т.д. появлялся неадекватный интерес "выбить" право на размещение на своей территории таких больших и малых объектов, даже если они противоречили интересам территории (не соответствовали экономико-географическому потенциалу, наличию трудовых или иных ресурсов, были экологически опасны и т.п.). Материальная база местных бюджетов была сужена, так как на предприятиях местной промышленности в большинстве областей производилось не более 3-5% их общего объема валовой продукции⁸¹. Поэтому только таким путем можно было получить "приличное" финансирование, ускорить экономическое развитие территорий и, как побочный результат, "подтянуть" социальную ин-

фраструктуру и проч. В этой ситуации размещение даже нужных обществу производств и объектов зачастую осуществлялось не там, где для этого были лучшие условия, а на тех территориях, где были более "сильные" руководители, способные "выбить" выгодный и престижный проект. Механизм централизованного планирования, таким образом, на местах оборачивался достаточно хаотичным размещением производств.

Вместе с тем, оказывались разорванными интересы самих работников этих ведомственных предприятий и организаций на местах, так как, принадлежа к отраслевому образованию, то есть трудовому коллективу предприятия, одновременно они работали и проживали на конкретной территории. Однако действительной связи между результатами труда этих работников и условиями жизни в рамках поселений не было: коллективные фонды предприятий предназначались для "своих" работников, а на местный бюджет, на основе которого только и может преимущественно развиваться городская среда, отчисления предприятий центрального подчинения почти не влияли. Так, в 1970-е гг. на долю платежей предприятий республиканского подчинения приходилось всего лишь 2,9% местных бюджетов⁸².

Между тем, предприятиям внегородского (республиканского и союзно-республиканского подчинения) являлись "главными потребителями того социального эффекта, который представляет крупный город"⁸³. Они, почти не участвуя своими прибылями, создаваемыми за счет хозяйственной деятельности на территории города, в комплексном развитии его инфраструктуры, улучшении социально-бытовых условий жизни горожан и т.д., в полной мере использовали то, что создавалось за счет местного бюджета, на основе хозяйственной деятельности предприятий местного подчинения. Во второй половине 1960-х - 80-е гг. строительство большинства российских городов лишь на 25-30% осуществлялось за счет средств, выделяемых местным Советам, остальные 70-75% падали на отраслевые министерства, которые и диктовали свои условия. В общем объеме капитальных вложений, осваиваемых по территориям, приходилось в начале 1980-х чуть более 9%, остальная часть выделялась министерствами и ведомствами СССР и РСФСР⁸⁴. В 1970-е гг. доля союзных и союзно-республиканских министерств в общем объеме вложений на жилищное строительство составила в РСФСР около 60%, на детские дошкольные учреждения - около 70%, на строительство больниц и поликлиник - около 40-50%⁸⁵. Местным властям приходилось выступать в роли просителей у министерского руководства, когда требовалась комплексная застройка городов, создание производственной инфраструктуры, благоустройство и т.д. Однако интерес ведомств как раз и заключался в сокращении затрат на развитие социальной сферы. Как правило, жилищное и культурно-бытовое строитель-

ство, которое вели предприятия внегородского подчинения, осуществлялось для своих работников. Так, из всего городского жилого фонда РСФСР министерствам и ведомствам в 1965 г. принадлежало 46%, а в 1980 г. - 52%. В отдельных областях, например, в Кемеровской, удельный вес жилого фонда, принадлежавшего министерствам, составлял 2/3 от всего жилого фонда городов⁸⁶. В результате обеспеченность жильем работников предприятий центральных министерств оказывалась значительно выше уровня обеспеченности остальных горожан во многих поселениях республики. Но и работники самих этих предприятий страдали от некомплексности городского хозяйства, неразвитости социальной инфраструктуры, хаотичности городской застройки.

Положение с финансовой базой российских городов не было одинаковым на протяжении трех десятилетий, испытывая колебания в силу разных факторов (перераспределение правительственными решениями источников доходов, изменение номенклатуры предприятий разного уровня подчинения и др.). Однако, основу материально-финансовой базы городских органов управления все это время представляли прежде всего предприятия и организации, находившиеся на территории поселения и подчинявшиеся городскому Совету. К началу 1970-х гг. бюджеты городов по разным причинам лишились некоторых источников доходов, и государство, вынуждено было оказывать городам помощь в виде дотаций. В результате реализации постановления СМ СССР от 5 марта 1971 г. "О мерах по укреплению материально-финансовой базы исполкомов районных и городских Советов депутатов трудящихся" дотации государства в бюджет почти прекратились⁸⁷. Между тем, доходы от прибылей предприятий местного хозяйства в бюджеты городов в разных поселениях были весьма различны: так, в конце 1970-х гг. в Орле они составляли 10,4%, а в Ярославле, где в распоряжении городского Совета была больше доля предприятий, - 45,5%⁸⁸.

Проблема централизованного размещения производства часто оборачивалась социальными издержками как для работников размещаемых предприятий, так и для городов и целых регионов, где производства размещались. Как правило, промышленные предприятия размещались без учета всего комплекса социально-экономических, географических, экологических факторов, что особенно неблагоприятно сказывалось на условиях жизни горожан, включая работников самих размещаемых производств. Особенно страдала социальная сфера, причем зачастую не использовались даже выделявшиеся ресурсы для обеспечения нормальных условий жизни людей. Особенно это было характерно для восточных районов республики, для Сибири и Дальнего Востока. Как правило, большинство городов этих регионов, особенно новые, динамично развивавшие производство города, имели слаборазвитую со-

циальную инфраструктуру, существенно меньшую занятость работников в сфере обслуживания⁸⁹. Ряд показателей культурно-бытового обеспечения населения Сибири был значительно ниже среднереспубликанского уровня, несмотря на то, что стоимость жизни (питание, жилище, одежда, услуги транспорта, бытовое обслуживание) по сравнению с центром республики была выше - в Западной Сибири - на 35%, в Восточной - на 50%⁹⁰.

Макротерриториальная дифференциация между городами во многом являлась отражением исторически сложившихся глобальных различий между европейским Западом и Юго-Западом России и ее северными и восточными регионами. Эти различия были и в степени заселенности и хозяйственной освоенности территорий, и в условиях и качестве жизни, в том числе во всей сети городских поселений этих регионов. Территориальные различия в данном случае выступали в качестве социально-экономических, включая заложенные в период индустриализации различия в области хозяйственной специализации регионов: преимущественно на добывающих отраслях специализировались Восток (Сибирь, Дальний Восток) и Север, на обрабатывающих отраслях промышленности с высокой долей непроемких отраслей - Запад. Социальные различия во многом являлись проявлением различий в экономическом уровне развития регионов.

Безусловно, огромный разрыв в уровне развития социальной инфраструктуры городов между регионами европейского центра республики и восточными и северными районами был связан с комплексом объективных условий, в том числе с экономико-географическими, природно-климатическими, историческими. Северные и восточные регионы страны находились в более суровых природно-климатических условиях, осваивались значительно позже и "выборочно", в зависимости от транспортной доступности или наличия сырьевых ресурсов и т.д. Существенно больше здесь была стоимость рабочей силы. Так, "обустройство" одного работника в европейской части страны требовало в начале 1980-х гг. 11,9 тыс. руб., тогда как в районах Крайнего Севера - более чем вдвое больше, 29,4 тыс. руб.⁹¹ Однако, стремление министерств и ведомств "сэкономить" на развитии социальной инфраструктуры и в целом на социальной сфере в районах нового освоения оборачивалось существенными экономическими потерями, так как сдерживало развитие производства⁹². Наиболее развитой социальной инфраструктурой была в Северо-Западном и Центральном экономическом районах, прежде всего вследствие расположения там таких городов, как Москва и Ленинград с их наиболее высокими показателями, и влияния больших городов на окружающую территорию⁹³.

Жизненные условия периферии, особенно Восточных и Северных районов страны были существенно хуже, чем в центре

РСФСР. Помимо природно-климатических условий, существенно отличались и социально-экономические условия, связанные с меньшей освоенностью территорий, удаленностью от развитых регионов с обрабатывающей промышленностью, от основных сельскохозяйственных центров. Так, даже в южных районах Сибири стоимость продуктов питания в 1970-е - начале 80-х гг. была примерно на 7%, а одежды - на 17% выше, чем в центральных и южных районах страны⁹⁴. Фактический разрыв в качестве жизни был значительно большим. Обусловливался он не только географическими и природно-климатическими условиями, а также напрямую вытекавшими из них социально-экономическими следствиями (выше стоимость рабочей силы, более высокая стоимость инфраструктуры, как производственной, так и социальной), но и фактическим дифференцированным подходом центральных ведомств к центральным и периферийным территориям республики, несмотря на декларировавшуюся в течение всех 1970-х - 80-х гг. политику "выравнивания территорий". Восточные, северные, да и в целом периферийные районы республики по-прежнему рассматривались как источник дешевого сырья, получаемого, в частности, за счет "экономии" на социальной сфере. Чем более периферийной оказывалась территория (в том числе и в рамках "периферийных регионов"), чем удаленнее от крупных городских центров, тем сильнее действовала на практике эта закономерность командно-административного механизма. Под нее подпадала не только территориальная, но и экзистенциальная периферия, то есть категория малых и средних городских поселений, особенно вне рамок территориальных систем размещения производства и населения.

4. Безлюдные пространства и "перенаселенные" города

Незаселенность значительной территории РСФСР связана прежде всего с неблагоприятными природными условиями для проживания человека. Так, в середине 1980-х гг. было заселено лишь 45% территории РСФСР. Однако, если в Центральном, Центральном-Черноземном районах было заселено 100% территории, Волго-Вятском - 99%, Поволжском, Северо-Кавказском, Уральском районах - от 96 до 98%, то восточные районы республики были в значительной степени безлюдными. В Западной Сибири было заселено 56%, в Восточной - 30% территории, а в Дальневосточном районе - лишь 21%⁹⁵. Преобладающая часть территории республики принадлежала к зонам, неблагоприятным

для проживания, и лишь очень малая часть - к зоне с наиболее благоприятными условиями⁹⁶.

Однако расселение определялось не только природно-климатическими условиями, но и целым комплексом социально-экономических факторов, прежде всего хозяйственным освоением территории. В этом смысле в 1930-е - 50-е гг. произошел существенный сдвиг расселения на Север и Восток, вслед за размещением производства, добычей полезных ископаемых, развитием транспортной сети. В 1960-е - 80-е гг. этот сдвиг в определенной мере продолжался, но замедлился. Урбанизация сыграла в этом процессе решающую роль. Однако, если на начальной стадии, связанной с созданием базовых отраслей индустрии, производство (а с ним большие массы населения) смещалось в районы дешевого сырья, то в 1960-е - 80-е гг. все большее значение приобретало качество рабочей силы и относительно низкие затраты на ее обустройство, так как приоритетом становятся обрабатывающие отрасли. Производство все более перемещалось в уже освоенные районы. Увеличивалось значение и непромышленной сферы (науки, образования и др.), что также требовало определенного качества населения и обустроенности территории⁹⁷.

Следствием этих процессов явились новые тенденции в развитии системы расселения, причем основные сдвиги происходили не в экстенсивном освоении незаселенных территорий, а в рамках уже освоенных, в соотношении между городом и селом, во взаимосвязях между сетью городских и сельских поселений. Основной тенденцией становилась концентрация населения, причем не только в городах, но и в сельских поселениях. Возникали и более сложные территориальные образования - агломерации, сосредоточивающиеся на ограниченной территории комплекс взаимосвязанных городов, поселков и деревень, с высокой общей плотностью населения. Однако, обратной стороной этого процесса оказывалось "вымывание" сельского населения с огромных, исторически давно освоенных пространств, вымирание сельской "глубинки", что оборачивалось, в частности, выбыванием значительной части земель из сельскохозяйственного оборота. Далеко неоднозначные последствия этот процесс имел и для города, поскольку размывалось его социальное ядро, сельские мигранты не успевали стать горожанами в полном смысле этого слова, раскрестьянивание села оборачивалось "окрестьяниванием" города.

Развитие сети городского и сельского расселения в период 1960-х - 80-х гг. не может рассматриваться изолированно: потоки мигрантов из села постоянно пополняли численность горожан во всех регионах, а судьба сельских поселений, в свою очередь, зависела преимущественно от их удаленности от ближайших городов, транспортного сообщения с ними. Вопрос о взаимосвязях городского и сельского расселения в условиях урбанизации исследо-

ван крайне недостаточно. Однако имеющиеся специальные исследования уже позволяют использовать некоторые методы для конкретно-исторического анализа этого процесса в РСФСР и сделать ряд выводов.

В течение многих десятилетий сеть сельских поселений имела большой запас прочности и, вопреки быстрому развитию городов, даже вопреки колхозному раскрестьяниванию деревни в основе своей сохранялась. Великая Отечественная война нанесла удар по всему населению РСФСР, а также по сети сел и деревень России, однако сеть сельских поселений в западной части республики была в основном быстро восстановлена, а численность сельского населения держалась примерно на одном уровне в течение 1950-х гг. Лишь с конца 1950-х гг. началось и в дальнейшем происходило неуклонное сокращение абсолютной численности сельского населения (с 57,0 млн в 1957 г. до 38,8 млн в 1990 г.)⁹⁸. За три десятилетия российская деревня потеряла населения вследствие миграции, старения и вымирания больше, чем в период самой кровопролитной в истории России войны. И это не было результатом относительного "перенаселения" деревни, о котором не могло быть и речи при низкой производительности труда и неспособности села накормить страну. Огромные пространства пустовали, были крайне мало заселены. Происходило с конца 1950-х гг. существенное падение плотности сельского населения при росте общей плотности населения. Этот процесс был характерен как для СССР в целом, так и для РСФСР (см. таблицу N 14).

Однако, за счет высоких показателей плотности сельского населения в ряде преимущественно азиатских союзных республик сельская плотность в среднем по СССР снизилась относительно незначительно - с 4,9 до 4,4 чел./км² за период с 1959 по 1990 гг. (снижение с 1917 по 1920 гг. было больше - с 6,0 до 5,2 чел./км²), тогда как в РСФСР - с 3,3 до 2,3 чел./км² за те же годы. Но и эти средние показатели не отражают всей глубины кризиса, поразившего российскую деревню. Огромной была дифференциация между регионами (в наибольшей степени пострадало российское Нечерноземье), а также в рамках локальных систем расселения: удаленные от больших городов и транспортных путей деревни, как правило, деградировали в первую очередь.

Виновна ли в этом процессе собственно урбанизация, - ведь перелив сельского населения в города, а также сосредоточение его в пригородных зонах при отставании в развитии периферийных зон типичны для общества, переходящего от преимущественно сельского состояния к городскому? В условиях рыночного хозяйства в основе экономической поляризации пространства лежит дифференциальная рента, зависящая от стоимости транспортировки товара, которая, естественно, увеличивается при удаленности от потребителя сельхозпродукции (то есть города) и сложно-

сти транспортной доставки. При планово-директивном хозяйственном механизме, действовавшем в СССР, на первое место выдвинулся иной фактор, а именно, - транспортная доступность города для населения, в первую очередь занятого.

ТАБЛИЦА N 14. Динамика плотности населения в СССР и РСФСР (чел. на 1 км²)*.

Год	Плотность населения			
	общая		сельская	
	СССР	РСФСР	СССР	РСФСР
1897	5,6	4,0	4,8	3,4
1913	7,1	5,3	5,8	4,3
1920	6,1	5,2	5,2	4,4
1940	8,7	6,5	5,8	4,2
1951	8,1	6,0	4,8	3,3
1959	9,3	6,9	4,9	3,3
1970	10,8	7,6	4,7	2,9
1979	11,8	8,1	4,4	2,5
1989	13,0	8,6	4,3	2,3
1990	13,0	8,7	4,4	2,3

* Таблица составлена и рассчитана по: Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981. С. 196; Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990. С. 7; Население СССР. 1987. Стат. сб. М., 1988. С. 8; Население СССР. 1988. Стат. сб. М., 1989. С. 8-9.

Сельское население, превращенное к концу 1950-х - началу 60-х гг. практически полностью в колхозников и совхозных работников, постепенно теряло привязанность к земле, ориентацию на традиционные сельские ценности, а сдерживающих факторов для его массового перемещения в город было все меньше. Ими все еще оставались приусадебное личное хозяйство, инерционность старших возрастных групп, проблемы адаптации жизни в городе при еще не очень большом разрыве в жизненных стандартах города и деревни, административные барьеры (отсутствие паспортов у колхозников в первой половине 1960-х гг., режим пропис-

ки, особенно жесткий в крупнейших городах и др.). С улучшением жилищно-бытового обеспечения в течение 1960-х - 80-х гг. и в целом относительно динамичным повышением жизненного уровня горожан, со все большей ориентацией молодежи на получение высокой образовательной подготовки, что стимулировалось и введением всеобщего среднего образования, и утверждением соответствующих ценностей в обществе, в том числе и средствами массовой информации, привлекательность города становилась все большей. Одновременно государство целым рядом своих действий обрывало последние нити, привязывавшие сельских жителей к земле, и если паспортизация колхозников (в условиях всеобщей "прописной" системы) была положительным явлением, так как уравнивала их в правах с остальным населением, то ряд других акций имел исключительно негативные последствия. Паспортизация колхозников сняла насильственные ограничители их перемещения по стране, тогда как наступление на приусадебное хозяйство на рубеже 1950-х - 60-х гг., массовое преобразование колхозов в совхозы и уравнивание колхозников с рабочими, ликвидация и перевод в разряд "неперспективных" десятков тысяч деревень подтачивали и обрывали естественные связи сельских жителей с привычным укладом жизни, с родным домом, а в конечном счете - с землей.

Причин обнищания, вымирания, обезлюдения российской деревни много. Большинство из них корнями уходит в системные механизмы, превратившие крестьян в наемных работников, лишенных средств производства, прикрепившие их к земле, сделавшие труд невыгодным, разрушившие уклад сельской жизни, не дав взамен никаких стимулов к работе на земле. Это отдельный, большой специальный вопрос, но с проблемой городского развития он имеет прямую связь. Как только в 1960-е гг. были ослаблены ограничения в передвижении крестьянства, его поток в город увеличился. Новый толчок "выплескам" из села был дан новыми ограничениями и ущемлениями на рубеже 1950-х - 60-х гг. личного крестьянского хозяйства, в том числе на крупный рогатый скот, урезанием приусадебных участков, налогами на садовые деревья и т.д. Свою роль сыграла проводившаяся в 1970-е гг. политика укрупнения сельских поселений, концентрации сельского населения в крупных "перспективных" деревнях и селах, ликвидации "неперспективных" деревень. Лишенные стимулов к труду, с разрушенным жизненным укладом, деревенские жители предпочитали уезжать не в эти крупные села, а в города. Целые регионы России пустели, особенно Нечерноземье. Так, во второй половине 1980-х гг. в РСФСР в сельской местности пустовало 490 тыс. жилых домов, а общая площадь невозделывавшихся земель при таких домах достигала 200 тыс. гектаров. Проблема была настолько остра и очевидна, что в июле 1987 г. было принято

совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "Об использовании пустующих жилых домов и приусадебных участков, находящихся в сельской местности"⁹⁹. Только в 1960-е - 70-е гг. исчезло около 1/3 сельских поселений Нечерноземья, что составило около 60 тыс. деревень, площадь пашни с 1930-х гг. сократилась на 10%, а сенокосов, пастбищ - почти в 2 раза.

Безусловно, в миграционном процессе сельского населения в город играл свою роль целый комплекс взаимосвязанных и налагающихся друг на друга факторов: и универсальные закономерности урбанизационного процесса в условиях техногенной цивилизации, и "системные" факторы, прежде всего лишение крестьян средств производства, и элементарные политические и экономические просчеты, которые могли быть не допущены даже в рамках самой системы, "головотяпство". И если урбанизация как таковая "вымывает" из деревни избыточное население, а тоталитарно-бюрократическая система во многом, напротив, консервировала уровень производительности на селе, так что ни о какой "избыточности" не было речи, то своими просчетами в конкретных решениях относительно деревни в конце 1950-х - 1980-е гг. система окончательно подорвала основы экстенсивного хозяйствования, каковое только и возможно было в рамках колхозно-совхозного производства: система стимулировала массовый исход сельского населения в город, лишая деревню необходимых трудовых ресурсов. Впрочем, большинство таких политических решений, имевших негативные последствия для российского села, не были случайны. Вполне соответствовало идеологической логике большевизма стремление окончательно подмять и ликвидировать приусадебное хозяйство, обеспечить "идеологическую" чистоту социалистического производства и "стимулировав" крестьян на работу в общественном хозяйстве. Вопреки объективным природно-климатическим, почвенно-географическим условиям российского Нечерноземья, где традиционно хозяйствование велось малыми деревнями, вполне адекватны ведомственному интересу были регламентация сельского расселения, стремление сконцентрировать население и производство в крупных поселениях - для лучшей управляемости сверху. Именно эта политика на протяжении конца 1960-х - 1980-х гг. сыграла, пожалуй, наиболее пагубную роль в процессах вымирания малых российских деревень.

Еще в начале 1950-х гг. городской образ жизни отнюдь не был престижным среди подавляющей части сельского населения. Существенные сдвиги в уровне жизни горожан наряду с увеличивавшимся фактическим разрывом в качестве жизни между городом и деревней, которое отнюдь не ограничивалось уровнем дохода, меняло ценностные ориентации сельского населения. Этот процесс стимулировался также повышением информированности

сельских жителей с ростом их образовательного уровня, развитием средств массовой информации. Усиливался он также процессом смены поколений: сельская молодежь была восприимчива к урбанистическим стандартам. "Урбанизированность" личности росла быстрее, чем происходила урбанизация сельской среды, что уже в начале 1970-х гг. отмечали исследователи: целые группы сельского населения, как показали социологические обследования, переросли свою среду, не могли найти адекватной реализации ни своим социальным запросам, ни самореализации соответственно уровню образования и квалификации¹⁰¹. Наиболее активные категории сельского населения покидали село, прежде всего желая сменить вид труда, сферу производства и место жительства, будучи неудовлетворенными культурно-бытовыми условиями¹⁰². Для этого были существенные основания не только в сфере производственной деятельности, где преобладал тяжелый физический неквалифицированный труд, малопроизводительный и низкооплачиваемый. Социальная сфера села оказалась еще настолько отсталой, что не выдерживала сравнений с городской, особенно в крупных городах. Так, специалистами подсчитано, что объем инвестиций в непроектированную сферу на одного горожанина был за 60 лет Советской власти в 11 раз больше, чем на сельского жителя¹⁰³.

Стремление к универсальной централизованной регламентации в сфере размещения населения вылилось в попытки сформировать единую систему расселения, однако, если для города концепция "оптимального" городского поселения оказалась в сфере чисто умозрительной, так как ведомственный механизм был заинтересован именно в росте городов, в концентрации производства и населения, а не в "оптимизации", не в стимулировании развития малых и средних городов, то для сельских поселений ведомственный интерес как раз совпадал с "теорией". Идея создания так называемых оптимальных сельских населенных пунктов с численностью жителей 1,5-2 тыс. человек, активно внедрявшаяся в практику, оказалась губительной для деревни. Умозрительный подход к "оптимизации" без учета местных условий, стремление свести систему сельского расселения к сети поселений, имитировавших городские, привел к гибели, вымиранию тысяч "неперспективных" деревень и сел. Высказывались мнения, что укрупнение деревень поможет удержать молодежь на селе¹⁰⁴. Были даже предложения ликвидировать в перспективе сельские поселения вообще, заменив их "вахтовыми поселками"¹⁰⁵. Подобные позиции крайнего урбанизма были в рамках идеологемы "преодоления различий между городом и деревней" и в целом подкреплялись командно-административным механизмом, ориентированным на повышение системы управляемости села, а значит, и на уменьшение числа поселенческих единиц.

В политике кампания по созданию "агрогородов" была начата при личном участии Н.С.Хрущева еще в 1950-е гг. В Программе КПСС, принятой в 1961 г. эта идея приобрела политическое оформление. В основе такого курса лежало два заблуждения, восходящих к коммунистической идеологии и нашедших отражение в этом программном документе: что "личное подсобное хозяйство изживает себя экономически", так как потребности колхозников станет возможным удовлетворять через общественное хозяйство, а также фундаментальная марксистская идея о стирании различий между городом и деревней, причем, по замыслу составителей Программы, путем уничтожения деревни, превращения ее в город: "Постепенно колхозные деревни и села преобразуются в укрупненные населенные пункты городского типа с благоустроенными жилыми домами, коммунальным обслуживанием, бытовыми предприятиями, культурными и медицинскими учреждениями"¹⁰⁶. За этими прожектами, безусловно, стояли и субъективно благие пожелания, в частности, преодолеть огромный разрыв между культурно-бытовым уровнем села и города, но в итоге они сработали на разорение российской деревни. Ориентация на крупные поселения городского типа входила в противоречие с условиями сельскохозяйственного производства, прежде всего в Нечерноземье, которые при больших пространствах и неразвитости транспортной сети объективно требовали рассредоточения, приближения к сельскохозяйственным землям.

Концентрация населения и без искусственного подталкивания была неизбежной и закономерной в период урбанизации. Однако политика, субъективно направленная в 1960-е - 80-е гг. на преобразование, "подъем" села, объективно привела его к упадку, особенно в ряде регионов республики и в периферийных по отношению к большим и крупным городам районам практически по всей РСФСР, за счет эффекта "выталкивания" сельского населения в города. Этот процесс отражен во многих исследованиях, которые преимущественно посвящены результатам комплекса факторов, вызывавших стягивание сельских жителей в городские поселения¹⁰⁷. Не менее важно исследовать сами механизмы, вызвавшие массовый исход сельского населения. Одним из решающих универсальных механизмов был дифференцированный подход к развитию сельских поселений, заданный еще партийной программой. Особенно активизировались попытки "сселения" жителей неперспективных деревень и сел после принятия в 1974 г. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о развитии сельского хозяйства Нечерноземной зоны, в котором было предусмотрено развивать лишь 29 тыс. сельских поселений из 143 тыс. на тот период, а жителей остальных переселить в центральные усадьбы. Это резко изменило установки огромной части сельских жителей, привязанных к родному селу, нежелавших менять при-

вычный уклад жизни¹⁰⁸. Объявление их родных сел и деревень "неперспективными" подорвало психологические корни привязанности к "малой родине", а снявшись с места, сельские жители предпочитали переезжать не в центральные поселки хозяйств, лишенные и преимуществ настоящего города, и преимуществ села, а в город либо в пригородные поселения.

Если в мировой практике современная урбанизация преимущественно "втягивала" сельское население в города, тогда как "выталкивание" из села в странах рыночной экономики ограничивалось преимущественно экономическими причинами и касалось избыточного сельского населения, то в РСФСР в 1960-е - 80-е гг. "втягивание" и "выталкивание" накладывалось друг на друга, взаимно усиливаясь, и в комплексе факторов экономические (иного порядка) дополнялись преваляровавшими социальными и социально-психологическими. Эффект "выталкивания" из села происходил вопреки проводимой целевой политике по преобразованию села, одной из задач которой было как раз удержать сельское население на земле. Пожалуй, нигде командно-административная система не доказала своей полной несостоятельности с такой очевидностью, как в аграрной политике, где конечный эффект оказывался чаще всего прямо противоположным провозглашаемому целям. Иначе и не могло быть, поскольку село до конца существования СССР оставалось одним из основных источников получения прибавочного продукта для поддержания экстенсивно развивавшихся городских отраслей, прежде всего гипертрофированного раздувания ВПК, а "подъем" сельского хозяйства пытались осуществить на основе его все большего огосударствления и зарегулирования, при максимальной экономии средств, одним из способов которого и виделась "концентрация" сельского населения, сселение его в центральные поселки хозяйств. Между тем, экономия обернулась огромными потерями из-за сокращения трудоспособного населения на селе. Оказалось, что в условиях колхозно-совхозного производства даже рост фондообеспеченности хозяйств давал куда меньший эффект, нежели обеспеченность трудовыми ресурсами. Эта закономерность прослежена на хозяйствах Нечерноземной зоны РСФСР и действовала и в конце 1960-х, и в начале-середине 80-х гг. Так, чистый эффект сокращения трудообеспеченности сельского хозяйства на каждые 10% заключался в падении стоимости валовой продукции в среднем на 10%, тогда как эффект прироста фондообеспеченности на те же 10% состоял в росте валовой продукции всего лишь на 2%¹⁰⁹. Колхозно-совхозное производство органически оказывалось неспособным к эффективному распоряжению производственными фондами и выталкиванием рабочей силы подрывало собственные экстенсивные основы.

Процесс дальнейшего стягивания сельского населения в города (и пригороды, что также было одним из процессов концентрации сельского населения) происходил в 1960-е - 80-е гг. во многом в иных, нежели в предыдущие годы, условиях. Во-первых, сократились людские ресурсы сельской местности (относительно предвоенного периода), и миграция вымывала не избыточное, а необходимое для сельского хозяйства население. Во-вторых, если ранее происходило формирование сети городов на фоне стабильной сети сельских поселений, то в этот период радикально перестраивалась (главным образом, сокращалась) сеть сельских поселений на фоне уже сформированной в основном сети городов. В-третьих, одновременно шел внутренний процесс концентрации сельского населения путем дифференциации сельских поселений по темпам хозяйственного развития и роста, причем некоторая часть таких сельских поселений с течением времени переходила в иное качество (поселки городского типа, малые города). По мере истощения людских ресурсов решающее значение для развития сельской местности приобретало местоположение по отношению к городу¹¹⁰.

Эта закономерность проявилась в некоторых районах, особенно в центральной России, еще в предыдущие периоды, и распространялась на зоны притяжения крупных городов. В 1960-е - 80-е гг. явление стало повсеместным: все удаленные деревни и села, независимо от их величины, стали терять население, тогда как сельская местность в ближайшем окружении крупных и больших городов его либо сохраняла, либо весьма существенно увеличивала. Такая закономерность распространилась и на малые и средние городские поселения, в большинстве своем динамично развивавшиеся в ближних и средних пригородах крупных центров и деградировавшие на периферии, если только они не получали мощного импульса собственного развития. Сеть сельских поселений за три десятилетия во многих регионах рухнула, а в целом по РСФСР сократилась радикально. Так, в 1959 г. в республике было более 294 тыс. сельских населенных мест всех типов (села, деревни, станицы, хутора и т.д.), в 1989 г. - 152,9 тыс.¹¹¹ Существенно изменилась и структура сельских населенных пунктов. В 1959 г. малые сельские населенные пункты (до 100 чел.) составляли 61,3%, в 1989 г. - 60,8%, тогда как процент поселений с числом жителей более 3 тыс. увеличился с 0,4 до 1,7%. В поселениях с численностью жителей более 500 чел. проживало в 1959 г. 51,6% сельских жителей, в 1989 г. - 68,4%¹¹².

При всех существенных сдвигах в структуре сельского расселения значительно важнее была их территориальная дифференциация, - как между регионами республики, так и в рамках регионов и областей относительно расположения городских центров. В целом за 1959-1989 гг. сельское население РСФСР сократилось

с 55,9 до 39,0 млн, составив 69,7% от уровня 1959 г. Однако одни регионы теряли население очень существенно, другие - менее, а наряду с ними были экономические районы, в которых происходило некоторое увеличение сельского населения (см. таблицу N 15).

ТАБЛИЦА N 15. Изменение численности сельского населения экономических районов РСФСР (тыс. чел.)*.

Экономические районы (в границах 1989 г.)	1959	1989	1989 г. в % к 1959 г.
РСФСР	55923	38975	69,7
Северный	2072,8	1435	69,2
Северо-Западный	1767,0	1107	62,6
Центральный	10431,4	5307	50,9
Волго-Вятский	5038,6	2627	52,1
Центрально- Черноземный	5652,0	3076	54,4
Поволжский	6425,9	4389	68,3
Северо-Кавказский	6786,0	7154	105,4
Уральский	7377,1	5124	69,5
Западно-Сибирский	5527,3	4082	73,9
Восточно-Сибирский	3059,6	2572	84,1
Дальневосточный	1569,1	1920	122,4

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 24-29; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегод. М., 1990. С. 59-61.

Среди наиболее терявших сельское население были экономические районы: Центральный (в 1989 г. - 50,9% сельских жителей от уровня 1959 г.), Волго-Вятский (52,1%), Центрально-Черноземный (54,4%). Несколько выше или на уровне средних показателей были потери сельского населения в Северо-Западном, Поволжском, Северном и Уральском районах. Меньше других экономических районов теряли население села Западной и Восточной Сибири, а на Северном Кавказе и Дальнем Востоке произошло увеличение сельского населения.

Существовала определенная дифференциация и внутри экономических районов. Так, Центральный экономический район

принадлежал к самым "теряющим" сельское население вследствие мощного притяжения крупных и больших городов, прежде всего Москвы. Однако потери Московской области были меньше среднего уровня по району, так как отток частично компенсировался притоком сельского населения из других областей. Уровень 1989 г. относительно 1959 г. составил в Московской области 64,6%, тогда как в Брянской области - 47,8%, Тверской - 46,7%, Рязанской - 45,5%, Смоленской - 47,6%, Костромской - 46,1%, Тульской - 46,6%, Ярославской - 46,6% (см. таблицу N 16).

ТАБЛИЦА N 16. Изменение численности сельского населения некоторых областей европейской части РСФСР (тыс. чел.)*

Области РСФСР	1959	1989	1989 г. в % к 1959 г.
Вологодская	854,6	473	55,3
Новгородская	455,1	229	50,3
Псковская	694,4	312	44,9
Карельская АССР	241,7	145	60,0
Брянская	1010,3	483	47,8
Владимирская	605,9	344	56,7
Ивановская	445,9	243	54,5
Тверская	1019,3	476	46,7
Калужская	585,6	332	56,7
Костромская	553,6	255	46,1
Рязанская	1012,2	461	45,5
Смоленская	777,0	370	47,6
Тульская	759,9	354	46,6
Ярославская	581,5	270	46,4
Нижегородская	1708,6	845	49,5
Кировская	1212,5	509	41,9
Белгородская	986,5	510	51,7
Воронежская	1547,9	965	65,3
Курская	1179,9	564	47,8
Липецкая	796,8	460	57,7
Орловская	708,6	336	47,4
Тамбовская	1140,8	577	50,6

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 24-29; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегод. М., 1990. С. 59-61.

Ниже средних были показатели сохранения сельского населения и в других областях Центрального экономического района (Ивановской, Калужской, Владимирской и др.). В Волго-Вятском районе наибольшие потери сельского населения испытывали Кировская (41,9% от уровня 1959 г.) и Нижегородская (49,5%), в Центрально-Черноземном - Курская (47,8%) и Тамбовская (50,6%). Даже в регионах с растущим сельским населением, которых было в РСФСР всего два - Дальний Восток и Северный Кавказ, в отдельных областях наблюдалось сокращение сельского населения (например, Сахалинская область).

Специалистами подсчитано, что наиболее целесообразное сальдо миграции в города должно лишь немного превышать уровень естественного прироста населения, причем желательная плотность сельского населения должна быть не менее 7-8 человек на км² обжитой территории¹¹³. В действительности миграционный поток из деревни во многих областях и районах был существенно большим, а плотность населения даже освоенных территорий оказывалась ниже. Межпоселенная миграция, основным направлением которой было из села в город, а из малых и средних - в большие, крупные и крупнейшие города, как правило, вела к преимущественно локальному уменьшению людности сельской территории. В том случае, если центром притяжения являлся областной город, население оттягивалось из периферийных областных районов, когда притягивала крупная агломерация, типа Московской, в зону притяжения включались огромные территории, в первую очередь окружающие области. Межпоселенная миграция дополнялась межтерриториальной, причем для РСФСР с ее малой освоенностью огромных территорий на Востоке и Севере особенно неблагоприятным был отток мигрантов за пределы республики. Еще в предшествующие периоды миллионы россиян, прежде всего русских, оказались в Казахстане и республиках Средней Азии, на Украине и в Прибалтике, в меньшей степени - в Закавказье. В 1960-е - 80-е гг. этот процесс продолжался. В результате как республика в целом, так и особенно некоторые регионы РСФСР, теряли не только сельское население. Вследствие территориальной миграции происходило абсолютное сокращение численности всего населения ряда областей. Так, в период за 1979-1988 гг. сократилось население в одиннадцати территориях РСФСР, больше всего - на 4-8% - в Курской и Тамбовской областях, Коми-Пермяцком автономном округе¹¹⁴. Основная причина - миграционный отток за пределы областей, в первую очередь жителей села и небольших городов. Значительная часть мигрантов перемещалась за пределы РСФСР.

На уровне российских областей также происходила резкая дифференциация территорий, прежде всего районов, по плотно-

сти сельского населения. В течение всего периода 1960-х - 80-х гг. удаленные от областных центров или иных больших городов сельские поселения теряли население, хотя и с разной интенсивностью¹¹⁵. Одновременно в ближайших пригородах крупнейших городов сельское население зачастую не только не сокращалось, но и росло, даже в "теряющих" сельское население регионах и областях. Так, огромные контрасты в использовании сельскохозяйственных земель существовали в Московской области. В конце 1980-х гг. в районах, непосредственно прилегавших к Москве, на 100 га сельхозугодий приходилось вчетверо больше работников и в семь раз больше основных сельскохозяйственных производственных фондов, чем в наиболее отдаленных районах западной и восточной периферии области. Внутриобластные контрасты в продуктивности сельского хозяйства намного превосходили межобластные в пределах Нечерноземья и всей европейской части РСФСР¹¹⁶. Таким образом, происходила поляризация сельской местности, определяющим фактором для которой является местоположение по отношению к городам, прежде всего областным центрам. Периферия теряла сельское население, а это вело, как правило, к прямо пропорциональным потерям сельхозугодий. Так, в Новгородской области в течение столетия действовала жесткая закономерность: уменьшение населения на 1% всегда вело к потере 1,1% угодий¹¹⁷. Снижение трудоустроенности сельскохозяйственных районов не мог компенсировать рост фондовооруженности, так как при росте сельхозугодий на одного работника материально-техническая компенсация нехватки рабочих рук оказывалась неэффективной.

Факт стягивания сельского населения в пригороды крупных городских центров и прочих значимых для областей городов по-разному оценивается исследователями. Некоторые приветствовали это явление как закономерное продолжение процесса концентрации производства и населения, тем более, что фондоотдача здесь была выше, чем на периферии, и предлагали не подтягивать отстающие районы периферии, а вкладывать средства именно в "сильный" полюс поляризованной сельской местности¹¹⁸. Однако в таком сугубо прагматическом подходе не учитывался целый ряд обстоятельств, а также возможных последствий. Во-первых, то, что сельская поляризация территорий, в целом закономерная для урбанизационного процесса, в СССР оказалась гипертрофированной вследствие "системных" механизмов, а также грубых ошибок в аграрной политике. Отказ от подъема периферии означал ее вымирание и выведение из строя огромных сельскохозяйственных площадей. Компенсировать эти потери никакой пригород не мог, тем более, что жители пригородных и магистральных зон часто предпочитали занятость в самом городе, и при высокой плотности сельского населения пригорода была распространена низкая тру-

дообеспеченность сельского хозяйства¹¹⁹. Так что вложения в инфраструктуру пригорода чаще всего оказывались фактором, работающим не на сельскохозяйственное производство, а на тот же город. В 1960-е - 80-е гг. прослеживалась устойчивая тенденция роста занятости сельского населения в городах, увеличения удельного веса так называемых "маятниковых мигрантов" (в 1965 г. - 3,5% сельского населения, в 1975 г. - 6,0%)¹²⁰. В прилегающих к крупнейшим городам районах уровень несельскохозяйственной занятости сельского населения, как правило, в 1980-е гг. превышал треть всего населения, а занятость в городе могла достигать 10-30% (особенно в Московской и Ленинградской областях).

Свертывание сельскохозяйственного производства на периферии областей при акценте на ближний пригород было чревато, помимо комплекса социально-экономических последствий, также негативными экологическими для городов и их населения (повышенная загрязненность продуктов питания, тогда как периферия, как правило, экологически более благополучная территория; загрязнение поверхностных источников водоснабжения городов и т.д.).

Концентрация населения в городах и пригородах была закономерной. Однако в условиях экономической незаинтересованности работников сельского хозяйства, раскрестьяненных и лишенных земли, стало неизбежным их массовое переселение в города. Вопрос заключался в темпах и во времени этого перемещения. Рост социальных стандартов жизни в городе, повышение информированности сельских жителей, уровня притязаний молодежи с повышением ее образовательного уровня резко повысили в течение 1960-х - 80-х гг. притягательность города и его престижность. Между тем, 4/5 сельского населения в середине 1980-х гг. проживало за пределами пространственно-временной доступности развитых городов¹²¹. Одновременно усилилось действие "выталкивающих" факторов, связанных с идеологизированной аграрной политикой и ведомственным интересом. В результате произошло перемещение новых масс сельского населения в города, многие из которых были перенасыщены, так как были превышены возможности экономико-географического потенциала, инфраструктурной обеспеченности, экологической емкости и т.д.

Безусловно, сама урбанизация как проявление территориальной концентрации разнообразных видов деятельности, ресурсов и населения являлась прогрессивным и объективно неизбежным явлением. Однако искаженные тоталитарно-бюрократической системой ее формы, искусственно подхлестываемые темпы имели целый комплекс негативных последствий и для города, и для села, и в целом для всего общества. Так же и концентрация производства и населения в крупных городах, имея свою положительную сто-

рону, прежде всего существенное повышение производительности труда вследствие кумулятивного эффекта, при котором в крупнейших городах производительность в промышленности была на четверть выше, чем в среднем, и на 30-35% больше, чем в малых городах, сопровождалась рядом негативных явлений. Так, интенсивное стягивание сельского населения в города "размыло" социальную среду, резко снизив средний социо-культурный уровень горожан, вызвало перенапряжение городского хозяйства, не успевавшего "переваривать" сельских новобранцев и подтягивать уровень обслуживания городского населения, его обеспеченность, отстававшего от темпов механического прироста городского населения. Именно поэтому для периода 1960-х - 80-х гг. можно говорить об относительном городском перенаселении. Другой стороной этого процесса, проистекавшей уже в значительной степени из всего социально-экономического механизма, была скрытая безработица: во многом искусственно тиражировались устаревшие производства с низким уровнем квалификации, малопродуктивным, в том числе ручным тяжелым трудом, что обеспечивало всеобщую "занятость" и даже нехватку кадров. Помимо этих, методами командно-административной системы был порожден комплекс других городских проблем и противоречий.

5. Противоречия централизованного планирования и управления

В основе развития сети городских поселений с конца 1920-х - начала 30-х гг. лежало почти исключительно размещение и расширение производств согласно планам центральных или республиканских министерств и ведомств. Города превратились в придатки предприятий, в совокупность жилых и промышленных зон, причем чем больше было таких производств и чем крупнее они были, тем, как правило, более хаотичной становилась планировка города, "размытой" его территориальная структура, резче дифференциация в обеспеченности социальной инфраструктурой отдельных районов поселения, острее экологические проблемы и т.д. Размещение и расширение производств определялось не местными, а всецело ведомственными интересами. Причем, местный интерес почти не имел каналов выражения на уровне местной власти, так как приоритет производственных, возводимых в ранг общегосударственных интересов ведомственных планов был абсолютным. Однако планированию подлежали главным образом производственные показатели, прежде всего объемы производства, тогда как социальная сфера оказывалась преимущественно "бесхозной". Планирование ведомственное и министерское оборачива-

лось хаотичным развитием территорий практически по всем направлениям - экономическим, социальным, экологическим и т.д.

Эта хаотичность многократно возрастала, когда на одной территории сходились интересы нескольких министерств и ведомств, а чем крупнее было городское поселение, тем большее число предприятий более высокого уровня подчинения (республиканского и союзного) в нем, как правило, размещалось. Крайняя ограниченность прав местной власти означала отсутствие в рамках города одного полноправного хозяина, способного действительно определять развитие города, исходя из целесообразности и интересов территории, согласовывать интересы всех сходящихся в конкретном городе субъектов экономической деятельности, что имело массу негативных следствий.

Министерства и ведомства, так же как подчиненные им предприятия, не платили юридически являвшимся хозяевами территории местным советам ни за землю, ни за воду, ни за трудовые ресурсы. Поэтому ведомственный интерес состоял в том, чтобы наращивать производство в городах с уже развитой производственной и социально-бытовой инфраструктурой, не считаясь ни с экологической обстановкой, ни с негативным воздействием нового промышленного строительства на уровень обеспеченности населения жильем, услугами и т.д. Главным было при "спущенных" центром лимитах затрат "выполнить и перевыполнить" установленные директивным планом объемы производства. Именно в крупных городах при "бесплатности" для предприятий ресурсов сделать это было проще - получить на единицу капиталовложений большую отдачу, - так как легче было урезать затраты на социальбыт.

Создавая новые предприятия и расширяя старые производства, министерства не считались с наличием трудовых ресурсов. Это означало, что все административные меры, предпринимавшиеся по ограничению роста крупнейших и крупных городов, в том числе на государственном уровне, были обречены на неудачу. Так, действовавшая с 1930-х гг. система прописки, достаточно жесткая для ряда городов, прежде всего столичных, легко преодолевалась потоками иногородней рабочей силы по так называемому "лимиту". Таким образом, государственное плановое регулирование трудовых ресурсов для крупнейших городов оказывалось фикцией. Так, механический прирост населения в Москве и Ленинграде в 1970-е - 80-е гг. превышал естественный в 3-4 раза. В Москву к 1987 г. в течение предшествовавших 15 лет было привлечено свыше 700 тыс. иногородних рабочих, а в Ленинграде за 20 лет (1966-1986 гг.) 3/4 общего прироста населения пришлось на механический¹²². Продолжавшаяся и в 1980-е гг. гипертрофированная концентрация населения в крупнейших городах свидетельствовала о преимущественно экстенсивном использовании не

только трудового, но и промышленно-производственного потенциала.

Между тем, уже к концу 1960-х гг. возможности преимущественно экстенсивного развития были в основном исчерпаны, что относилось прежде всего к крупным и крупнейшим городам. Однако отрасли исходили из своих, объективно не совпадавших с общегосударственными, интересов и продолжали наращивать свою деятельность на экстенсивной основе именно в больших и крупных городах, обходя многочисленные директивные документы и постановления о сдерживании их роста. Механизмы, которые использовали ведомства в преодолении всех препятствий их экспансии в крупные города, неэффективность мер по ограничению роста крупных городских поселений подробно анализировалась в отечественной литературе еще в начале 1980-х гг.¹²³ Однако, ситуация не менялась и в 1980-е гг.

Ведомственный интерес заключался, при размещении новых производств и расширении действующих, в максимальном использовании преимуществ территорий при минимизации затрат на их освоение. Это означало стремление к сосредоточению производств в крупных и крупнейших городах, в регионах со сложившейся инфраструктурой, вне зависимости от действительных потребностей территорий в такого рода производствах, а часто и вопреки их объективным интересам. От местных властей чаще всего не зависело, какие производства будут размещать на территории города, района или области. Вместе с тем, отдельные ведомства, как правило, не интересовал вопрос о "стыковке" производств других отраслей на конкретной территории. В результате на местах оказывалось бессистемное нагромождение ничем не связанных друг с другом производств, а производитель и потребитель продукции оказывались разделены тысячами километров. Формирование территориально-производственных комплексов, то есть наиболее выгодной регионам и всему обществу территориальной организации производительных сил, происходило вопреки отраслевому механизму, чаще всего - в процессе преодоления ведомственных интересов. Даже в немногих старых, давно сложившихся экономических центрах страны, где такие комплексы стали зарождаться многие десятилетия назад, ведомственный интерес и сопротивление деформировали территориальные комплексы, вносили в них диспропорции, препятствовали развитию. В качестве яркого примера можно рассмотреть развитие ленинградской производственной агломерации.

Основа производственной базы города сложилась еще до революции, когда Петербург являлся крупнейшим индустриальным центром империи, ориентированным на внешние связи, привозное сырье и экспорт. В течение двух предвоенных десятилетий произошла значительная переориентация городской экономики на

внутриэкономические связи, с сохранением высокотехнологичных производств. Однако в послевоенные годы в развитие города было заложено немало диспропорций, сохранявшихся и умножавшихся в 1960-е - 80-е гг. Именно тогда было создано большое число предприятий, первоначально рассматривавшихся как временные, подлежащие ликвидации, передислокации, перепрофилизации и т.д. Именно поэтому, во-первых, они создавались без учета градостроительно-планировочных требований и нормативов; во-вторых, их материально-техническая база оставалась отсталой и все более устаревала с каждым годом; в-третьих, такие предприятия создавались без согласования с генеральным планом города и концентрировались преимущественно в границах старой городской черты, то есть в старых ленинградских районах, ломая сложившийся архитектурный облик города и создавая массу экологических проблем. Однако, хотя непрофильность этих предприятий и несоответствие их экономико-планировочному организму города была осознана еще в середине 1960-х гг., когда были приняты решения об их выносе, ликвидации, перепрофилизации и т.д., к концу 1980-х гг. сохранилось большинство таких отсталых производств, так как эти решения были торпедированы ведомствами. Аналогичное положение складывалось и в пригородах Ленинграда¹²⁴. В результате город, обладавший уникальным научно-техническим потенциалом, был одновременно загроможден низкотехнологичными, отсталыми и экологически вредными производствами. Начавшееся в период существования совнархозов размещение в Ленинградской, Новгородской и Псковской областях предприятий, кооперирующихся с промышленностью Ленинграда, в том числе на основе "разгрузки" города, выноса части отсталых производств, было прекращено. Едва начавшийся тогда процесс формирования на территории этих трех областей единого территориально-производственного комплекса был прерван. Даже в Ленинградской области формирование регионального комплекса тормозилось ведомственными барьерами. С огромным трудом объективный процесс территориального разделения труда, углубления взаимосвязей между городом и областью преодолел в 1970-е - 80-е гг. ведомственно-отраслевые и административно-территориальные препятствия, обусловив возрастание роли периферийных и пригородных районов области в промышленном производстве региона¹²⁵.

Аналогичное положение складывалось в Москве и регионе, а также в некоторых других давно сложившихся экономических центрах страны, где ведомственные интересы деформировали сформированную хозяйственную структуру, вносили диспропорции, тормозили складывание территориально-производственных комплексов. Значительно хуже обстояло дело в регионах нового промышленного освоения, где такие диспропорции формирова-

лись изначально из-за фактического отсутствия механизма согласования интересов территорий, включая города, и отраслей, отсутствия подхода к территориям как к целостным системам, требующим сбалансированного экономического, социального, экологического и пр. развития.

Между тем, территориально-производственные комплексы являлись наиболее прогрессивной формой территориальной организации производства. Так, только за счет экономии сопряженных капитальных вложений экономический эффект комплексности составлял в уже сложившихся городах около 10%, а в новых городских производственных комплексах - до 15-20%¹²⁶. Одной из организационных форм, способствовавших формированию территориально-производственных комплексов, явилось создание с 1960-х гг. производственных и научно-производственных объединений. Эффект их создания для городской экономики можно проследить на примере Ленинграда, где впервые 9 объединений были созданы в 1962 г., а к 1981 г. в городе их было 161, их доля в выпуске промышленной продукции выросла с 15,6% в 1965 г. до 70% в 1981 г., причем эта продукция была произведена работниками объединения, доля которых к этому времени составляла лишь 47% от общей численности работающих в промышленности города¹²⁷. Таким образом, концентрация и интеграция производства вела к росту объемов производства на одного работника.

Городское развитие явилось отражением процессов, происходивших в 1960-е - 80-е гг. в обществе в целом, и прежде всего в экономической сфере. К началу 1970-х гг. в основном были исчерпаны резервы экстенсивного роста экономики, однако преимущественно экстенсивное развитие продолжалось, постепенно перейдя к концу 1970-х гг. в стагнацию и кризис. Закономерная в условиях экстенсивного развития концентрация производства, воплощенная в СССР в механизме централизованно-отраслевого размещения, по инерции действовала и в условиях 1970-х - 80-х гг., когда в крупных и крупнейших городах сложились объективные ограничения по рациональному использованию направляемых в них ресурсов. Между тем, в малых и средних городах еще были резервы экстенсивного роста, однако для их развития, как и для развития сельской местности у общества ресурсов уже не оставалось. Ведомственный интерес, диктовавший наращивание производства на экстенсивной основе в крупнейших городах, вступал в противоречие с интересами всего общества. Однако, принимавшиеся решения о сдерживании роста крупнейших городов на экстенсивной экономической основе игнорировались и обходились министерствами. Следствием стало нарастание отрицательных тенденций в экономике крупнейших и многих крупных городов: рост числа непрофильных и малоэффективных производств, избыточная концентрация производства, старение и физи-

ческий износ основных фондов, отставание производственной инфраструктуры и др. Вместе с тем, развитие крупных городов в этот период было противоречивым и неоднозначным, одновременно действовали и новые положительные тенденции (совершенствование функциональной структуры, усиление специализации в машиностроении, рост кооперирования с наукой, усиление связей с окружающей территорией и вывод предприятий-филиалов и др.)¹²⁸. В этой связи сложной и противоречивой была проблема регулирования развития и роста больших и крупных городов.

Одним из проявлений абсолютной неэффективности планово-директивного механизма управления применительно к территориям является полный провал многочисленных попыток сдерживания роста крупных городов. Еще в 1930-е гг. принимались решения по ограничению промышленного строительства в семи городах СССР. Как известно, именно промышленное строительство, концентрация производства лежала в основе роста городов, и именно такой мерой считали возможным затормозить этот процесс. В 1950-е гг. круг "регулируемых" городов был расширен. Однако подобный подход имел неудовлетворительные результаты. Тем не менее, аналогичная практика была продолжена и в последующие десятилетия.

Проблема целесообразности ограничения роста крупных городов не может решаться абстрактно. Экономико-географический потенциал, ресурс экологической безопасности и целый ряд других факторов всегда конкретны для каждого города, причем исторически конкретны: меняется и сам город, и его окружающая природная, экономическая, социальная и т.п. среда. В этом смысле идея "оптимального" города, периодически муссируемая в мировой урбанистике, основанная на неких абстрактных критериях, малопродуктивна. В отечественной урбанистике эта идея выросла из симбиоза западных градостроительских теорий и идеологического постулата марксизма об уничтожении различий между городом и деревней, на том этапе осмысления проблемы, когда примитивный дезурбанизм 1920-х гг. был отвергнут, а стремление к регулированию процесса расселения переместилось в сферу "экономической целесообразности", под которой понимались минимальные затраты на градостроительство. Развернувшаяся в 1960-х гг. дискуссия о путях социалистического расселения поставила этот вопрос именно в такой плоскости. Между тем, набор критериев, выдвигавшихся авторами, был весьма различен. Соответственно, и размеры "оптимума" колебались от 10 до 400 тыс. человек¹²⁹. Между тем, практика градостроения и в целом размещения производства и расселения была далека от схоластических споров, от противопоставления малых городов крупным. Они все оказывались нужными в рамках естественно формировавшихся территориальных систем организации общества, прежде всего аг-

ломераций. Слишком субъективными и не "работающими" оказывались и универсальные критерии оптимальности городов, так как в конкретных случаях имели общественное значение разные факторы: эффективность производства, территориально фиксированная функциональная роль в рамках регионального разделения труда, "кумулятивный эффект" концентрации, и далеко не на первом месте - минимизация затрат на градостроительство. Социальный эффект крупнейших городов перекрывал многие действительно имеющиеся проблемы, порождаемые ими. Следовательно, действительно важной и объективно стоявшей проблемой была не потребность в прекращении роста крупнейших городов, а вопрос о темпах и характере их развития соответственно стадии урбанизации, природе этого типа городских поселений и особенностям региональных интересов. И вот здесь отраслевой механизм директивно-планового управления оказался бессильным, причем не только в осознании действительно важных проблем городского развития, но и в реализации собственных (не всегда оправданных) решений по ограничению роста крупных городов.

Так, в 1956 г. принималось решение о запрете строительства и расширения действовавших предприятий, помимо обслуживающих население и нужды гражданского строительства, в 48 крупных городах СССР, а также в населенных пунктах Московской области. С 1963 г. для Москвы и Московской области эти требования были ужесточены и расширены, в том числе неоправданно (запрещено было строительство и расширение действующих НИИ и ВУЗов, то есть наиболее свойственных крупнейшему городу сфер деятельности). Тогда же в 23 городах ограничивалось строительство и расширение существующих промышленных объектов¹³⁰.

В 1960-е гг. принцип ограничения роста городов получил нормативно-методическое обеспечение (был закреплен в методических указаниях Госплана СССР по составлению народнохозяйственных планов, причем в 49 городах полностью запрещалось строительство новых и расширение действовавших промышленных предприятий)¹³¹. Принцип ограничения промышленного строительства действовал еще в нескольких десятках городов и поселков, в том числе курортных, на которые он был распространен в 1970-1971 гг. Однако, среднегодовой прирост населения в городах, в которых осуществлялся ограничительный или запретительный режим промышленного строительства, оказался в 1970-е гг. существенно выше среднего по всем городским поселениям¹³². В значительной мере это стало результатом игнорирования или преодоления запретов ведомственными предприятиями. В 1981 г. были приняты более развернутые и "категоричные" решения по ограничению промышленного строительства в крупных городах, причем упор делался на техническую реконструкцию и

переворужение промышленности городов, число которых расширилось, в частности за счет распространения решений на населенные пункты, подчиненные крупным центрам, в результате чего к "регулируемым" объектам подключались агломерации и происходившие в них процессы¹³³.

Однако, все ограничительные мероприятия имели сугубо административный "запретительный" характер, тогда как сохранялся более мощный фактор, действовавший в прямо противоположном направлении, а именно, - экономический ведомственный интерес, заключающийся в стремлении экономить на "готовой" развитой инфраструктуре крупных центров, а потому запреты продолжали легко преодолеваться, а города "внепланово" расти.

Насколько "результативны" были принимаемые решения видно из показателей темпов роста численности крупнейших городов: все нормативы многократно перекрывались. Источниками срыва этих решений были как неверный подход к крупнейшим городам, которые рассматривались в качестве прежде всего промышленных центров, сохраняя и даже расширяя действующие ресурсоемкие производства, усугубив этот процесс реконструкцией и перевооружением вместо вывода за пределы города, так и ведомственный интерес при всемогуществе отраслевого механизма управления. Классическим примером в этом плане является опыт Свердловска. Так, численность населения города в 1970-е гг. росла значительно более высокими темпами, нежели это намечалось генеральным планом, и в 1975 г. достигла уровня, который планировался на 1980 г. Основными причинами такого роста были высокий механический прирост населения, строительство новых объектов, реконструкция предприятий с увеличением численности кадров. Городской Совет Свердловска вынужден был в июне 1976 г. принимать решение "О размещении в городе предприятий и организаций, не предусмотренных генеральным планом", в котором отмечалось, что создание и размещение таких предприятий и организаций, особенно расширение действующих, производилось по решениям министерств и ведомств без согласования с исполкомом городского Совета¹³⁴. Такая практика была повсеместной и фактически полностью неподконтрольной местным властям.

Более того, сдерживая стихийную миграцию в крупные города, их власти вынуждены были принимать решения об организованном наборе приезжих работников - как под ведомственным давлением для некоторых предприятий вышестоящего подчинения, так и для обеспечения трудовыми ресурсами ряда городских служб (городской транспорт и др.), поскольку коренные горожане из-за низкой престижности рабочих профессий, особенно малоквалифицированных специальностей, избегали занятости в этих сферах. Однако и мигранты прибывали в крупные города не для

того, чтобы занять эти свободные рабочие места, а чтобы получить прописку, которая иными способами была для них малодоступной. Такое положение существовало в Москве вплоть до 1988 г., где "лимитчики", получив прописку и жилье, чаще всего по истечении срока договора переходили на другую работу с лучшими условиями труда¹³⁵. Закономерно, что в крупнейших городах с огромным количеством мест приложения квалифицированного труда и широким выбором профессий, обнаружился дефицит именно неквалифицированной рабочей силы: возросшая социальная мобильность, преимущественно "снизу вверх" (от физического труда к умственному, от неквалифицированного физического труда к квалифицированному физическому, от малоквалифицированного умственного к квалифицированному умственному труду), особенно при переходе от поколения к поколению, освобождала нижние этажи социальной лестницы, которые и заполнялись "лимитчиками"¹³⁶. Между тем, приток их во многом искусственно стимулировался застоём в техническом перевооружении производства и сохранением высокой доли ручного труда.

В результате такой ограничительной "политики" в Ленинграде "опережение" плановых показателей составило 10 лет, так что расчетная численность населения в 3,5 млн была достигнута в 1975 г.¹³⁷ Еще более форсированный прирост был характерен для Москвы. Остальные крупнейшие и крупные города РСФСР также легко преодолевали ограничительные рамки и росли не только быстрее планируемых темпов, но в основном быстрее среднереспубликанских показателей.

За ограничительными мерами не стояло реальной научной проработки механизмов городского роста, адекватного понимания этих процессов. Так, оказалось, что даже вынос за пределы Москвы отдельных предприятий разнородных отраслей практически не давал эффекта, так как за ним не следовали кадры, а оставались в столице, сохранялись кооперационные связи с другими предприятиями, и транспортная нагрузка на город даже возрастала¹³⁸. Тем более реконструкция производств, чуждых структуре крупного города, вела, как правило, к сохранению и росту трудовых коллективов, а значит, и к "сверхплановому" росту города.

В целом вопрос о том, было ли объективно необходимым ограничительное регулирование роста крупных городов, является проблематичным, так как по целому ряду экономических параметров крупные городские поселения были самыми эффективными (с одной немаловажной оговоркой: в существовавших в 1960-е - 80-е гг. условиях хозяйственной деятельности). Во всяком случае, за полувековую практику ограничения роста крупных городов не было осуществлено комплексного экономического анализа общественного производства в городе, а социальные, экологические и прочие аргументы "за и против" слишком противоречивы. Есть

мнение, что инерционность системы расселения является естественным регулятором, предохраняющим ее от волюнтаристских пагубных воздействий, а попытки сознательно направить систему к "оптимуму" не имеют смысла, если он не выявлен¹³⁹. И уж тем более, на наш взгляд, абсурдны были попытки директивного ограничения роста городов, если в сам экономический механизм были встроены прямо противоположные стимулы, в том числе отсутствие платы за ресурсы, а властные полномочия и "вес" ведомств - куда весомее полномочий городского уровня управления.

Несмотря на плановый характер экономического механизма, на местах, в том числе в рамках городов всех категорий, господствовала полная стихийность и неразбериха. В крупнейших городах, сосредоточивавших сотни и тысячи предприятий и организаций, отраслевой характер управления, осуществлявшийся как, например, в Ленинграде в 1970-е гг., более 150 министерствами и ведомствами, приводил к чрезвычайно неэффективному использованию богатейшего накопленного промышленного, научного, культурного потенциала. По существу, отсутствовал механизм территориального управления имевшимися у городов ресурсами. Постоянно воспроизводилась диспропорция между отраслевой структурой материального производства и наличной инфраструктурой, между диктуемыми из центра планами производств и имеющимися трудовыми ресурсами, между объемами и сочетанием видов производств и допустимой экологической нагрузкой на окружающую среду, между зачастую гипертрофированной материальной базой промышленности и социальной инфраструктурой и т.д. Министерства и ведомства, разрабатывая план развития предприятий, не принимали во внимание то, как они вписываются в развитие хозяйства города и окружающих территорий. Так, вплоть до середины 1970-х гг. развитие Ленинграда планировалось только по трем показателям: объему реализованной продукции, численности занятых и объему капитальных вложений. Между тем, хозяйственный комплекс Ленинграда относился к числу крупнейших в стране, город являлся одним из старейших промышленных, научных и культурных центров. Неучет специфики города, перегруженного производствами, вел к дальнейшему экстенсивному наращиванию объемов продукции, низкому техническому перевооружению при повышенной изношенности и устаревшем оборудовании, отставанию инфраструктуры, плохому транспортному обслуживанию населения, и т.д.¹⁴⁰

Доминировавший с середины 1960-х гг. отраслевой принцип управления экономикой не обеспечивал комплексного развития народного хозяйства в рамках конкретных территорий, в том числе городов. Особенно он сказывался на развитии производственной и в еще большей степени социальной инфраструктуры. Как правило, министерства и ведомства стремились разместить произ-

водства в старых освоенных регионах с относительно развитой инфраструктурой, экономя на новых капиталовложениях. Возможности местных органов власти, прежде всего финансовые и ресурсные, были крайне ограничены: узка налоговая база, ничтожны были права на вмешательство в хозяйственную деятельность предприятий вышестоящего подчинения. Так, в 1980 г. удельный вес ввода основных фондов хозяйствами местного подчинения в РСФСР составил всего лишь 9,6%, капиталовложений - 9,2%, а в реализации продукции - всего 4,1% от общих объемов соответствующей хозяйственной деятельности организаций местного, республиканского и союзного подчинения. В том же году удельный вес капиталовложений в жилищное строительство, осуществленных местными Советами, составил 30,6%, а ввод в действие жилых домов - 34,7%¹⁴¹. Основная роль в жилищном строительстве, таким образом, принадлежала предприятиям союзного и республиканского подчинения, которые, естественно, обеспечивали жильем в основном своих работников. Однако проблема заключалась еще и в том, что и при хозяйственном, и при жилищном строительстве местные власти имели, как правило, не более чем совещательный голос. В результате и функционально-хозяйственная структура города, и его застройка оказывались некомплексными, а чаще всего просто хаотичным нагромождением предприятий и жилых районов при них.

По сути, отсутствовала развитая правовая база управления развитием городов, которая формировалась только на четырех низовых (из шести) уровнях: городском, поселенческом, районном и областном. Лишь по отдельным аспектам она выходила на республиканский уровень. Однако и на этих низовых уровнях из компетенции местных органов власти выпадал ряд важных функций. Так, при исследовании ленинградскими специалистами механизма управления городов Мурманска, Пскова, Новгорода, Ярославля, Вологды, Калуги, Костромы и др. выяснилось, что из подчинения был изъят ряд объектов: местная промышленность, городской транспорт, связь, бытовое обслуживание, общественное питание, распределение и использование трудовых ресурсов, электрификация, некоторые иные службы городского хозяйства. Таким образом, в конце 1970-х гг. оказалось, что город как социальная среда зачастую не имел собственного управляющего механизма, чем и объяснялась его аморфность как целого, некомплексность, слабая структурированность многих подсистем городского хозяйственного и социального организма. На союзном уровне законодательную базу городов составляли лишь некоторые документы в дикретной форме (отдельные постановления Совета Министров СССР), посвященные Москве, Ленинграду, Горькому и др. отдельным городам, а основным документом градостроительного развития являлся генеральный план¹⁴².

Правовые аспекты взаимоотношений городских властей с предприятиями центрального подчинения определялись законами союзных республик о городском, районном в городе Советах. В соответствии с ними городской Совет имел весьма ограниченные права на использование средств, которые выделялись предприятиями и организациями внегородского подчинения на развитие социальной инфраструктуры. Городские власти могли лишь добиваться согласия у руководства этих предприятий на совместное использование средств, выделяемых ими на жилищное, коммунальное, дорожное, культурно-бытовое строительство, строительство объектов просвещения, здравоохранения, торговли и общественного питания. В 1970-е гг. лишь в относительно редких случаях речь шла об объединении средств города и предприятий, а город выступал заказчиком или определял заказчика по этим видам строительства¹⁴³. Происходило это преимущественно тогда, когда предприятия сами не располагали необходимой строительной базой. Между тем, объединение средств предприятий городскими властями позволяло их использовать гораздо более эффективно в интересах комплексного развития социальной инфраструктуры, одновременного возведения жилья и социально-культурных учреждений. В тех случаях, когда это удавалось сделать, города развивались более гармонично. В 1970-е гг. получил распространение опыт непрерывного планирования и поточного гражданско-жилищного строительства в г.Орле, получивший название "орловская непрерывка". Городской Совет выступал в этом случае единым организатором и заказчиком, объединяя усилия всех предприятий в городе. В 1977 г. орловский метод применялся в 24 городах РСФСР, в 1978 г. - еще в 31 городе¹⁴⁴. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 1 марта 1978 г. "О мерах по расширению в городах практики комплексного поточного строительства жилых домов, объектов культурно-бытового назначения и коммунального хозяйства" система должна была получить более широкое внедрение, однако натолкнулась на сопротивление ведомственного интереса¹⁴⁵.

Компетенция городских Советов в области планирования во взаимоотношениях с предприятиями, расположенными на территории города, жестко разделялась по принадлежности этих предприятий к категориям городского и вышестоящего подчинения. Городской Совет утверждал хозяйственные и сводные плановые задания организациям городского подчинения и имел право лишь рассматривать проекты планов предприятий вышестоящего подчинения в части, касающейся жилищного и коммунального хозяйства, строительства дорог, объектов социально-культурного назначения и т.д., ограничиваясь внесением своих предложений по этим вопросам в соответствующие вышестоящие органы¹⁴⁶. Даже получившее со второй половины 1970-х гг. некоторое распро-

странение комплексное планирование развития некоторых городов (Москвы, Ленинграда, Тулы, Свердловска, Челябинска, Оренбурга и др.), осуществлявшееся местными Советами, отнюдь не имело директивного характера для министерств и ведомств, чьи предприятия были расположены на городской территории. Возможность добиться реализации даже согласованных с министерствами планов определялась "силой" и влиятельностью местного руководства.

Попытки преодолеть ведомственную разобщенность, распыление средств на местах, не позволявшее обеспечивать местным властям комплексное развитие и хозяйственной структуры, и социальной инфраструктуры подведомственных территорий, вылились в форму комплексного планирования экономического и социального развития ряда городов. В них была сделана попытка нейтрализовать на местном уровне произвол отраслевого управления, скоординировать деятельность центральных, отраслевых и местных органов, что было в интересах прежде всего территорий. Однако получившие определенное распространение в 1970-е гг. планы развития ряда крупных городов не являлись директивными и имели скорее сводно-аналитический характер. Исключение составляли планы по г.Москве и области, а также по Ленинградской области, которые, впрочем, на практике многими отраслевыми предприятиями и организациями игнорировались. В остальных городах такое планирование рассматривалось руководством предприятий вышестоящего подчинения как чисто формальное, деятельность отдельных предприятий не была увязана между собой и не предусматривала решение региональных проблем.

Сложившийся еще в 1930-е гг. чрезвычайно неэффективный механизм сочетания отраслевых и территориальных интересов сохранялся и действовал (в том числе в краткий период существования совнархозов) около полувека, сформировав стереотип ведомственной политики по размещению производств прежде всего в крупных городах, и он относительно легко преодолевал и директивные ограничения на государственном уровне, и местное городское планирование, также включавшее ограничительные параметры. Однако основной смысл комплексных планов заключался в выходе за рамки сугубо экономического планирования и включении социального развития, оказывавшегося разорванным на городском уровне между множеством экономических и иных субъектов управления. В большинстве случаев комплексные планы так и остались формальной сводкой традиционных показателей, представляемых этими субъектами, не вносящими сбалансированность развития ни экономики, ни социальной сферы. В них не было и единообразия, что вызывалось не спецификой городов как объектов управления, а отсутствием единых представлений о структуре плана, его задачах, методике разработки¹⁴⁷. Лишь к

1977 г. были изданы первые методические рекомендации по комплексному планированию городов¹⁴⁸. Введением комплексного планирования специалисты пытались придать городу свойство целостности в качестве объекта управления, преодолеть разобщенность отраслевых программ, охватить все основные стороны развития поселения¹⁴⁹. Однако преимущественно рекомендательный характер комплексных планов городского развития оставлял ведомствам слишком широкое поле маневра и в плане экономии средств на социальной инфраструктуре, и в области распоряжения основной ее частью, находившейся, как правило, в ведении предприятий. Некомплексность городского хозяйства и социальной инфраструктуры, городской планировки и застройки не могла быть преодолена полужурнальными документами типа "комплексных планов" в условиях отсутствия развитой правовой базы, обеспечивавшей приоритет территориальных интересов над ведомственными, их гармоничное согласование не в ущерб территориям. Среди главных деструктивных факторов в этой проблеме был принцип фактической бесплатности ресурсов для потребителя, то есть ведомств, однако за ним стояла вся планово-директивная экономика, командно-административный механизм. Растратный его характер распространялся и на такой ресурс как территория, земля.

Одной из острых проблем городского развития, имеющей значение для всей страны, было нерациональное использование городских земель. Помимо совершенно неоправданного увеличения затрат на создание инфраструктуры, низкая плотность городской застройки, жилой и промышленной, вызывала ежегодно вывод из оборота десятков тысяч гектаров сельскохозяйственных земель. Так, к началу 1970-х гг. площадь городских земель превышала 10 млн га, из которой непосредственно под городской застройки и места отдыха использовалось меньше 50%. Плотность жилого фонда к 1975 г. в среднем составляла около 50% нормативной (при очень "либеральных" по мировым стандартам отечественных нормативах), а площадь, использовавшаяся под промышленные предприятия, использовалась в 2-3 раза меньше, чем предусматривалось нормативами¹⁵⁰. По некоторым данным, территория городских поселений в стране удваивалась каждые 20 лет¹⁵¹. Это имело не только экономическое значение. Разрастание городов растягивало коммуникации, увеличивало время, проводимое городскими жителями в транспорте, при ежедневных трудовых и иных передвижениях, негативно влияя на здоровье и сокращая бюджет времени горожан, продуктивно расходуемый на дела и отдых. Некомпактность городской застройки была еще одним проявлением оборотной стороны планово-директивного механизма управления экономикой с ведомственными приоритетами - хаотичности управления на территориальном уровне.

Примечания

- 1 Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Стат. ежегод. М., 1987. С. 243.
- 2 См.: Там же; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. М., 1991. С. 531.
- 3 Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. С. 244; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 536.
- 4 Рассчитано по тем же данным.
- 5 СССР и зарубежные страны. 1988. Стат. сб. М., 1990. С. 243.
- 6 Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 547.
- 7 Известия. 1987. 24 марта.
- 8 Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. С. 253; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 550-551.
- 9 См.: Хорев Б.С. Территориальная организация общества: Актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР. М., 1981. С. 3.
- 10 Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. М., 1987. С. 12.
- 11 Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М., 1984.
- 12 Майергойз И.М. Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований. М., 1981. С. 70.
- 13 См.: Экономическая география СССР. М., 1983. С. 225.
- 14 См.: Лаппо Г.М. Указ. соч. С. 27.
- 15 Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегод. М., 1990. С. 378-379.
- 16 Там же.
- 17 Городские поселения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 74-75.
- 18 Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 378-379.
- 19 Городские поселения РСФСР. С. 6, 94-97.
- 20 Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 378-379; Экономическая география СССР. М., 1983. С. 303-315.
- 21 Городские поселения РСФСР. С. 110.
- 22 Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 378-379.
- 23 Городские поселения РСФСР. С. 197, 90-91.
- 24 Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 378-379.
- 25 См.: Городские поселения РСФСР. С. 5, 118, 126, 134.
- 26 Там же.
- 27 Рассчитано по: Городские поселения РСФСР. С. 5.
- 28 Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. М., 1987. С. 19.
- 29 Рассчитано по: Городские поселения РСФСР. С. 30-31.
- 30 Там же. С. 30.
- 31 Там же. С. 173.
- 32 Там же. С. 29, 31.
- 33 Там же. С. 30.
- 34 Мельковин Б.В. Основные направления развития городов Северо-Западного экономического района // Проблемы развития городов РСФСР. Материалы научной конференции. М., 1977. С. 121-126.
- 35 Городские поселения РСФСР. С. 6, 173-176.
- 36 См.: Куфтырева Н.С. Тенденции развития малых и средних городов Центрально-Черноземного экономического района // Проблемы развития городов РСФСР. С. 203-204.
- 37 Народное хозяйство СССР в 1970 г. Стат. ежегод. М., 1971. С. 37-45.
- 38 Городские поселения РСФСР. С. 6, 14-15.
- 39 Там же. С. 197-200.

- 40 Там же. С. 34.
- 41 Куфтырева Н.С. Указ. соч. С. 203-208.
- 42 См.: Хорев Б.С. Проблемы городов. М., 1975; Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация: сущность, факторы и особенности изучения // Проблемы современной урбанизации. М., 1972; и др.
- 43 Пчелинцев О.С. Формы расселения и размещения производительных сил // Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс. М., 1972; Румянцев А.М. Урбанизация и общество // Там же; Яницкий О.Н. Социальные аспекты урбанизации в условиях научно-технической революции // Проблемы современной урбанизации. М., 1972; и др.
- 44 Лаппо Г.М. Указ. соч. С. 51.
- 45 См.: Вайнберг Э.И. Особенности группового расселения на территории Российской Федерации // Проблемы развития городов РСФСР. С. 27, 35.
- 46 Там же. С. 29
- 47 Глезер О.Б., Шацко Е.С. Опыт разработки региональных схем расселения на территории РСФСР // Региональное расселение в СССР. М., 1984. С. 30.
- 48 См.: Лаппо Г.М. Указ. соч. С. 19.
- 49 Выдро М.Я. Население Москвы. Информационно-методический сборник. М., 1989. С. 57.
- 50 Трифонов А.А. Формирование сети городских поселений на территории Московской области (середина XIX в. - 1976 г.) // Русский город. Вып. 5. М., 1982. С. 31.
- 51 Там же; Народное хозяйство СССР в 1959 г. М., 1960. С. 35-44.
- 52 Трифонов А.А. Указ. соч. С. 30.
- 53 Городские поселения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 182-185; Трифонов А.А. Указ. соч. С. 31, 33-35.
- 54 Городские поселения РСФСР. С. 182-185; Трифонов А.А. Указ. соч. С. 31.
- 55 Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. I. М., 1972. С. 10-11; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 10.
- 56 Экономико-географические проблемы Московского региона. М., 1989. С. 25.
- 57 См.: Смоляр И.М., Бучев Л.Ф. Опыт экспериментальной разработки групповых систем населенных мест в различных природных и экономических условиях. М., 1982.
- 58 Географические проблемы развития народного хозяйства Московского региона. М., 1986. С. 3-14.
- 59 См.: Вайнберг Э.И. Указ. соч. С. 30-34.
- 60 См.: Ходжаев Д.Г., Кочетков А.В., Листенгурт Ф.М. Система расселения в СССР. М., 1977. С. 134.
- 61 Там же.
- 62 См.: Урбанизация и развитие регионов областного уровня. Л., 1990. С. 103-109.
- 63 Махровская А.В., Семенов С.П. Пути развития Ленинграда. Л., 1980. С. 13.
- 64 Урбанизация и развитие регионов областного уровня. С. 104-106.
- 65 См.: Там же. С. 111.
- 66 Некрасов Н.Н. Региональная экономика. М., 1978. С. 263.
- 67 Ильин И.А. Экономика городов: региональный аспект развития. М., 1982. С. 23.
- 68 Волин В.Я., Зиновьев В.В., Степанов М.Н. Проблемы развития Пермской городской агломерации // Проблемы развития городов РСФСР. С. 223.
- 69 Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. Стат. ежегод. М., 1961. С. 40; Городские поселения РСФСР. С. 213.
- 70 Там же.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. М., 1962. С. 34.
- 71 Волин В.Я. и др. Указ. соч. С. 223.
- 72 Там же. С. 223-227.

- 73 См.: Городские поселения РСФСР. С. 206; Лаппо Г.М. Указ. соч. С. 128-129.
- 74 См.: Вишневский А.Г. Экономические проблемы развития форм городского расселения // Проблемы современной урбанизации. С. 66.
- 75 Терещенко О.В. Потенциал городов (Методы статистического изучения). Новосибирск, 1991. С. 16-17.
- 76 См.: Социальное развитие Российской Федерации. 1992. Стат. сб. М., 1992. С. 68-70, 96-99.
- 77 См.: Чернов П. Экономические законы и развитие городов // Экономические науки. 1978. N 4. С. 56-57.
- 78 См.: Шарипов А.Ю. Сфера услуг сибирского региона. Новосибирск, 1979.
- 79 См.: Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Стат. ежег. М., 1977. С. 273; Социальное развитие Российской Федерации. 1992. Стат. сб. М., 1993. С. 96-99.
- 80 Там же. С. 125-127.
- 81 Алисов А.Н., Воронцов В.К. Управление экономикой региона. Казань, 1986. С. 32.
- 82 Поляк Г.Б. Бюджет города. М., 1978. С. 108-109.
- 83 Система органов городского управления (Опыт социологического исследования). Л., 1980. С. 108.
- 84 Алисов А.Н., Воронцов В.К. Указ. соч. С. 243-244.
- 85 Мильнер Г. Вопросы территориального планирования уровня жизни населения // Плановое хозяйство. 1978. N 4. С. 57.
- 86 Алисов А.Н., Воронцов В.К. Указ. соч. С. 245.
- 87 См.: СП РСФСР. 1971. N 9. С. 74.
- 88 Система органов городского управления. С. 121-122.
- 89 См.: Шарипов А.Ю. Указ. соч. С. 173-187; Куцев Г.Ф. Новые города (Социологический очерк на материалах Сибири). М., 1982. С. 126-135; Перцик Е.Н. Город в Сибири. М., 1980. С. 60-61.
- 90 Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе. Новосибирск, 1980. С. 74-75, 87, 92.
- 91 Тощенко Ж.Т. Социальное планирование в СССР. М., 1981. С. 196, 197.
- 92 См.: Краснопольский Б.Х. Сфера услуг сибирского региона. М., 1980. С. 35; Экономический эффект социального планирования. М., 1980. С. 208-218.
- 93 Размещение населения в СССР. М., 1986. С. 53.
- 94 Заславская Т.И., Калмык В.А., Хахулина Л.А. Социальные проблемы развития Сибири // Известия СО АН СССР. Сер. Обществ. науки. 1982. N 1. С. 5.
- 95 Дмитриев А.В., Лола А.М., Межевич М.Н. Где живет советский человек: Социальные проблемы управления расселением. М., 1988. С. 57.
- 96 См.: Назаревский О.Р. Карта оценки природных условий жизни населения СССР. М., 1984.
- 97 Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 45.
- 98 Население СССР. 1987. Стат. сб. М., 1988. С. 8; Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990. С. 7.
- 99 СПП СССР. 1987. N 41. С. 875.
- 100 Алексеев А. "Нечерноземный Чернобыль?" // СССР: демографический диагноз. М., 1990. С. 427.
- 101 Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971. С. 284.
- 102 Тюрина А.П. Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965-1980 гг. М., 1982. С. 88-89.
- 103 Развитие сети опорных центров расселения РСФСР. М., 1979. С. 81.

104 См.: Аитов Н.А. Социальные последствия развития межведомственных связей и агропромышленного синтеза // Развитие социальной структуры сельского населения под воздействием межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. М., 1983. С. 15-35.

105 Буркин С.К. Некоторые аспекты влияния урбанизации на сельское расселение // Вопросы географии Сибири. 1983. N 15. С. 108-120.

106 Программа КПСС. М., 1961. С. 83, 85.

107 См.: Корель Л.В. Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982; Развитие сельских поселений. М., 1977; Проблемы расселения в СССР. М., 1980; Ширгазин О.Р. Влияние миграции населения на пространственную структуру сельского расселения // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1983. N 2. С. 76-82.

108 Алексеев А. Указ. соч. С. 433.

109 Иоффе Г.В. Сельское хозяйство и поляризация сельской местности (По материалам Нечерноземья) // Мировая урбанизация: географические проблемы. М., 1989. С. 88.

110 См.: Зайончковская Ж.А. Городское и сельское расселение: эволюция взаимосвязи // Проблемы современной урбанизации. М., 1985. С. 18, 19.

111 Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С.48; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегод. М., 1990. С. 67.

112 Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. С.50-51; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 67.

113 Заславская Т.И., Корель Л.В. Миграция населения между городом и селом // Социологические исследования. 1981. N 3. С. 43.

114 Население СССР. 1988. М., 1989. С. 3.

115 См.: Игудина А.И. Социально-географические факторы динамики сельского населения на территории Нечерноземной зоны РСФСР (1959-1979). Автореф. канд. дис. М., 1982. (Ин-т Географии АН СССР); Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения. Новосибирск, 1979; и др.

116 Иоффе Г.В. Указ. соч. С. 89.

117 Там же. С. 93.

118 См.: Там же. С. 92-94.

119 См.: Иоффе Г.В. Региональные предпосылки концентрации сельскохозяйственного производства // Изв. АН СССР. Сер. эконом. 1983. N 6. С. 81-92.

120 Хорев Б.С., Лиходед В.Н. Житель села - работник города. М., 1982. С. 17.

121 Дмитриев А.В., Лола А.М. и др. Указ. соч. С. 123.

122 Дадашев А., Дьяченко А. Москва и немосквичи: размышления по поводу практики привлечения иногородних рабочих на столичные предприятия // Труд. 1987. 16 января.

123 См.: Демографическое и экономическое развитие в регионе. М., 1983. С. 61-70.

124 Урбанизация и развитие регионов областного уровня. Л., 1990. С. 108-109.

125 См.: Там же. С. 109-110.

126 Город и отрасль: концепции эффективности производства. Л., 1986. С. 70.

127 Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области в 10-й пятилетке. С. 39.

128 Урбанизация и развитие регионов областного уровня. Л., 1990. С. 12.

129 Муравьев Е.П., Успенский С.В. Методологические проблемы планирования городского расселения при социализме. Л., 1974. С. 91.

130 См.: Хорев Б.С. Проблемы городов. М., 1975. С. 86.

131 Методические указания к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР. М., 1974. С. 293.

132 Планирование комплексного развития крупных городов: Опыт и пути совершенствования. Л., 1982. С. 49.

133 Межевич М.Н., Сигов И.И. Концепция крупного города // *Общественные науки*. 1984. N 1. С. 23.

134 См.: Авакьян С.А. Городской Совет и предприятия вышестоящего подчинения. М., 1979. С. 25.

135 Глушкова В.Г. Вопросы взаимосвязанного расселения в Москве и Московской области // *Вопросы географии*. Сб. 113. М., 1988.

136 Горностаева Г.А. Особенности современной урбанизации в СССР // *Мировая урбанизация: географические проблемы*. М., 1985. С. 46-47.

137 См.: Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области за 60 лет. Стат. сб. Л., 1977. С. 13.

138 См.: Кибальчич О.А. Управление развитием столичных регионов // *Проблемы современной урбанизации*. М., 1985. С. 139.

139 Подробнее см.: Петров Н.В. Крупногородское расселение в СССР: анализ эффективности // *Проблемы современной урбанизации*. М., 1985. С. 40-71.

140 Мелешенко В.И. Комплексное экономическое и социальное планирование крупного города (на примере Ленинграда) // *Проблемы развития городов РСФСР. Материалы научн. конф.* М., 1977. С. 129-133.

141 Алисов А.Н., Воронцов В.К. Управление экономикой региона. Казань, 1986. С. 27.

142 См.: Дмитриев А.В., Лола А.М., Межевич М.Н. Где живет советский человек. М., 1988. С. 192-193; Система органов городского управления (Опыт социологического исследования). Л., 1980. С. 48.

143 Авакьян С.А. Указ. соч. С. 50-51.

144 См.: Советы народных депутатов. 1978. N 7. С. 41.

145 СП СССР. 1978. N 6. Ст. 36.

146 См.: Авакьян С.А. Указ. соч. С. 16-17.

147 Система органов городского управления. С. 87-89.

148 См.: Перспективное планирование экономического и социального развития города: Методические рекомендации. М., 1977.

149 Межевич М.Н. Комплексное планирование крупных городов // *Плановое хозяйство*. 1978. N 3. С. 111.

150 Кочетков А. Социально-экономические аспекты градостроительства // *Вопросы экономики*. 1975. N 10. С. 25.

151 Поляк Г.Б. Бюджет города: проблемы и перспективы развития. М., 1978. С. 36.

ГЛАВА 2. МНОГООБРАЗИЕ ГОРОДОВ

1. Ступени городской иерархии

Концентрация производительных сил, людей, рост разнообразия деятельности на ограниченной территории закономерны для индустриализирующегося общества. Урбанизационный процесс является основной формой воплощения этих явлений. В свою очередь общество, переходящее из преимущественно сельского состояния в "городское" оказывается структурированным на целый ряд уровней и подуровней своей территориальной организации, в которой города различной величины занимают свое конкретное место. Для России с ее огромной территорией и относительно низкой плотностью населения "точечный" характер расселения и повышенная концентрация людей в относительной немногих крупных и больших городах была объективно неизбежна с начавшейся индустриализацией вследствие, в первую очередь, экономических причин: создание развитой инфраструктуры было возможным только в таких немногих местах. Однако, "социалистический", "плановый" и форсированный характер советской индустриализации не просто наложил свой отпечаток на урбанизационный процесс, но и действительно определил его особый "советский" тип, который проявился и в механизме формирования городских поселений, и в их облике, и т.д. Проявился он и в формировании структуры городов.

Безусловно, форсированная индустриализация не только ускорила рост числа городских поселений, но и стимулировала умножение количества их высших "размерных" категорий: больших, крупных и крупнейших городов. Превращение к 1930-м гг. городов в "инструменты" обслуживания крупных предприятий, в "поселения при заводах" не только радикально изменило облик и социальную природу старых городов как мест постепенной кристаллизации и концентрации многообразной человеческой деятельности, как территориальных центров сосредоточения, передовых форм общественных связей, торговли, культуры, производства и т.д. Такая метаморфоза позволила из центра тиражировать на местах однотипные, по одной схеме поселения, отличавшиеся лишь или по преимуществу набором производств, а количество и величину таких производств превратить в главный фактор роста и развития городов. Отсюда закономерно следовали полная унификация подхода к городским поселениям, без учета их местной специфики, значения для конкретной территории, отсутствие су-

щественных прав у местных властей. Финансовые рычаги находились в руках министерств и ведомств, а величина средств на развитие территорий напрямую зависела от того, какие производства на ней размещены, какую значимость им придают в центре, каковы масштабы производства и перспективы его роста. И местное руководство было заинтересовано "выбить" новое масштабное и "перспективное" производство, часто вопреки объективным интересам своих территорий и их жителей, без учета демографических, экологических, социальных последствий. Но ведомства могли разместить производства и не считаясь с мнением местных руководителей. Плановость экономики, управляемой из центра, таким образом, оборачивалась стихийностью на местах, в том числе неуправляемым ростом преобладающего числа больших городов. Этот механизм, сложившийся в 1930-х гг., в полной мере действовал в течение 1960-х - 80-х гг., получив дополнительный толчок с возвращением к отраслевому механизму управления во второй половине 1960-х гг.

Нормирование на производственном уровне дополнялось унификацией в сфере расселения. В 1957 г., согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР, к городам были отнесены поселения, численностью не менее 12 тыс. жителей, с количеством рабочих, служащих и членов их семей не менее 85% и являющиеся административными, культурными и промышленными центрами. По численности населения города и поселки были подразделены на группы, представленные в таблице N 17.

ТАБЛИЦА N 17. Классификация городских поселений по численности населения (тыс. чел.)*

Группы	Города	Поселки
Крупнейшие	Свыше 500	-
Крупные	Свыше 250 до 500	Свыше 10
Большие	Свыше 100 до 250	Свыше 5 до 10
Средние	Свыше 50 до 100	Свыше 3 до 5
Малые	Свыше 12 до 50	До 3

* Источник: Борисов А.П., Бубес Э.Я., Ревунова Н.Г. Экономика градостроительства. Л., 1981. С. 10.

Такая классификация основана на чисто количественных показателях и имеет формальный характер, не отражая в полной мере общественной роли конкретных городов в конкретное время и на конкретной территории. Условны количественные границы между городами различных рангов. В большем или меньшем приближении классификация адекватна общественной ситуации в РСФСР рубежа 1950-х - 60-х гг. В дальнейшем, по мере роста численности и удельного веса городов более высокого ранга, с появлением в большинстве регионов страны городов-миллионеров, реальная общественная значимость городов как бы сдвигается вверх, так что многие средние города конца 1980-х гг. имели примерно ту же значимость в конкретных регионах, что и малые города в начале 1960-х гг., а количественные границы все более размывались.

Тем не менее, эта классификация была рабочим инструментом Госплана, проектировщиков, градостроителей, архитекторов. Она существенно влияла на принимавшиеся решения, касавшиеся системы расселения на всех уровнях, а также использовалась статистическими органами на протяжении всего рассматриваемого периода. Поэтому она является основой и для исторического исследования городов, обеспечивая как его адекватность планово-управленческой практике, так и сопоставимость статистической информации на протяжении всего периода.

Динамика численности городов различной величины представлена в таблице N 18.

Анализ ее данных показывает, что темпы роста численности городов в целом в период с 1960-х гг. были ниже, чем в предыдущее двадцатилетие. Так, с 1939 по 1959 гг. общая численность городов РСФСР выросла на 52,8%, а в следующие 20 лет, к 1979 г. - лишь на 13,9%. Всего же за 1959-1991 гг. этот прирост составил 20,0%. Однако для конкретных категорий городов динамика была различной. Так, число малых городов, несколько увеличившись в 1960-е гг., в течение 1970-х - 80-х гг. несколько уменьшилось. Общий прирост их численности составил всего 4,4%, а количество выросло с 688 в 1959 г. до 718 в 1991 г. Численность средних городов (от 50 до 100 тыс. жителей) и больших и крупных (от 100 до 500 тыс.) росла примерно одинаковыми темпами (на 71-72% за 1959-1991 гг.). Наибольшими темпами росла численность крупнейших городов - на 142,8%. Таким образом, наибольшими темпами роста характеризовались более крупные городские поселения. Так, число городов-миллионников увеличилось с 2 в 1959 г. до 11 в 1989 г., то есть в 5,5 раза.

ТАБЛИЦА N 18. Динамика численности городов России различной величины*.

Категории городов	Численность городов						
	1939	1959	1970	1979	1989	1991	1991 г. в % к 1959 г.
Всего городов	574	877	969	999	1039	1052	120,0
Из них с числом жителей (тыс.):							
до 50	464	688	731	709	709	718	104,4
от 50 до 100	58	97	114	138	165	166	171,1
от 100 до 500	48	78	107	126	131	134	171,8
500 и более	4	14	17	26	34	34	242,8

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. I. Численность и состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1972. С. 62; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Стат. ежегод. М., 1977. С. 10-15; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. Стат. ежегод. М., 1988. С. 347; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 85.

Естественно, что удельный вес городов с большей численностью был относительно меньшим, хотя динамика изменяла и их соотношение. Так, в 1959 г. малые города (до 50 тыс.) составляли 78,4% всех городов, в 1991 г. - 68,3%, средние соответственно 11,1 и 15,8%, большие и крупные (от 100 до 500 тыс.) - 8,9 и 12,7%, крупнейшие (свыше 500 тыс.) - 1,6 и 3,2%.

Численность жителей различных по величине категорий городского населения также изменялась разными темпами. Динамика численности жителей городских поселений дифференцировано по категориям поселений отражена в таблице N 19).

ТАБЛИЦА N 19. Численность жителей городских поселений РСФСР различной величины*.

Городские поселения	Численность населения (млн человек)					1989 г. к 1959 г. в %
	1959	1970	1979	1989	1991	
1	2	3	4	5	6	7
Города и поселки городского типа - всего	61,6	81,0	94,9	107,9	109,3	175
Из них с числом жителей, тыс. чел.						
до 3	0,6	0,9	1,0	1,1	1,1	183
3-4,9	1,8	2,1	2,3	2,2	2,1	122
5-9,9	4,7	5,3	5,2	5,6	5,6	119
10-19,9	6,4	6,6	6,9	7,9	8,0	123
20-49,9	9,7	11,6	11,8	12,5	12,7	129
50-99,9	6,7	7,9	9,3	11,3	11,3	169
100-249,9	8,2	11,8	13,0	13,1	13,0	160
250-499,9	7,3	11,5	13,8	15,1	15,9	207
500-999,9	7,2	8,4	12,7	14,0	13,3	194
1 млн и более	9,0	14,9	18,9	25,1	26,3	279

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 39; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. I. М., 1972. С. 62; Народное хозяйство РСФСР в 1960 г. Стат. ежегод. М., 1961. С. 39-42; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Стат. ежегод. М., 1977. С. 10-15; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. М., 1988. С. 347; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. М., 1991. С. 85.

Продолжение таблицы N 19

1	2	3	4	5	6	7
Города - всего	52,2	70,0	82,9	94,4	96,0	181
Из них с числом жи- телей, тыс. чел.						
до 3	0,03	0,02	0,01	0,01	0,01	33
3-4,9	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	100
5-9,9	0,9	0,7	0,7	0,6	0,6	67
10-19,9	3,5	3,8	3,5	3,6	3,7	103
20-49,9	9,2	10,9	10,9	11,6	11,8	126
50-99,9	6,7	7,9	9,3	11,3	11,3	169
100-249,9	8,2	11,8	13,0	13,1	13,0	160
250-499,9	7,3	11,5	13,8	15,1	15,9	207
500-999,9	7,2	8,4	12,7	14,0	13,3	194
1 млн и более	9,0	14,9	18,9	25,1	26,3	279
Поселки го- родского типа - всего	9,4	11,0	12,0	13,5	13,3	144
Из них с числом жи- телей, тыс. чел.						
до 3	0,6	0,9	1,0	1,1	1,1	183
3-4,9	1,6	2,0	2,2	2,1	2,0	131
5-9,9	3,8	4,6	4,5	5,0	5,0	132
10-19,9	2,9	2,8	3,4	4,3	4,3	148
20-49,9	0,5	0,7	0,9	0,9	0,9	180

Так, общая численность жителей городов росла быстрее, чем жителей поселков городского типа (за 1959-1989 гг. на 80,8% и 43,6% соответственно). В целом тенденция была такова: чем больше была категория города, тем быстрее росла численность

жителей городов этой категории. Так, за 1959-1989 гг. число жителей мельчайших городов - до 3 тыс. уменьшилось до 33,3%, от 3 до 5 тыс. - сохранилось на уровне 1959 г., от 5 до 10 тыс. - сократилось до 66,7% от уровня 1959 г. Число жителей мелких городов (от 10 до 20 тыс.) выросло всего на 2,9%, а малых (от 20 до 50 тыс.) - на 26,1%. Прирост горожан средних поселений был значительно больше - 68,7%, больших и крупных (до 500 тыс.) - 181,9%. Наибольшие темпы прироста характерны для крупнейших городов (от 500 тыс. до 1 млн) - 94,4%, а самые большие - для городов-миллионеров - 178,9%.

Общий сдвиг в структуре расселения в 1960-е - 80-е гг. в сторону города, а в рамках городских поселений - в пользу больших и крупных городов отражал определенную стадию урбанизационного процесса, превращения общества в городское, а в рамках производительных сил - переход от ранне- и среднеиндустриального общества к более высокой стадии. Именно крупные и крупнейшие города в основном определяли "продвинутость" общества в этом направлении. Вместе с тем, роль малых и средних городов в системе расселения также увеличивалась, по мере роста их числа, увеличения численности населения и удельного веса жителей небольших городов в составе всего населения РСФСР.

Если в предыдущие десятилетия основное разделение в структуре сети населенных мест пролегалo между городскими и сельскими поселениями, то в 1960-е - 80-е гг. для все большей части россиян оказывались значимыми различия между, с одной стороны, большими и крупными городами, в основном промышленными, все более становившимися полифункциональными (в 1959 г. в них проживало 27,0% населения республики, в 1979 г. - 42,5%, а в 1989 г. - 45,7%), а с другой, - между жителями малых и средних городских поселений (в 1959 г. - 25,4%, в 1979 г. - 26,6%, в 1989 г. - 27,5% населения РСФСР)¹. В то же время удельный вес сельского населения сократился с 48% в 1959 г. до 26% в 1989 г., то есть стал меньше, чем процент жителей малых и средних городских поселений². Занимая промежуточное положение в территориальных структурах расселения между сельскими поселениями и большими городами, малые и средние города приобретали все большее значение в локальных системах расселения, на районном и областном уровне, в качестве звена, имеющего тесные производственные и организационно-хозяйственные связи с селом. Вместе с тем, в рамках этой категории городов еще ранее обозначилась большая дифференциация, получившая развитие в 1960-е - 80-е гг. Суть в том, что городская сеть в СССР складывалась как результат политики индустриализации, а размещение

производств в населенных пунктах являлось основой их развития (лишь около трети всех городов было создано практически на пустом месте, остальные выросли из старых сельских поселений, имевших районную административную функцию либо зачатки промышленности). Получали развитие в первую очередь малые и средние города либо освоенных регионов, либо расположенные в зоне притяжения крупных центров, либо получившие импульс от размещения крупных и средних предприятий на их территории. Эта закономерность действовала на протяжении всех десятилетий, начиная с форсированной индустриализации 1930-х гг. Вместе с тем, некоторое снижение темпов градообразования в 1960-е - 80-е гг. усилило роль территориальной дифференциации в зависимости от удаленности малых и средних городов от крупных городских центров. Как правило, чем больше был доминирующий в регионе город и чем ближе были расположены к нему малые и средние городские поселения, тем выше были темпы их развития, тогда как в даже чрезвычайно урбанизированных регионах периферийно расположенные города (например, на границах области) имели низкие темпы развития. Этот вывод относится даже к таким развитым областям, как Московская, Ленинградская, Горьковская области, где удаленные от центров городские поселения развивались существенно более низкими темпами, нежели ближние города. Все большее значение приобретали для перспектив малых городов их включение в агломерационный процесс: там, где формировались крупные агломерации, малые и средние города не только быстрее росли, но и приобретали более развитые функциональные характеристики. Так, в Московской области в структуре занятости населения существенно выше была доля занятых в отраслях и сферах деятельности, характерных для больших и крупных городов, даже если это относилось к некоторым средним и малым городам Подмосковья, особенно ближнего.

На сеть поселений областного уровня в процессе урбанизации оказывал существенное влияние "возмущающий эффект" больших и крупных городов-центров, вызывавший формирование неравномерной территориальной структуры сети небольших городов и по плотности, и по ее демографическому и социально-экономическому потенциалу. В I поясе расселения областных систем скапливались наиболее многочисленные, развитые и благоустроенные малые и средние города, тогда как для III пояса была характерна разреженная сеть городов и поселков. На периферии, как правило, возрастали радиусы доступности местных центров, их потенциал оказывался недостаточен для социально-культурного развития и бытового обслуживания населения территорий. Одно-

временно потенциал малых и средних городов ближнего пригорода областного центра оказывался не востребуемым в обслуживании сельской территории из-за возможности прямого использования сельским населением потенциала большого города. Следствием этого дисбаланса являлась зависимость организующей и обслуживающей территории роли малых и средних городов не только от их величины и развитости собственного потенциала, но и от положения в структуре областной системы расселения. Большинство городов этой категории, расположенных в I поясе расселения, выполняли организующие функции лишь номинально, либо не выполняли их вообще, тогда как расположенные в "глубинке" малые и средние города и даже поселки практически все являлись центрами административных районов. Недостаток развитых центров промежуточного уровня ощущался везде, даже в очень урбанизированной Московской области, где на ее периферии плотность городских поселений оказывалась недостаточной и функции райцентров выполняли ряд поселков городского типа (Шаховская, Лотошино и др.)³.

В районах нового освоения развитие небольших городов имело свои особенности, так как часто они принимали на себя функции административных центров территорий (для РСФСР - районных, во все более редких случаях - областных центров), что давало им специфический импульс развития.

Районными центрами в 1980-е гг. являлось подавляющее большинство - от 80 до 100% - малых и средних городов различных областей, за исключением некоторых наиболее урбанизированных регионов, где функции местных центров выполняли также и большие города. Например, в Московской области районными центрами являлись 32% малых, 56% средних и 75% больших городов, однако это было исключением из общих тенденций⁴. В большинстве областей нередким было отсутствие среди райцентров средних городов, велико было число поселков и даже сел, выполнявших эти административные функции, что свидетельствовало о незавершенности процесса формирования сети местных центров, при том, что за три десятилетия в города были преобразованы сотни сел и поселков городского типа.

Вместе с тем, именно крупные и крупнейшие города в период 1960-х - 80-х гг. определяли основные тенденции развития и системы расселения, и структуры производительных сил, и ведущие направления социальных процессов. Крупные города становились центрами притяжения, втягивая в свое "поле" огромные территории, всю региональную сеть поселений от сел до больших городов, вызывая интенсивное движение людских масс, экономическо-

го обмена и т.д. На этой основе получили широкое распространение и развитие ранее только наметившиеся тенденции агломерирования, формирования локальных систем расселения.

Для данной стадии урбанизации было характерно повышение роли интенсивных факторов в развитии городов, и в первую очередь больших и крупных. Во-первых, акцент в урбанизационном процессе постепенно переносился с активного градообразования, создания все новых городов и поселков городского типа на развитие существующих (хотя градообразование не прекратилось). Во-вторых, в этом развитии взаимосвязанно с количественными происходило все больше качественных изменений. Так, интенсивный характер развития городов выражается в целой системе показателей, и прежде всего в усиливающейся концентрации населения в крупных и больших поселениях. Человек - главный элемент производительных сил. Поэтому численность населения города, как правило, свидетельствует об уровне экономического развития, а также косвенно и функциональном типе города. Можно согласиться с оценкой И.А.Ильина, что "численность населения является его важнейшим критерием, в основном отражающим его социально-экономическое развитие, экономический потенциал, народнохозяйственную специализацию, уровень культурно-бытового обслуживания в нем и коммунального хозяйства, его транспортно-географическое положение и т.п."⁵ Классификация городских и сельских поселений по величине оставалась самой распространенной.

Интенсивный характер развития городов заключается прежде всего в переносе акцента в урбанизации с образования новых городских поселений, то есть экстенсивного процесса, на развитие уже существующих городов. Так, если в 1959-1970 гг. в РСФСР образовывалось в среднем за год 42 городских поселения, в том числе 8 городов, в 1971-1979 гг. - 23, то в 1980-1989 гг. - лишь 14, в том числе 3-4 города⁶.

Концентрация городского населения являлась отражением усиливающегося процесса концентрации производства. Так, в конце 1980-х гг. высказывалась оценка, в целом соответствовавшая положению в РСФСР, о том, что территориальная концентрация производства и населения была основным, хотя и не абсолютным направлением в развитии современного производства. Вместе с тем, определенное количественное накопление вело к качественным сдвигам в хозяйственно-функциональной структуре многих городов.

Ведущее положение крупнейших городов в этом процессе опиралось на их более развитые производительные силы. Так, в

в начале 1960-х гг. в городах с населением свыше 1 млн производилось валовой продукции на одного жителя больше, чем в городах до 50 тыс. человек, в 2 раза, на одного работника - в 1,5 раза, а фондоотдача была в 2,5 раза больше⁸. Таким образом, стремление министерств к дальнейшей концентрации в крупных городах предприятий и организаций, прежде всего, промышленных производств, имело под собой определенную экономическую почву. Крупные города имели более развитую инфраструктуру, более высокий уровень образования и культуры населения, более квалифицированные кадры. Там была существенно выше фондоотдача, показатели эффективности производства. По данным на середину 1960-х гг., уровень фондоотдачи в промышленности в крупнейших городах по отношению к среднероссийскому уровню (100%) составил 195%, в крупных - 109%, средних - 89%, малых - 87%, в поселках городского типа - 69%⁹. В 1975 г. производительность труда в промышленности крупнейших городов была на 28% выше средней по стране¹⁰. В конце 1970-х гг., по другим данным, это соотношение между различными категориями городов сохранилось, хотя разрыв был несколько меньше. Так, индекс фондоотдачи промышленности в городах с населением свыше 1 млн человек был 1,40, до 50 тыс. - 0,98, а в поселках городского типа - 0,92¹¹. Более эффективным в крупных городах было и строительное производство. В них обычно меньшими были сроки строительства, время освоения производственных мощностей, удельные капиталовложения. Связано это с наибольшей концентрацией и специализацией отрасли, большими размерами строительных организаций. Так, в Москве индекс производительности труда в строительстве к уровню всего Центрального экономического района без самой Москвы, принятому за 1, составил в 1968 г. 1,37, индекс фондоотдачи - 1,56 при значительно меньшей фондовооруженности (0,88). Аналогичные показатели были характерны для Ленинграда, других крупных городов¹².

Действие эффекта концентрации производства сохранялось и в 1960-е - 80-е гг., тем более, что экологические, социальные и иные ее издержки еще не оценивались экономически. Эффективность производства в крупнейших городах оказывалась самой высокой. Так, если средний уровень производительности труда в промышленности (в расчете на одного занятого) принять за 100%, то в малых и средних городах он составит 90-95%, а в крупнейших - 125%¹³.

В этих фактах отражается закономерность усиления производительных сил при их концентрации. Большое влияние оказывало и то, что научно-технический прогресс, в наибольшей степени

вливавший на рост производительности труда, опережающими темпами развивался именно в крупных городах – научных, культурных и промышленных центрах.

Вместе с тем, территориальная концентрация производства и населения, выражавшаяся прежде всего в росте больших и крупных городов, имела свои проблемы. В частности, это связано с тем, что концентрация производительных сил имела как положительные, так и отрицательные моменты, например, обостряла экологические проблемы, вызывала сложности при обеспечении благоприятных условий жизни населения. Развитие большинства крупных и средних городов оставалось недостаточно комплексным. Во многом это было результатом запаздывания со структурной перестройкой и интенсификацией, негативными последствиями чего были также продолжавшееся разрастание крупных городов, функциональная "размытость" большинства малых поселений и др. Чрезмерная концентрация может усиливать неравномерность территориального развития, что имело место в практике многих экономических районов страны.

Отражением комплекса этих объективных и субъективных противоречий городского развития являлись попытки управления, преимущественно директивного, ростом городов. Практика регулирования роста крупнейших городов и политика по обеспечению их более равномерного размещения на территории страны стала проводиться уже в 1930-е гг., однако оказалась неэффективной.

В 1960-е гг. политику по ограничению роста крупных городов пытались дополнить мерами по развитию небольших городских поселений, что обосновывалось потребностью в лучшем использовании трудовых ресурсов, необходимостью более равномерного размещения промышленности¹⁴. От съезда к съезду почти в одинаковых формулировках постулировались задачи сдерживания роста крупных городских поселений. Одно из последних таких политических решений принималось на XXVI съезде, где ставилась задача улучшать размещение производительных сил, проводить линию на ограничение роста крупных городов, развивать малые и средние города, размещать в них специализированные, высокопроизводительные производства, филиалы предприятий, объединений¹⁵. Однако ведомственный интерес в условиях административно-командного механизма управления экономикой с преобладающим отраслевым принципом оказывался сильнее политических деклараций. Концентрация производства в старых больших городских поселениях оказывалась слишком притягательной по причине большей развитости инфраструктуры и др.

ТАБЛИЦА N 20. Динамика доли жителей городских поселений различной величины в общей численности горожан РСФСР (в %)*

Категории поселений	1959	1970	1979	1989
Жители городов и поселков городского типа - всего, %	100	100	100	100
из них с числом жителей, тыс. чел.:				
до 3	1,0	1,1	1,0	1,0
3-4,9	2,9	2,6	2,4	2,0
5-9,9	7,6	6,5	5,5	5,2
10-19,9	10,4	8,1	7,3	7,3
20-49,9	15,7	14,3	12,4	11,6
50-99,9	10,9	9,8	9,8	10,5
100-499,9	25,2	28,8	28,2	26,1
500-999,9	11,7	10,4	13,4	13,0
1 млн и более	14,6	18,4	19,9	23,3
В том числе жители всех:				
городов	84,7	86,4	87,4	87,5
поселков городского типа:	15,3	13,6	12,6	12,5

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 39; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. I. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1972. С. 62; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Стат. ежегод. М., 1977. С. 10-15; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. Стат. ежегод. М., 1988. С. 347; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 85.

Различная динамика как количества городов конкретных категорий, так и общей численности их жителей, с неизбежностью изменяла и удельный вес населения, проживающего в этих категориях городов. Таблица N 20 дает представление об этих процессах.

В 1959-1989 гг. в структуре городского населения происходит изменение в удельном весе численности жителей городов, увеличивающемся с 84,7 до 87,5% при одновременном сокращении процента жителей поселков городского типа (с 15,3 до 12,5%). Уменьшался процент жителей всех категорий малых городских поселений. Так, в 1959 г. жители всех городских поселений величиной до 50 тыс. жителей составляли 37,6%, в 1989 г. - 27,1%. Уменьшился удельный вес жителей средних городов (от 50 до 100 тыс.) - с 10,9 до 10,5%. Удельный вес остальных категорий увеличивался. Так, удельный вес жителей больших и крупных городов в составе всех горожан вырос с 25,2 до 26,1%, крупнейших (до 1 млн) - с 11,7 до 13%, миллионников - с 14,6 до 23,3%. Таким образом, удельный вес жителей самой крупной категории городов увеличился больше всех остальных категорий, составив почти четверть всех горожан. В целом же удельный вес жителей больших, крупных и крупнейших городов, от 100 тыс. и выше, включая "миллионников", увеличился с 51,5% в 1959 г. до 62,4% в 1989 г., с преобладанием жителей крупнейших городов.

Таким образом, как по преобладанию городского населения, так и по структуре городских поселений, большинство жителей которых стало проживать в больших и крупных городах, к концу 1980-х гг. можно говорить о достаточно зрелой стадии городского развития, достигнутой обществом. Однако это самые общие показатели. За относительно короткий период многие города прошли развитие от категории малых и средних городов к состоянию большого, крупного или даже крупнейшего города, форсированно пройдя через несколько "размерных" категорий. Количественный рост далеко не всегда сопровождался адекватными качественными изменениями. То, что в других условиях накапливалось и вызревало столетиями, не могло быть осуществлено за считанные годы. Многие города-рекордсмены совершили рывок за счет простого тиражирования материально-производственных условий, характерных для малых и средних городов: они росли на основе размещения либо очень крупных новых производств, либо нескольких больших и средних, что превращало поселение в конгломерат предприятий и "поселков-спален" при них.

Вместе с тем, крупные города являлись ведущими звеньями в общей системе расселения. Их роль в качестве организующих центров обширных территорий определялась прежде всего накопленным экономическим потенциалом, сосредоточением ряда функций и видов деятельности, для которых именно в таких категориях городов имелись наиболее благоприятные условия. Они притягивали население, производства, предприятия и организации непроизводственной сферы. Как правило, на пути к крупному городу городское поселение проходило ряд этапов, характеризовавшихся разной степенью насыщенности индустриальными производствами, сдвигами в наборе функций в сторону их расширения при росте числа и значимости непроизводственных функций, изменением занятости населения. Для быстрого роста городов РСФСР как в 1930-е - 50-е гг., так и в последующие десятилетия, определяющее значение имело промышленное развитие, размещение крупных и средних производств. Однако для крупнейших городов в структуре градообразующих факторов все большую роль играли непроизводственные функции, в частности, административный статус города, развитие науки, культуры, народного образования, особенно размещение сети высших учебных заведений, и др. Здесь сосредоточивались наиболее квалифицированные кадры большинства отраслей народного хозяйства, социальная структура в своем развитии оказывалась на полтора-два десятилетия впереди, нежели в средних городах. Крупный город вырабатывал и аккумулировал передовые технологии, определенные формы социальной деятельности, общественные ценности, которые постепенно становились достоянием всего общества. В этом смысле крупный город действительно являлся двигателем технологического и социального прогресса.

Логика развития крупных городов неизбежно приводит к полифункциональности, постепенному расширению сложных производств и нематериальной сферы и, соответственно, удельного веса занятого в них населения. Так, рост крупных городов в первую очередь связан с развитием обрабатывающей промышленности. В тех регионах, где развиты ее отрасли, больше крупных городов, в районах преобладания добывающей промышленности большинство населения живет в малых городах¹⁶. Сфера обслуживания, наука, образование, культура, управление и т.д., - вот отрасли народного хозяйства, которые в крупных городах постепенно теснили промышленное производство, даже если оно лежало в основании рождения и роста этих городов. И тот факт, что таких городов в 1959 г. было лишь 4, а в 1991 г. - 34, из них - 13 "миллионников", свидетельствует о большом продвижении урба-

низации. Города-миллионеры имеют в этом отношении особое значение: они не только определяют образ жизни собственного населения, но и влияют на структуру производства и занятости населения обширной территории, включая ряд более мелких городских и сельских поселений, становясь часто центрами мегаполисов, агломераций. В качестве примера можно рассмотреть Московскую, крупнейшую в СССР моноцентрическую агломерацию, которая за счет своего исторического развития не только поглотила ряд бывших своих городов-спутников (только в 1960 г. в городскую черту было включено 5 городов - Перово, Люблино, Кунцево, Тушино, Бабушкин, 12 поселков городского типа и около 150 сельских населенных пунктов), но и практически стерла фактические границы с рядом других спутников, породила сеть агломераций второго порядка, например, городов Ногинск-Электросталь; Подольск, Реутов-Балашиха, и др. В 1960-е - 80-е гг. произошел мощный рост агломераций, число которых и число городских поселений в них увеличилось более чем вдвое, так же как и численность городского населения в них. Только крупные городские агломерации, возникшие на базе крупных и больших городов, сосредоточивали в конце 1980-х гг. почти 2/3 городского населения.

Некоторые основные характеристики больших городов представлены в таблице N 21.

Динамика суммарного населения больших городов характеризовалась наибольшим ростом среди иных показателей. Число таких городов выросло почти на 80%, а суммарная численность населения - более чем вдвое, доля в городском населении - на 21,2%, а средняя людность - за счет опережающего развития городов наибольших размерных категорий - на 18,4%.

Наиболее динамично растущими были крупные и крупнейшие города. В основе этого лежал целый комплекс факторов: объективные условия огромной страны, с неизбежностью концентрировавшей население и материальную базу в относительно немногих "точках роста", определенный этап индустриального развития и одновременно урбанизации, пришедшийся на 1960-е - 80-е гг.; "системные" факторы, связанные с "социалистическим" характером индустриализации, форсированностью ее, командно-административным механизмом управления с превалированием ведомственного интереса и др. Все вместе они вели к суммарному эффекту, не только искажавшему "нормальные" тенденции развития крупного города, но и резко ускорявшему процесс концентрации производства и населения, с часто далеко не соответствующими крупному городу параметрами.

ТАБЛИЦА N 21. Развитие больших городов РСФСР (с населением свыше 100 тыс. жителей)*.

Годы	число городов	суммарное население (млн)	доля в городском населении (%)	средняя людность одного города (тыс.)
1939	52	18,8	51,8	361,5
1959	92	31,7	51,5	344,6
1970	124	46,6	57,5	375,8
1979	152	58,4	61,5	384,2
1989	165	67,3	62,4	407,9
1989 к 1959 в %	179,3	212,3	121,2	118,4

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 39; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. I. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1972. С. 62; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Стат. ежегод. М., 1977. С. 10-15; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. Стат. ежегод. М., 1988. С. 347; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 85.

Гипертрофированный рост населения крупнейших городов пытались сдержать специальными решениями, вплоть до решений на высшем политическом уровне. Однако в силу ряда причин, и прежде всего доминирования отраслевого механизма при размещении и развитии производств в городах, "сдерживание" осталось в области благих пожеланий. Так, численность населения Москвы в 8 млн человек была достигнута на 10 лет раньше расчетного времени, Ленинграда в 3,5 млн - на 15 лет раньше, Новосибирска в 1,3 млн - на 15 лет раньше, Омска в 1 млн¹⁷ - в 2,5 раза превысила проектировки генерального плана и т.д.

Динамика роста крупнейших городов, перешагнувших к концу 1980-х гг. миллионную отметку, отражена в таблице N 22.

ТАБЛИЦА N 22. Динамика численности населения крупнейших городов РСФСР (тыс. чел.)*

города	1939	1959	1970	1979	1989	1991	1989 к 1959 в %
Москва	4542	6024	7019	7935	8774	8801	145,7
Санкт-Петербург (Ленинград)	3119	3003	3550	4073	4460	4467	148,5
Нижний Новгород (Горький)	644	941	1170	1344	1438	1445	152,8
Новосибирск	404	885	1161	1312	1437	1446	162,4
Екатеринбург (Свердловск)	423	779	1025	1211	1365	1375	175,2
Самара (Куйбышев)	390	806	1038	1206	1254	1257	155,6
Омск	289	581	821	1014	1148	1167	197,6
Челябинск	273	689	875	1030	1142	1148	165,7
Казань	406	667	869	993	1094	1105	164,0
Пермь	306	629	850	999	1091	1100	173,4
Уфа	258	547	780	978	1078	1097	197,1
Ростов-на-Дону	510	600	789	934	1019	1028	169,8
Волгоград	445	591	815	929	999	1007	169,0

* Таблица составлена и рассчитана по: Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. Стат. ежегод. М., 1988. С. 348-349; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 81-84.

Разброс в относительных темпах роста крупнейших городов РСФСР, независимо от их "исходных" оцениваемых позиций в конце 1950-х гг., был невелик: так, численность населения Москвы и Ленинграда выросла чуть менее полутора раз, Омска и Уфы - почти в два раза. В республике в 1959 г. было только 2 города-миллионера, причем они входили в эту категорию еще в начале XX века, все остальные города, ставшие позднее "миллионника-

ми", к концу 1950-х гг. входили в состав крупных, с населением более 500 тыс. человек. Число городов-миллионеров увеличилось с 2 в 1959 г. до 13 в 1991 г., то есть в 6,5 раз. Вместе с тем, различия в абсолютных цифрах прироста населения этих городов были очень существенными: чем больше был город в конце 1950-х гг., тем, как правило, большими оказались цифры прироста населения. Так, Москва выросла почти на 3 млн, Ленинград - на 2,5 млн, Горький, Новосибирск, Свердловск - примерно на 0,5 млн. Около этой цифры колеблется прирост населения почти всех остальных городов. Однако суммарный рост населения Москвы и Ленинграда был почти равен общему приросту населения остальных 11-ти крупнейших городов.

Объективной тенденцией развития этих городов, хотя и осложненной "системными" наслоениями, но в целом преодолевавшей их, являлось их постепенное превращение в центры передовых отраслей производства и непромышленной сферы.

Углубление разделения труда вело в 1960-е - 80-е гг. к росту многообразия видов деятельности. Ни один, даже крупнейший город, не мог сосредоточить в себе все это многообразие. Иерархия городов способствовала осуществлению специализации, а потому была функционально необходима для общества. Даже крайние "оптималисты" - сторонники "равномерного расселения" признали, что при современной технологии неизбежна концентрация производства, а потому проекты "разукрупнения" городов, еще в середине 1960-х гг. преподносившиеся в качестве официальных прогнозов и рекомендаций, нереализуемы¹⁸. Иерархия городов, а также специализация многих из них расширяет возможности размещения предприятий разного профиля, а агломерационный эффект делает это размещение более эффективным. По сути, полифункциональность с полным набором социально необходимых видов деятельности постепенно переходит от "точечных" больших и крупных городов к агломерированным зонам, в рамках которых размещены все категории поселений. Городская иерархичность как современное явление в рамках агломераций вела к специализации городов более высокого, нежели ранее, порядка: крупнейшие города получали возможность концентрироваться на технологических, культурных, социальных инновациях, в дальнейшем становящихся достоянием всего общества.

Специалисты отмечали взаимосвязь происходивших под влиянием научно-технического прогресса структурно-отраслевых сдвигов в сторону опережающего развития конечных отраслей промышленности, науки, образования, сферы услуг с увеличением количества крупных городов. Перераспределение занятости в

пользу указанных отраслей, как пишет группа авторов, усиливает тяготение производства и населения к крупным городам. "На 1000 занятых в городах с населением свыше 500 тыс. человек в конечных отраслях обрабатывающей промышленности сосредоточено 198 человек, в науке и научном обслуживании - 42 человека, тогда как аналогичные показатели для городов с населением менее 100 тыс. равны 121 и 11 человек соответственно"¹⁹.

Напротив, добывающие отрасли промышленности и первичная переработка были сосредоточены в городах с населением менее 100 тыс., причем в них работало до 3/4 всех занятых жителей. В крупных городах в этих отраслях было занято около 4%. В городах РСФСР в 1970-е гг. обратная зависимость между величиной города и удельным весом занятых в первичных отраслях промышленности прослеживалась особенно отчетливо. Так, в этих отраслях от общего числа занятых работало в городах с населением менее 100 тыс. - 71%, от 100 до 250 тыс. - 54%, от 250 до 500 тыс. - 51%, от 500 тыс. до 1 млн - 41% и свыше 1 млн - 34%²⁰.

Вместе с тем, безудержный рост крупнейших городов, их территории и населения вел, как правило, к отставанию развития социально-бытовой инфраструктуры от реальных потребностей и нормативов, отнюдь не слишком высоких. Такое положение в 1970-е - 80-е гг. сложилось в Ленинграде. В Москве уровень удовлетворения потребностей населения в сравнении с определенным Генеральным планом ее развития составил лишь 50-60%²¹.

Проблема неразвитости социальной инфраструктуры, свойственная всем советским городам, в целом в более благополучных в этом отношении крупных и крупнейших городах оборачивалась крайней неравномерностью размещения ее объектов по территории города, сосредоточением их в центральных районах. Так, в Ленинграде в 1970-е гг. в рамках центрального ядра, охватывавшего 30% территории и 40% населения, было сосредоточено 3/4 учреждений торговли и обслуживания, тогда как в кварталах новой застройки уровень обеспеченности учреждениями бытового обслуживания не превышал 40%, а продовольственными магазинами и медицинскими учреждениями - 50%²². Такое положение было характерно практически для всех крупных и крупнейших городов.

Сложности жизни в крупных городах были связаны и с тенденцией разрыва между местами преобладающего расселения жителей и территориями, концентрирующими места приложения труда. Для крупных моноцентрических городов характерно было формирование мест массовой жилой застройки в новых районах,

получивших в урбанистике последних лет название "спальных", а мест приложения труда преимущественно в центре, как, например, в Москве, или в ряде промышленных зон²³. Вторым вариантом особенно был распространен в городах "агломерированного" типа. В любом случае в крупных и крупнейших городах преобладающая часть работающего населения совершала ежедневные длительные поездки, связанные с передвижением "работа - жилье", до 40% населения затрачивало ежедневно на эти цели до двух часов, а 5-12% - более двух часов²⁴.

Существовала и другая проблема, обострявшаяся в связи с ростом всех, и особенно крупных городов, их наступлением на окрестные территории, выведением из оборота сельскохозяйственных земель. Для всех категорий городов достаточно важно рациональное использование городских территорий. Для крупных городов этот вопрос приобретал особую остроту, однако их дорогостоящая земля использовалась во многих случаях экстенсивно. Например, в начале 1970-х гг. в Архангельске, Куйбышеве, Горьком и Новосибирске под одноэтажной застройкой было занято от 55 до 75% территории²⁵. Соответственно, это повышало затраты на инженерное оборудование, дороги, благоустройство.

Средние города также занимали свое особое место в системе общественного разделения труда. Они преимущественно были промышленными городами, хотя на их долю приходилось в среднем около 1/10 части индустриального потенциала РСФСР, причем в Европейской части республики эта доля была несколько выше, а в восточных районах страны - ниже. В большинстве средних городов присутствовали такие отрасли, как машиностроение, во многих - легкая, пищевая, лесная и деревообрабатывающая промышленность. Ускорению темпов роста промышленности в средних городах со второй половины 1960-х гг. способствовало размещение в них новых предприятий, которые стремились не концентрировать в крупных городах, а в малых для них не было достаточных условий. К началу восьмой пятилетки примерно 1/3 средних городов РСФСР вошла в перечень Госплана СССР (40 городов), которые оценивались как имеющие благоприятные условия для промышленного развития, что способствовало созданию в них новых предприятий, а также дальнейшему росту этих городов и постепенному перемещению в более высокую размерную категорию. Их преимущества в плане размещения нового производства перед малыми городами, особенно менее 20 тыс. жителей, были очевидны: почти все они были расположены вдоль железных дорог, имели строительную базу, более высокий уровень благоустройства жилого фонда, в большинстве своем были либо ши-

рокопрофильными центрами с преобладанием промышленной функции, либо узкопрофильными индустриальными городами. Однако, вопреки развитию промышленности и строительства, высоким темпам роста населения в средних городах, развитие социальной сферы происходило в них медленнее, чем в крупных²⁶.

Место малых и средних городов в урбанизационном процессе было двойственным и противоречивым. С одной стороны, происходило расширение сети городских поселений этой категории, укрупнение большинства из них, увеличение значимости в сети расселения республики, особенно относительно сельских поселений. Так, число малых городов с 1959 по 1991 гг. выросло с 688 до 718, то есть всего на 4,4%, тогда как средних (от 50 до 100 тыс.) - с 97 до 166, то есть на 71,1% (см. таблицу N 32). Однако "персональный состав" этих двух категорий значительно изменился: в категорию малых городов за три десятилетия вошло много новых, тогда как значительная часть малых перешла в категорию средних, а средних - в категорию больших городов. В 1939 г. в малых и средних городах проживало 12,6 млн, в 1959 г. - 20,5 млн, а в 1989 г. - 27,1 млн. Если учитывать жителей поселков городского типа, то сдвиг оказался еще более существенным - с 29,9 млн в 1959 г. до 40,6 млн в 1989 г.²⁷ Вместе с тем, этот рост происходил на фоне опережающего развития больших и крупных городов как в количественном, так и в качественном отношении: все большее число городов переходило в более высокие размерные категории, а разрыв в качестве жизни между, с одной стороны, малыми и средними, и, с другой, - крупными и крупнейшими городами, не только не сокращался, но и увеличивался. В 1960-е - 70-е гг. увеличивался разрыв в темпах роста малых и средних городов от больших и крупных, и лишь в 1980-е гг. он несколько сократился. Большинство мигрантов из села предпочитало осесть в больших и крупных городах, являясь важнейшим источником прироста их населения, тогда как значительная часть населения малых и средних городов покидала их, переезжая в более крупные и благоустроенные центры, а на смену им приходили те же сельские жители.

Выступая промежуточным звеном в миграционном процессе перетекания населения из села в крупные города, малые и средние городские поселения оказывались "привязанными" к двум преобладающим альтернативным вариантам развития: либо малые и средние города оставались "городской периферией", неся ограниченные функции центра окружающей территории, либо они подчинялись алгоритму: малый - средний - крупный город. Второй вариант реализовывался на основе размещения в малом горо-

де одного-двух крупных предприятий, а проблемы малого города трансформировались в более сложные проблемы крупного, форсированно "выращенного". Следует учесть, что "взрывной" рост больших и крупных городов весьма существенно, причем отрицательно, влиял на условия жизни населения, господствовавший "остаточный" принцип выделения средств на социально-бытовую инфраструктуру в таких городах усугублялся разрывом в сроках введения жилья в районах массовых новостроек и созданием системы культурно-бытового обслуживания, для доведения которой до нормы требовалось 5-7 лет после сдачи микрорайона в эксплуатацию²⁸. Вместе с тем, в конечном счете социально-бытовая инфраструктура крупных городов оказывалась существенно более развитой, нежели в средних и малых городах.

Малые и средние города имели довольно много общих проблем развития, тем более, что большинство средних городов перешли в эту категорию относительно недавно на основе ускоренного развития в них промышленного производства. Однако, между этими двумя категориями городских поселений все же были значительные качественные различия, прежде всего отсутствие в малых городах (особенно до 20 тыс. жителей) базы строительной индустрии. Тем более последнее обстоятельство было значимо в малых городах, не входивших в групповые системы расселения. Для малых городов, являвшихся элементом агломерации или расположенных вблизи больших городских поселений строительные проблемы были менее ощутимы, нежели для локальных поселений. Отсутствие достаточной градостроительной базы было одним из факторов "вымывания" их населения и миграции, особенно молодежи, в большие и крупные города с повышенным спросом на рабочую силу. Поселки городского типа, малые и частично средние города становились в 1960-е - 80-е гг. как бы промежуточной ступенью в перекачивании сельского населения в большие и крупные города. Дополнительным фактором повышенной миграции был относительно низкий уровень культурно-бытового и коммунального обслуживания, а также характерное для многих малых городов одностороннее развитие промышленности, вследствие чего возникали половые диспропорции. Малое число мест приложения труда, как правило, не требующих высоких квалификации и уровня образования, отсутствие многообразия трудовой деятельности ограничивали возможность самореализации молодым людям, чей образовательный уровень, а также уровень притязания повышался с каждым новым поколением. Так, в середине 1970-х гг. в Центральном районе более 3/4 малых городов

были промышленные и транспортные центры, причем половина из них - с однопрофильной промышленностью²⁹.

Малые и средние города на протяжении всего периода продолжали оставаться самой многочисленной группой. Их развитие приобрело особую остроту в 1960-е гг., когда возникла проблема трудоустройства части их населения, не занятого в общественном производстве. Средством стимулирования их развития было определено размещение в них новых промышленных предприятий, для чего Госпланом РСФСР на восьмую и девятую пятилетки были подготовлены списки малых и средних городов, рекомендуемых для промышленного развития, и направлены министерствам и ведомствам. Наиболее высокими темпами росли города, толчок развитию которых был дан строительством новых крупных предприятий, освоением сырьевых ресурсов (Нижекамск, Чайковский, Железнодорожск, Тольятти, Нижневартовск, Сургут и др.), а также города, расположенные в зоне влияния крупнейших городов (Москвы, Ленинграда, Горького, Свердловска и др.). Однако значительная часть малых, а также средних городов развивалась медленно: отставало их экономическое развитие, что сдерживало развитие социальной инфраструктуры, вело к оттоку населения. Так, с конца 1950-х до середины 70-х гг. в 160 городах этой категории число жителей либо осталось на уровне 1959 г., либо уменьшилось. Формированию экономической базы малых и части средних городов препятствовало отсутствие необходимых условий для размещения крупных и средних народнохозяйственных объектов. Так, в середине 1970-х гг. в 70% малых и средних городов РСФСР отсутствовали строительные организации, 200 городов не имели железнодорожной сети, а более 300 - автодорог с твердым покрытием. Почти все они были ограничены трудовыми ресурсами³⁰.

Значительная часть малых городов не развивалась и либо не росла, либо теряла население. Так, в 1960-е гг. таких малых и средних городов в РСФСР было 14,6%, а в Уральском, Восточно-Сибирском, Западно-Сибирском и Дальневосточном экономических районах теряющими население было около или более 30% от общей численности городов района³¹. Вместе с тем, в хозяйственном развитии малых и средних городов происходили и позитивные сдвиги: все большее их число включалось в локальные системы расселения, входило в состав агломераций. Возрастала организующая и обслуживающая сельские территории роль малых и средних городов. Все больше таких городов выполняло сельскохозяйственные функции (сосредоточение управления, материального обеспечения сельского хозяйства, промышленной базы агропро-

мышленного комплекса, строительных организаций и др.). Проведенный в начале 1980-х гг. Центральным экономическим научно-исследовательским институтом Госплана РСФСР анализ хозяйственной структуры малых и средних городов показал, что агропромышленные объекты играли существенную роль в формировании экономической базы более половины городов этой категории³².

На развитие малых и средних городов существенное влияние оказала политика их дифференцированного развития. На подготовленный в 1960-е гг. список малых и средних городов, располагавших благоприятными условиями для промышленного развития, куда вошло около 400 городов в целом по стране, в последующем ориентировался Госплан СССР при решении вопроса о размещении новых крупных промышленных предприятий. В результате многие из этих малых городов получили значительный импульс расширения градообразующей базы и в дальнейшем перешли в категории средних и больших городов³³. Однако односторонность подхода к развитию малых и средних городов на основе преимущественно размещения в них новых промышленных предприятий вела к существенным диспропорциям в рамках этих поселений, отставанию социальной инфраструктуры, функциональной ограниченности и малому выбору мест приложения труда. Кроме того, долгое время, вплоть до начала 1980-х гг., почти не учитывалось место малых и средних городов в региональных системах расселения. Развитие этих категорий поселений редко соотносилось с ближайшими большими и крупными городами в плане их интеграции как в территориальную систему размещения производительных сил, так и в систему расселения. Принимая во внимание, что размещение новых крупных производств происходило сверху, как правило, директивным путем, исходя из ведомственных интересов, а не выросло снизу из местных потребностей, такой вариант "подъема", "активизации" малых городов был далек от удовлетворения действительных интересов местных жителей.

Далеко не всегда консервация функционального облика города имела негативный характер. Так, не получил промышленного развития малый город Суздаль Владимирской области. Однако в 1967 г. было принято решение о создании в старинном русском городе международного туристского центра. В области начал действовать Владимиро-Суздальский историко-художественный музей-заповедник. Сохранению исторического облика старинных городов способствовало открытие туристских маршрутов, в частности, на территории Владимирской и Ивановской областей Всесо-

юзного маршрута "Золотое кольцо", включившего города и поселки городского типа с историко-культурными памятниками (Александров, Юрьев-Польский, Владимир, Суздаль, Боголюбovo, Вязники, Гороховец, Мстери, Палех, Муром, Холуй, Плес, Кинешму, Иваново). Как правило, эти поселения характеризовались относительно невысокими темпами прироста либо стабилизацией численности населения (кроме областных Владимира и Иваново)³⁴.

2. Город-универсал, город-специалист

Урбанистами предложена масса различных типологий городов по разным основаниям, базирующимся на трактовках места города в обществе, его функций и законов развития, то есть на более или менее определенных концепциях города. Различают группы типологий, выделенных по следующим критериям: по населению, функциональные и экономико-функциональные, историко-генетические; административно-иерархические, динамические, поликритериальные³⁵. Среди важнейших - функциональные типологии. Таких типологий много, но все они основаны на понятии функциональной структуры города, из которой вытекает его народнохозяйственное значение, а также место в системе иных общественно-территориальных связей города. Функциональную структуру определяют, как правило, по структуре занятого населения в различных отраслях экономики города. Развитие города определяется в первую очередь его народнохозяйственными функциями, вот почему экономико-функциональные типологии имеют для исследования столь большое значение. В одной из наиболее широко признанных и используемых типологий функциональный тип города определяется соотношением удельного веса населения, занятого в промышленности и транспорте, ко всем занятым в народном хозяйстве города в сравнении со средними данными по стране. На этой основе Б.С.Хорев выделил шесть типов городов: многофункциональные; промышленные и промышленно-транспортные; местные организующие центры; транспортные центры; оздоровительные центры и прочие³⁶. Вместе с тем, функциональные типологии, предложенные исследователями в 1950-е - начале 60-х гг., в определенной мере уже устарели, так как появились города новых типов, например, научные центры, вышли на первый план новые категории городов и т.д., и требовали корректировки.

Развитие функциональных типологий городов в урбанистике все больше учитывало, помимо формальных критериев, более широкие содержательные процессы. Любой отдельно взятый город никогда не был некой изолированной поселенческой единицей, а всегда являлся элементом поселенческой и территориально-производственной структур. Именно в зависимости от них, на разных уровнях этих структур города имеют особые функции, могут быть подразделены на различные функциональные типы. Функциональная типология городов определяет особенности их групп. Естественно, что и социально-экономическое развитие крупного, например, столичного города союзной или автономной республики, являвшегося к тому же центром агломерации, существенно отличалось от аналогичных процессов в малом или даже среднем городе районного или областного масштаба, так же как и влияние на окружающую эти города территорию (по характеру и интенсивности, масштабам и т.д.). Динамика функционального развития города во многом, часто решающим образом определяла его историческую судьбу.

Судьбы российских городов весьма различны. Одни, возникнув сотни лет назад, пережив время расцвета и упадка, так и остались малочисленными городскими поселениями "районного значения". Другие за какие-нибудь несколько десятилетий с момента своего появления или приобретения городского статуса выросли в большие и крупнейшие городские поселения с сотнями тысяч и миллионами жителей, оказывающие влияние на жизнь многих регионов и всей страны. А между этими двумя полюсами, крайними вариантами развития - великое множество городских поселений с "обычной" судьбой, с более-менее динамичным ростом и постепенным переходом из одной категории в другую: из малых в средние, из средних в большие и т.д. Но за этим "количественным" процессом, безусловно, всегда стояли процессы "содержательные": динамика роста городов изначально определялась их географическим положением и связанным с ним географическим разделением труда, которое, тем не менее, реализовывалось в зависимости от конкретно-исторических условий, в том числе и от столь значимого в советской истории субъективного фактора (решения придать городу тот или иной административный статус, разместить то или иное производство и т.д., хотя субъективизм здесь был все же ограничен). Так, решение разместить в Тольятти и Набережных Челнах заводы-гиганты автоматически определило перспективу быстрого роста этих поселений в большие индустриальные города.

ТАБЛИЦА N 23. Классификация городских поселений СССР*

Основные категории городских поселений	Типы городских поселений (по функциональной роли)	Численность населения (тыс. чел.)	Социальный состав (рабочие, служащие и члены их семей, %)
Группа городов			
В том числе:			
агломерации	интеграционные	1 млн и более	более 75,0
сверхкрупные	полифункциональные	1 млн и более	99-100
крупнейшие	полифункциональные	500-1000	98-100
крупные	полифункциональные	250-500	95,0
большие	полифункциональные	100-250	90-95,0
средние	переходные	50-100	90,0
малые	монофункциональные	20-50	85,0
Поселки городского типа	монофункциональные	3-20	75,0
Агрокорода	промышленно-сельскохозяйственные	5-20	50,0

* Источник: Советский город: социальная структура. М., 1988. С. 31.

Вместе с тем, существует довольно жесткая зависимость между величиной городских поселений и их функциональными характеристиками, причем, как правило, чем меньше город, тем выше уровень его функциональной специализации. Наиболее специализированы малые города, тогда как крупнейшие обладают широким набором, большим разнообразием функций.

На этой закономерности основа одна из наиболее удачных, на наш взгляд, формальных классификаций городских поселений

применительно к городам РСФСР в 1960-е - 80-е гг., представленная в таблице N 23.

Таблица отражает взаимосвязь категорий городских поселений, их количественной характеристики по численности населения, функционального типа и наиболее общего "официального" параметра советской социальной структуры (удельный вес рабочих и служащих). Действительно, на практике между величиной города, его функциональными параметрами и социальной структурой всегда существовала такая взаимосвязь, хотя количественные характеристики весьма условны, поскольку имеют "вневременной" характер. Например, город со 100-тысячным населением, если использовать терминологию этой классификации, имел значение крупнейшего в прошлом веке, крупного - в начале и середине XX века, и большого - в течение последних десятилетий. Но и в течение трех последних десятилетий советской истории могли быть некоторые отклонения от этих формальных количественных показателей функциональной структуры города, а также его реальной значимости в рамках конкретной территории (впрочем, не более чем в рамках одной градации, на уровне "пограничного" состояния). Представленная классификация опирается на официальную классификацию городских поселений по численности населения (согласно СНиП 11-60 - 75), а потому достаточно достоверна как "прикладной инструмент" градостроения и управления городским развитием в анализируемый период³⁷. Вместе с тем, она дополнена рядом других параметров, отражающих социальную практику, что в совокупности можно использовать и для исторического анализа. Поэтому, опираясь на данные об изменении численности городов и соотношения их категорий по величине, по численности жителей, в целом можно оценить динамику функциональной структуры российских городов (см. таблицу N 24).

Как следует из данных таблицы, с конца 1950-х по начало 1990-х гг. основную по численности категорию городов России составляли малые, по официальной классификации, города с численностью населения до 50 тыс. (78,4% в 1959 г. и 68,3% в 1991 г.), хотя их доля за три десятилетия снизилась почти на 10%. Это и была основная категория монофункциональных городов, значение которых, как правило, не выходило за рамки районной территории. Следующую категорию - города с численностью от 50 до 100 тыс. жителей - можно отнести к переходным по их функциональным характеристикам. Эти города составляли 11,8% в 1959 г. и 15,8% в 1991 г., то есть сохранили второе место по численности в ряду всех городских поселений, увеличив удельный

вес весьма значительно - на 4,7%, то есть почти на треть. Остальные категории более крупных городов, условно относимых к полифункциональным, увеличили свое представительство в составе городских поселений еще более заметно: большие и крупные города с 8,9 до 12,7%, а крупнейшие, с численностью свыше 500 тыс. жителей, с 1,6 до 3,2% (то есть вдвое) за 1959-1991 гг. Естественно, между полифункциональностью города - "стотысячника" и "миллионника" весьма большая разница: чем крупнее город, тем, как правило, богаче набор его функциональных характеристик, тем больше народнохозяйственное и иное функциональное значение города выходит за рамки собственно поселения и тем большие территории включаются в зону влияния города.

Уже в 1960-е - 70-е гг. прослеживалась достаточно четкая зависимость структуры занятости населения от величины города.

ТАБЛИЦА N 24. Удельный вес городов России различной величины (в % к общей численности городов)*.

Категории городов	1939	1959	1970	1979	1989	1991
Всего городов	100	100	100	100	100	100
Из них с числом жителей (тыс.):						
до 50	80,8	78,4	75,4	71,0	68,2	68,3
от 50 до 100	10,1	11,1	11,8	13,8	15,9	15,8
от 100 до 500	8,4	8,9	11,0	12,6	12,6	12,7
500 и более	0,7	1,6	1,8	2,6	3,3	3,2

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. I. Численность и состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1972. С. 62; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Стат. ежегод. М., 1977. С. 10-15; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. Стат. ежегод. М., 1988. С. 347; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 85.

С укрупнением городов растет занятость в обрабатывающей промышленности, в науке и научном обслуживании, а в более крупных городах - в сфере управления. Различия удельного веса занятости в этих отраслях и сферах между малыми и крупными городами могли достигать четырех-пяти раз. Вместе с тем, различия в структуре занятости в социальной инфраструктуре (здравоохранение, просвещение) между, с одной стороны, малыми и средними городами, а с другой, - большими и крупными, были относительно невелики, за исключением центров, концентрировавших высшие учебные заведения³⁸.

Конечно, формальная классификация не может отразить всю совокупность и многообразие реальных процессов, происходящих в российских городах, в том числе и их функциональное лицо. Дело не только в том, что города одинаковой величины могут иметь весьма отличающиеся функциональные характеристики, а разной величины - достаточно близкие, но и в том, что роль городов одной и той же величины в обществе со временем менялась. Поэтому урбанисты-исследователи ищут более адекватные, нежели формальная классификация, инструменты изучения и анализа происходящих в развитии городов процессов. Одним из них является типология, обращающаяся в большей степени к содержательной стороне явлений.

Типология представляет собой классификацию по существенным признакам. Все города можно рассматривать с точки зрения численности их населения, но чтобы придать такой классификации типологический характер, необходимо проводить границы между группами городов в зонах "скачка", перехода количества в качество. Подмножества городов разграничены интервалами, заключающими в себе "пороговые" изменения ряда существенных характеристик³⁹. Они динамичны и меняются со временем. Существовавшие в 1960-х - 80-х гг. официальные классификации городов формальны и связаны с некоторыми "круглыми" цифрами, характеризующими численность населения городов. Рядом исследователей выявлены более точные, связанные с реальными процессами в городском развитии усредненные границы этих категорий для середины 1980-х гг.: до 70 тыс. жителей, от 70 до 250 тыс., от 250 до 400 тыс., от 400 до 800 тыс., а также уникальные города Москва и Ленинград. К этому же времени стали приобретать "пороговый" характер, хотя и недостаточно отчетливо выраженный, усредненные границы около 25 тыс. и 150 тыс. жителей⁴⁰.

Таким образом, типология более "подвижна", привязана не к формальным параметрам, а к изменяющимся со временем реаль-

ным процессам. Ее отличия от официальной классификации в основном касаются малых городов, раздвигая эти рамки до величины в 70 тыс., а также иных границ между крупными и крупнейшими городами (не 500, а 400 тыс.). Условна и граница в 1 млн жителей, которая в данной типологии отсутствует. Однако для другого времени (начало 1960-х или 1970-е гг.) ту же общественную роль играли другие, меньшие по величине города, и потому, что они сами были меньше, и так как меньше была и их численность. Как вновь возникавшие города, так и уже сформировавшиеся, давно или недавно, переходя в новую "размерную" категорию, брали на себя новые функции в обществе. Поэтому большее число "стотысячников" снижало значение на той же территории не только городов до 50 тыс., но и перешедших за этот рубеж, и т.д. - вверх по рангам городов, а сами границы между "рангами" (малый, средний, большой, крупный) сдвигались "вверх". Однако все эти процессы можно рассматривать как тенденцию, как общую закономерность, которая для конкретных территорий и городов могла иметь отклонения и свои проявления. Не случайно, в каждой из союзных республик были свои нормативы по разграничению городов по величине, а в РСФСР хотя и действовал единый норматив в 1960-е - 80-е гг., однако общественное значение, функциональная роль в конкретных регионах городов одной и той же величины имели значительные отличия. Так, в Северном районе, включавшем Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую области, Карельскую и Коми АССР, и в 1989 г. из 62 городов не было ни одного крупного города, величиной 500 тыс. и более, от 100 до 250 тыс. было 3, от 250 до 500 тыс. - 6 городов. В то же время, в Центральном районе, значительно меньшем по территории, но густонаселенном, был 241 город (почти в 4 раза больше, чем в Северном), из которых 9 являлись крупными (от 250 до 500 тыс. жителей), 3 - крупнейшими (свыше 500 до 750 тыс.), а 1 - Москва, сверхкрупным - самым крупным городом России и СССР в целом⁴¹.

Рост величины был одним из важных процессов, изменивших облик основной массы российских городов в 1960-е - 80-е гг. Он был обусловлен усилением концентрации производства и населения, что, как правило, вело к формированию новой хозяйственной структуры города, а именно переориентации его с преимущественно производственной функции к полифункциональной структуре. Тем самым город из монофункционального по преимуществу перерастал в полифункциональный. Соответствующие изменения происходили в структуре трудовых ресурсов города, а следовательно, и в социальной структуре.

Существенно более жесткий вариант характеризует вновь образуемые города, которые из-за своей малолюдности изначально монофункциональны. Число городов с 1959 по 1991 гг. выросло с 877 до 1052, то есть за это время возникло 175 новых городов, или почти 17% от их общей численности в 1991 г. ⁴²

В советской истории можно выделить несколько основных типов развития города на этапе его зарождения. Первый тип города порожден чисто производственным фактором - созданием предприятия и концентрацией населения вокруг него с расширением хозяйственных функций. И в 1960-е - 80-е гг. этот тип градообразования был преобладающим. Второй тип - город при его зарождении как административная единица, центр сельской территории. Третий тип - непроизводственный, но отражающий ту или иную общественную функцию в ее специализированном виде. Это научные, курортные и т.п. города. Тем не менее, все города при их возникновении или на раннем этапе становления объединяет общая закономерность - доминирование какой-либо одной функции, монофункциональность. В дальнейшем, если город прогрессировал, первые два типа, как правило, перерастали в полифункциональные. Это обусловлено тем, что город, как самостоятельный социальный организм неизбежно требует сочетания функций. Если же он включен в более широкую систему социально-экономических взаимосвязей в качестве специализированного элемента (как правило, являясь спутником крупного города, как научные города, или если само его существование связано с консервацией существующих условий - как в курортных городах, где необходимо сохранение ландшафтной зоны, или в городах - исторических центрах, где сохраняется архитектурно-планировочная структура и развивается преимущественно индустрия туризма), общество заинтересовано в его сохранении в качестве такового, и он не перерастает в полифункциональный город.

Лишь единичные из 175 новых городов, возникших в период 1960-х - 1991 гг., превысили рубеж 100 тыс., то есть перешли в разряд больших городов (в 1989 г.: Зеленоград Московской области - город-спутник - 158 тыс., год образования 1963; Новочебоксарск Чувашской АССР, год образования 1965, 116 тыс.; Нижнекамск Татарской АССР, год образования 1966, 192 тыс.; Нефтекамск Башкирской АССР, год образования 1963, 108 тыс.; 2 города Тюменской области: Сургут - 1965 г., 250 тыс. и Нижневартовск - 1972 г., 244 тыс.; Усть-Илимск Иркутской области, 1973 г., 110 тыс.). Как видно из этого перечня, источником их столь динамичного роста были всего несколько факторов, специфических для каждого конкретного города: это либо город-спутник сто-

лицы, либо центр разработки полезных ископаемых, либо место размещения предприятий-гигантов⁴³. Остальные новые города, получившие городской статус в этот период, и к его концу оставались в рамках малых либо средних городов, как правило, узкопрофилированных или непрофилированных.

Довольно типичный вариант "взрывного" развития малого города представляет история районного центра Набережные Челны. В 1939 г. его население составляло 9 тыс., а в 1959 г. немногим превышало 10 тыс. жителей. В следующие 20 лет оно превысило 300 тыс., а к 1989 г. составило 505 тыс. жителей⁴⁴. Вплоть до конца 1960-х гг. наиболее крупными предприятиями города были элеватор, небольшая мебельная и прядильно-ткацкая фабрики, райпромкомбинат и др. Однако уже в те годы стала складываться Нижнекамская агломерация и территориально-производственный комплекс северо-востока Татарской АССР, начавший формироваться под влиянием крупнейшего в то время района нефтедобычи, последующего создания индустрии нефтепереработки (строительство нефтехимического комбината, кирпичного и шинного завода в созданном в 1966 г. Нижнекамске), ГРЭС. Наличие в регионе хороших дорог, энергии, строительных мощностей, шинного завода, свободных территорий и ряд других факторов обусловили выбор места строительства гигантского автомобильного комплекса. В 1970 г. начали строить КамАЗ, а с ним невиданными темпами рос город⁴⁵. За два десятилетия он "проскочил" количественные рубежи среднего, большого и крупного, хотя и не стал в полном смысле городом этой размерной категории: его функциональные параметры во многом остались на уровне средних городов.

Узкая специализация особенно характерна для мелких и мельчайших городов, с численностью до 20 тыс. жителей. Между тем, это огромный пласт среди поселений, имеющих официальный городской статус. Так, в 1959 г. их было 399, или 45,5% от общего числа городов, в 1989 г. 349, или 33,6%. Всего же малые (до 50 тыс.) и средние (до 100 тыс.) города, преимущественно узкоспециализированные по своим народнохозяйственным функциям, преобладали в составе городских поселений. Так, в 1959 г. они составили 89,5% от общего числа городов, в 1989 г. - 84,1%⁴⁶.

В 1970 г. было проведено выборочное обследование хозяйственной структуры 715 малых и средних городов РСФСР (из общего числа 845, или 84,6% городов данной категории)⁴⁷. Выяснилось, что профилирующей отраслью (подотраслью) занятости обычно оказывалась та, где было сконцентрировано 20% и более

занятых в городе, что обеспечивало существенный отрыв ведущей отрасли по числу занятых от прочих отраслей. Из общего числа обследованных городов города с разносторонней хозяйственной специализацией составили 36, или 5%; города с преимущественным значением промышленных функций - 321, или 44,9%; транспортные центры - 92, или 12,9%; сельскохозяйственные центры - 18, или 2,5%; строительные города - 27, или 3,8%; торгово-распределительные центры - 5, или 0,7%; оздоровительные центры - 4, или 0,6%; научные центры - 4, или 0,6%; неспециализированные города - 208, или 29,0%⁴⁸. Таким образом, на первом месте по численности оказались малые и средние города с преобладанием промышленных функций, составив почти половину городов этой категории, на втором - неспециализированные города (около трети, основная часть которых представлена городами с населением до 10 тыс., то есть мельчайшими), на третьем - транспортные центры. В группе городов со специализацией по одной отрасли (подотрасли, виду производства) оказались преимущественно города с населением от 20 до 50 тыс., а тип городов с разносторонней хозяйственной специализацией был представлен главным образом городами с численностью населения от 50 до 100 тыс. жителей. Кроме того, почти все города имели одинаковые административные функции (свыше 75% из них являлось районными центрами), что, однако, как выяснилось, почти не оказывало на структуру занятости, а следовательно, и социально-экономический облик городов, существенного влияния: занятые в органах управления, как правило, не превышали 5% всех занятых и лишь в редких случаях достигали 10% всех занятых по городу. Из городов с преимущественным значением промышленных функций наибольшее число составили (по нисходящей) города, профилированные на лесной и деревообрабатывающей промышленности (30 городов), на хлопчатобумажной промышленности (27), угольной промышленности (25), горнодобывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, приборостроению и электротехнической промышленности (по 22 города), цветной металлургии, тяжелому машиностроению (по 18 городов). Достаточно широко были представлены города, специализировавшиеся на промышленности строительных материалов (17), станкостроении и автомобильной промышленности (15), пищевой промышленности (16), легкой промышленности (15 городов), и др.⁴⁹

Результаты данного обследования хозяйственной структуры российских городов в 1970-х гг. в основном можно экстраполировать и на более ранний, и на более поздний период для данной

категории - то есть малых и средних городов. Дело в том, что за 1959-1991 гг. было образовано 175 городов, абсолютно преобладающая часть - из поселков городского типа, сохранивших после образования свой основной хозяйственный профиль. Менее десятка городов превысили рубеж 100 тыс. или вплотную подошли к нему, то есть перешли в разряд больших многопрофильных городов. Остальные пополнили категорию малых и средних, преимущественно узкоспециализированных на промышленной, транспортной или строительной функции, либо непрофилированных городов. Они компенсировали "выбытие" из этой категории 56 городов, перешедших в разряд крупных, с населением более 100 тыс., ставших преимущественно многопрофильными. Новым для периода конца 1950-х - начала 90-х гг. было формирование особого функционального типа малых и средних городов - специализированных или комплексных научно-исследовательских, научно-производственных и научно-испытательных центров. В РСФСР к таким городам относились: Дубна (Московская область, 1956 год образования, численность населения в 1989 г. - 65 тыс.); Обнинск (Калужская область, 1956 г., 99,7 тыс.); Протвино, Пущино, Новосибирский Академгородок и др.⁵⁰ Создание таких специализированных научных центров - городов и поселков городского типа было связано с тем, что некоторые отрасли науки требовали мощной материальной базы, сопоставимой с крупными промышленными предприятиями, либо с концентрацией научных учреждений для более эффективного освоения регионов (Новосибирский Академгородок), либо с закрытыми комплексами НИИ и предприятий ВПК (Арзамас-16 и др.). В остальном малые города преимущественно повторяли циклы развития предыдущих десятилетий, базируясь в основном на узкой специализации в сфере промышленности, транспорта и строительства (около 2/3 всех малых и средних городов), либо являлись специализированными поселениями (до 1/3 городов).

Определенный сдвиг в градообразующей базе малых и средних городов в 1970-е - 80-е гг. заключался в увеличении объектов АПК (предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, объектов производственного обслуживания, предприятий по ремонту сельхозтехники, и др., а также усилении развития непромышленной сферы, ориентированного на сельского потребителя окружающей местности. Так, в РСФСР из 380 малых городов с преобладающими административными функциями райцентров в конце 1980-х гг. в 315 размещалось три и более промышленных предприятий АПК по переработке сельхозпродукции и ремонту сельскохозяйственной техники. Таким образом, в

последние десятилетия усиливалась обслуживающая роль малых городов для окружающей сельской местности⁵¹.

До конца 1960-х гг. в РСФСР было относительно немного городов, переступивших рубеж в 100 тыс. жителей. Так, больших городов в 1959 г. (от 100 до 500 тыс.) было 78, а крупных (свыше 500 тыс.) - всего 14. Относительная немногочисленность таких городов с крупным экономическим потенциалом создавала определенную качественную грань между ними и более малочисленными по населению городами. Резкий скачок за три десятилетия в численности больших городов (до 134 в 1991 г., или на 72%) и особенно крупных (до 34, то есть почти в 2,5 раза) нарушил целостность этой группы городов в системе всех общественных, прежде всего народнохозяйственных связей⁵². Происходила, особенно с конца 1960-х гг., переориентация связей этих городов с преимущественного взаимодействия друг с другом на единый народнохозяйственный комплекс страны, а также активно формировавшиеся в это время местные региональные системы производства. Происходило и определенное "размывание" нижней и верхней качественных границ, а 100-тысячный рубеж становился все более условным: и 70-80-тысячные города, и 120-170-тысячные все чаще имели близкий набор народнохозяйственных функций и региональное значение. В то же время города, ранее рассматривавшиеся как крупные - то есть свыше 250 тыс. жителей, постепенно теряют это свое народнохозяйственное значение, дифференцируются функционально, структурно и по направлениям развития⁵³.

В основе изменения народнохозяйственной роли больших и крупных городов лежало прежде всего формирование территориально-производственных комплексов с большим количеством предприятий разной специализации и величины, ориентированных на крупные головные предприятия. Последние обычно размещались в городах с выгодным транспортно-географическим положением, а значит, динамично развивавшихся и быстро увеличивавшихся в размерах. Большие и крупные города, многофункциональные центры обычно передавали меньшим городам часть ресурсоемких производств. Первоначально этот объективный процесс охватывал лишь ряд крупнейших городов, таких как Москва, Ленинград, Горький, но постепенно распространился, особенно в 1970-е - 80-е гг. и на десятки других крупных городов. Крупнейшие города, нижняя граница которых объективно сдвигалась вверх (по оценкам ИСЭП АН СССР) от 500 тыс. в начале 1960-х к 800 тыс. в конце 1970-х и к 900 тыс. к началу 1990-х гг.⁵⁴, независимо от различий между собой в историческом пути и

характере, темпах развития в 1960-е - 80-е гг., к концу этого периода являлись наиболее крупными в стране промышленными центрами с преобладанием "конечных" отраслей (сложная готовая продукция), крупнейшими научно-техническими и организационно-хозяйственными центрами.

Эволюция крупных городов с неизбежностью ведет к вытеснению отраслей материального производства непроеизводственными функциями. Большие и крупные города являются благоприятной средой для развития прогрессивных отраслей, что обусловлено наличием научных, проектно-конструкторских организаций, вузов, "продвинутой" социальной структурой с высоким удельным весом интеллигенции, инженерно-технических работников, квалифицированных рабочих. Большинство крупных городов имело также благоприятное экономико-географическое положение, что способствует развитию сложных производств обрабатывающей промышленности, ориентированных на внешние связи. Следует отметить и определенные социальные преимущества крупных и больших городов перед малыми и средними: большая возможность выбора сферы профессиональной деятельности, повышения уровня образования и приобретения различных специальностей, шире возможности удовлетворения духовных и материальных запросов, и др.

Однако, крупный город по мере своего роста превращает в экономически нерациональные ранее размещенные здесь многие производства, прежде всего ресурсоемкие, требующие больших объемов неквалифицированного и малоквалифицированного труда и др. Обузой для города становятся и экологически вредные производства, даже если ранее, при меньших размерах города, уровень загрязнения окружающей среды, создаваемый этими предприятиями, был приемлем: суммарный эффект многочисленных производств с неизбежностью требует либо вынесения части из них за пределы города, либо реконструкции и перепрофилирования, либо радикального снижения выбросов посредством очистительных сооружений. В 1960-е - 80-е гг. одной из тенденций стало вытеснение части производств из ряда крупных городов, однако ей противостояла другая мощная тенденция: продолжающаяся концентрация промышленности в большинстве крупных и больших городов, являвшаяся следствием ведомственного подхода.

Помимо сложных и "квалифицированных" промышленных производств, большие и крупные города представляют собой благоприятную среду для размещения различных видов непроеизводственной сферы (наука и научное обслуживание, высшее образование, проектно-конструкторская деятельность и др.). Вместе с

тем, помимо "внешних" функций, крупный город постоянно наращивает функции, связанные с удовлетворением собственных потребностей. Рост градообслуживающих функций детерминирован повышением требований к воспроизводству рабочей силы. Именно в крупных и больших городах преимущественно совершается "прорыв" в развитии новых отраслей человеческой деятельности, постепенно становящихся достоянием всего общества. В связи с этим развитие крупных городов приходило во все большее противоречие с узковедомственными интересами многих промышленных министерств, перегружавших их территорию устаревшими и нерентабельными производствами, занимавшими значительные площади городских земель, поглощавших большое количество дефицитных там трудовых ресурсов, ухудшавших экологическую обстановку.

Существенный характер различий между ними определялся во многом различиями в административно-политическом статусе. Основной "водораздел" пролегал между столичными городами союзных республик (в РСФСР - Москва) и прочими, включая столицы автономий. Вплоть до конца 1950-х гг. столичный статус не был существен в формировании различий между городами (за исключением Москвы и Киева в рамках всего СССР), так как крупнейшие города в основном формировались и развивались как центры конечных отраслей промышленного производства, причем многие столичные города СССР не были еще структурно сформированы в этом качестве. С 1960-х гг. столичный статус все больше влиял на формирование функциональной структуры всех столиц союзных республик, а с конца 1980-х гг. - на ряд столиц автономий РСФСР. Основная тенденция всех крупнейших городов, в первую очередь столичных - уменьшение специализации на промышленном производстве, а в его рамках - сокращение круга специализированных отраслей с преобладанием машиностроения. Наука и сложные наукоемкие производства в течение трех десятилетий существенно усилили свое представительство в структуре народнохозяйственных функций этих городов, став одной из ведущих отраслей специализации. Основное различие между крупнейшими столичными и нестоличными городами в этот период заключалось в том, что столицы стали развиваться преимущественно как организационно-хозяйственные центры с высшим административно-политическим статусом, а нестоличные города усиливали свою специализацию на промышленности³⁵.

Развитие административных центров характеризуется особенно высокими темпами, причем, чем выше ранг города, тем, как правило, быстрее росли его население и территория. По сути, не-

смотря на многочисленные попытки ограничения, оказался неуправляемым рост Москвы. Превратившись при Советской власти в единственную столицу и совмещая в себе несколько функций (столица СССР, РСФСР и областной центр), развиваясь одновременно как полифункциональный город с высокой степенью концентрации промышленности, научного и учебного потенциала страны, являясь культурным центром, крупнейшим транспортным узлом и т.д., Москва буквально "притягивала" к себе миграционные потоки населения, причем не только из окружающих близлежащих территорий, но и самых отдаленных, включая другие республики. Общую картину роста территории и населения Москвы отражает таблица N 25.

ТАБЛИЦА N 25. Рост территории и населения Москвы*.

Годы	Территория города в км ²	Численность населения, тыс. человек
1871	71,4	602
1917	176,9	2017
1926	234,0	2016
1939	325,0	4137
1959	356,4	5046
1971	878,7	7061
1991	1074,0	9003

* Таблица составлена по: Выдро М.Я. Население Москвы. (По материалам переписей населения 1871-1970 гг.). М., 1976. С. 9-14; Народное хозяйство СССР в 1970 г. Стат. ежегод. М., 1971. С. 41; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 82; Актуальные вопросы социально-экономического развития Москвы. Информ.-методич. сб. М., 1989. С. 57.

Как следует из данных таблицы, рост и московского населения, и территории города был неуклонным, несмотря на отдельные "откаты", связанные с революцией 1917 г., гражданской войной, введением паспортизации в начале 1930-х гг., отливом в связи с эвакуацией в период Великой Отечественной войны и др. В 1960-е - 80-е гг. темпы роста снижались медленно. Если с 1939 по 1959 гг. численность москвичей выросла менее чем на 1 млн,

то в последующий период примерно на 2 млн за 1960-е гг. и далее на 1 млн в среднем за каждое десятилетие. Территория города увеличилась за тот же период почти в 3 раза, "съев" значительное число других поселений. Так, из 2 млн прироста за 1959-1970 гг. 1 млн составило население присоединенных городов, поселков, деревень. Доля естественного прироста московского населения была очень незначительна, тогда как преобладал механический прирост, включая население присоединенных территорий и положительное миграционное сальдо. Ни для одного крупнейшего города страны, включая Ленинград и Киев (от 70 до 75%), механический прирост населения не имел такого значения, как для Москвы, где он, например, в начале 1970-х гг. составлял около 85% всего прироста населения⁵⁶. На примере Москвы особенно очевидна роль отраслевого механизма управления в гипертрофированном росте численности населения крупных и крупнейших городов. Так, при опережении показателей Генерального плана развития города, утвержденного в 1971 г., на 10-15 лет ранее намеченного срока в структуре занятости Москвы возникли существенные диспропорции: рост численности кадров градообразующей базы опережал показатели Генплана в 1,5 раза, тогда как темпы роста работников градообслуживающих сфер были значительно ниже запланированных⁵⁷.

Однако количество рабочих мест на предприятиях градообразующих отраслей, прежде всего промышленности, в том числе и таких, которые, строго говоря, не соответствовали структуре функций столичного города, было еще больше, потребности не удовлетворялись даже мощным потоком так называемого "лимитного населения", низка была сменность оборудования, а часть его простаивала из-за нехватки рабочих рук. Несмотря на значительные позитивные сдвиги в структуре занятости Москвы в течение 1960-х - 80-х гг., заключающиеся в сокращении удельного веса занятости в "нестоличных" отраслях, прежде всего в промышленности, при росте занятости в науке, народном образовании, культуре и др., абсолютная численность промышленно-производственного персонала продолжала расти в течение всех 1960-х гг., стабилизировавшись в 1970-е - начале 80-х гг. и лишь в конце 1980-х стала сокращаться⁵⁸. Руководство многих московских предприятий с явно устаревшими, не вписывающимися в столичную структуру производствами, часто экологически вредными, всячески оттягивало и саботировало вывод предприятий из города, в том числе под маркой реконструкции, обычно не менявшей базовых характеристик производства. Такое положение было свойственно не только столице, но и другим крупнейшим горо-

дам. Тем не менее, закономерности развития этой категории городов пробивали себе дорогу и через различные наслоения и деформации урбанизационного процесса, вызванные командно-административной системой, планово-директивным механизмом хозяйственного управления с превалированием отраслевого интереса.

Таким образом, столичные города относились к особой категории. Москва на протяжении всего периода 1960-х - начала 90-х гг., вплоть до распада СССР, выполняла одновременно роль столицы союзной и республиканской. Именно поэтому здесь максимально концентрировались союзно и республикански ориентированные функции производства, управления, наука, высшая школа, культура. Москва сочетала в себе свойства крупнейшего города и города столичного, что многократно усиливало функциональные тенденции, свойственные крупным городам вообще. Она не только являлась крупнейшим научно-производственным, образовательным, управленческим и культурно-историческим центром всей страны, но была максимально открыта внешним связям с высокой интенсивностью. В структуре занятости населения доля "столичных" отраслей народного хозяйства (науки и научного обслуживания, вузов, аппарата органов управления) в Москве была больше, чем в Московской области (на которую также распространялся ряд "столичных" признаков) соответственно в 1,8 раза, в 7 и 5 раз. В свою очередь, доля этих отраслей в структуре занятости по Московской области была в 1,5-3 раза выше, чем в среднем по РСФСР³⁹.

Примечания

- 1 Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 11, 39; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 9; Городские поселения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 62-63.
- 2 Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. С. 11; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 11.
- 3 См.: Урбанизация и развитие регионов областного уровня. Л., 1990. С. 151.
- 4 Там же. С. 150.
- 5 Ильин И.А. Экономика городов: региональный аспект развития. М., 1982. С. 50.
- 6 Рассчитано по: Городские поселения РСФСР. С. 5.
- 7 Анучин В.А. Основы природопользования. Теоретический аспект. М., 1978. С. 181.
- 8 Пути развития малых и средних городов центральных экономических районов СССР. М., 1967. С. 14.

- 9 Проблемы развития городов и использования трудовых ресурсов. М., 1968. С. 82.
- 10 Крупнейшие города - их настоящее и будущее. М., 1979. С. 17.
- 11 Ильин И.А. Экономика городов: региональный аспект развития. М., 1982. С. 110.
- 12 Там же. С. 111-112.
- 13 Крупнейшие города - их настоящее и будущее. С. 17.
- 14 См.: Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 265.
- 15 Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1981. С. 138.
- 16 Ильин И.А. Указ. соч. С. 69, 71.
- 17 Экономико-географические проблемы Московского региона. М., 1989. С. 6.
- 18 См.: Основы советского градостроительства. М., 1966. Ч. I. С. 9.
- 19 Белоусов В.Н., Кочетков А.В., Листенгурт Ф.М. Методологические проблемы формирования систем населенных мест // Методологические проблемы социально-экономического развития регионов СССР. М., 1979. С. 116.
- 20 Любовный В.Я., Савельев В.К. Малые и большие города России // Экономика и организация промышленного производства. 1977. N 4. С. 116.
- 21 См.: Бялковская В., Новиков В. Урбанизация и проблемы ограничения роста крупнейших городов // Вопросы экономики. 1982. N 11. С. 89; Безденежных В. Регулирование роста крупнейших городов // Мы и наши планы. М., 1986. С. 50.
- 22 Мовчан Б.С., Масалов В.П. Городские службы Ленинграда. Л., 1980. С. 14, 15.
- 23 См.: Саушкин Ю.Г., Глушкова В.Г. Москва среди городов мира. М., 1983. С. 168-169.
- 24 Поляк Г.Б. Бюджет города: проблемы и перспективы развития. М., 1978. С. 36.
- 25 Кабаков С.И. Градостроительная оценка территорий городов. М., 1973. С. 31.
- 26 См.: Преснякова В.Д. Особенности экономического развития средних городов РСФСР // Проблемы развития городов РСФСР. Материалы научной конференции. М., 1977. С. 61-65.
- 27 Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. С. 39; Городские поселения РСФСР. С. 62-63.
- 28 См.: Крупный город: проблемы и тенденции развития. Л., 1988. С. 20, 21.
- 29 Гохберг М.Я., Фукс В.Г. Особенности развития градообразующей базы малых и средних городов (на примере Центрального экономического района) // Проблемы развития городов РСФСР. С. 146-149.
- 30 Любовный В.Я. Основные направления развития городов РСФСР // Проблемы развития городов РСФСР. С. 14-15.
- 31 Занятость в небольших городах. М., 1978. С. 70.
- 32 Любовный В., Беспечная Р., Вайнберг Э. Экономика малых и средних городов // Плановое хозяйство. 1984. N 11. С. 113.
- 33 Методические рекомендации по оценке условий развития малых и средних городов. М., 1982. С. 3.
- 34 См.: Доманская Н.А., Гончарова М.В. Некоторые проблемы развития малых городов Владимирской и Ивановской областей // Проблемы развития городов РСФСР. С. 171-172; Городские поселения РСФСР. С. 177-179.
- 35 См.: Урбанизация и развитие городов в СССР. Л., 1985. С. 85.

- 36 См.: Хорев Б.С. Исследование функциональной структуры городских поселений СССР // Вопросы географии. М., 1965.
- 37 См.: Борисов А.П., Бубес Э.Я., Ревунова Н.Г. Экономика градостроительства. Л., 1981. С. 10.
- 38 См.: Кочетков А.В. Социально-экономические аспекты градостроительства // Вопросы экономики. 1975. N 10. С. 28-29; Петров А.В. Социально-демографическая структура городского населения и его занятость. М., 1981. С. 112-113.
- 39 См.: Динамика отраслевой структуры народного хозяйства в крупных городах СССР. Л., 1985.
- 40 Структурно-организационная типология крупных городов СССР. Л., 1986. С. 4.
- 41 Городские поселения РСФСР. С. 74-85.
- 42 Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. I. М., 1972. С. 62; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 85.
- 43 Городские поселения РСФСР. С. 168-244.
- 44 Там же. С. 206; Аитов Н.А., Камаев Р.Б. Новый промышленный центр и село. М., 1983. С. 35.
- 45 Аитов Н.А., Камаев Р.Б. Указ. соч. С. 35.
- 46 Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. С. 39; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 85.
- 47 См.: Занятость в небольших городах. (Экономико-демографический аспект). М., 1978. С. 151-153.
- 48 Рассчитано по тем же данным. С. 153.
- 49 Там же. С. 152-153.
- 50 См.: Городские поселения РСФСР. С. 180, 182; Куцев Г.Ф. Новые города. М., 1982. С. 23.
- 51 Урбанизация и развитие регионов областного уровня. С. 150.
- 52 Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. I. С. 62; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 85.
- 53 См.: Структурно-функциональная типология крупных городов. Л., 1986. С. 21-22.
- 54 Там же. С. 30.
- 55 См.: Крупный социалистический город: структурный аспект развития. Л., 1987. С. 77-79.
- 56 Выдро М.Я. Население Москвы. М., 1976. С. 14.
- 57 Экономико-географические проблемы Московского региона. М., 1989. С. 10, 11.
- 58 См.: Москва в цифрах. 1971-1975 гг. Краткий стат. сб. М., 1976. С. 81; Москва в цифрах. 1990. Стат. ежег. М., 1991. С. 30.
- 59 Урбанизация и развитие регионов областного уровня. С. 92.

ГЛАВА 3. ГОРОД И ГОРОЖАНЕ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

1. Урбанизация и перемещение населения

К началу 1960-х гг. несколько более половины жителей РСФСР проживало в городах. Это означало, с одной стороны, резкий скачок в уровне урбанизированности в течение трех с небольшим десятилетий с конца 1920-х гг., с другой, наличие значительных резервов урбанизации, в том числе, ресурсов сельского населения. 1960-е - 80-е гг. относятся к той стадии урбанизации, когда продолжалась концентрация населения: перемещение его из села в город, из малых и средних городов - в большие и крупные. развернулось формирование агломераций, а вместе с тем, повышалась урбанизированность села - происходило распространение городской инфраструктуры на сельскую местность, в деревне утверждались городские ценности и стандарты жизни. На этом этапе сельская местность "все более насыщается ответвлениями города - автодорогами, энергосетями, телефонными линиями, торговыми точками... и т.п."¹ Происходит и резкое изменение ценностных ориентаций сельских жителей, когда их традиционный уклад жизни для большинства молодежи перестает быть привлекательным. Это - универсальный процесс для урбанизирующегося общества, который в СССР был осложнен огосударствлением средств производства и раскрестьяниванием деревни. Миграция из села в город продолжалась весьма активно, однако демографические резервы российского села постепенно сокращались, и абсолютные показатели сельско-городской миграции на протяжении периода несколько снижались. С конца 1970-х по конец 80-х гг. миграционный прирост в российских городах за счет передвижения из сельской местности колебался между 700-800 тысячами². Определенный резерв села сохранялся благодаря несколько большей рождаемости, чем в городе, на протяжении всего периода 1960-х - 80-х гг., кроме отдельных лет. Так, в 1960 г. на 1000 человек населения в городских поселениях рождалось 20,4, в сельских - 26,5 чел., в 1970 г. - примерно одинаково, в 1980 г. - соответственно 15,8 и 16,2, в 1986 г. - 16,5 и 19,1 чел.³

Являясь основной составляющей механического прироста городского населения (помимо преобразования сельских поселений в городские), сельско-городская миграция с течением времени несколько сокращала свой вклад в увеличение численности горо-

жан. В целом важнейшие "показатели миграции очень устойчивы во времени: интенсивность миграции, ее территориальная структура, возрастной и половой состав переселенцев почти не меняются от года к году; по данным отдельных лет можно достаточно точно судить о миграции в течение значительных периодов"⁴. Это очень важный для исследователей миграции вывод, поскольку состояние статистической базы не позволяет в равной мере проследить миграционные процессы на протяжении всего периода 1960-х - 80-х гг. Поэтому данные и опирающиеся на них выводы можно с достаточным основанием экстраполировать на ряд ближайших лет: при общественной стабильности значительных скачков в этом процессе не было. В целом в РСФСР для 1960-х - 70-х гг. было характерно весьма стабильное по количественным показателям перемещение сельского населения в города, а в конце 1970-х намечилось медленное снижение. Общая картина изменения источников прироста городского населения в межпереписные периоды отражена в таблице N 26.

ТАБЛИЦА N 26. Прирост городского населения РСФСР по периодам между переписями (млн чел.)^{*}.

Виды прироста городского населения	1959-1969	1970-1978	1979-1788	1959-1988	1959-1988 в %
Весь прирост	19,4	14,4	13,0	46,8	100
В том числе:					
естественный	7,4	5,6	6,4	19,4	41,4
механический	12,0	8,8	6,6	27,4	58,6

* Таблица составлена и рассчитана по: Население СССР. 1987. Стат. сб. М., 1988. С. 8, 112; Население СССР. 1988. Стат. ежегод. М., 1989. С. 8, 40; Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1991. С. 31, 91, 509; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегод. М., 1990. С. 58; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 77.

Темпы роста городского населения в РСФСР постепенно снижались. Так, в 1959-1969 гг. прирост городского населения составил 19,4 млн, в 1970-1978 гг. - 14,4 млн, в 1979-1988 гг. - 13,0 млн. Снижались и суммарные количественные показатели как естественного, так и механического прироста численности горожан. Так, величина естественного прироста составила в 1959-1969 гг. 7,4 млн, в 1970-1978 гг. - 5,6 млн, в 1979-1988 гг. - несколько больше, 6,4 млн. Снижение объемов механического прироста было более выраженным в те же периоды: 12,0 млн, 8,8 и 6,6 млн. За большинство лет источники по РСФСР не выделяют сальдо миграции между селами и городами, с одной стороны, и прирост за счет преобразования сельских населенных пунктов в городские, с другой. Однако в целом по СССР их соотношение было в 1960-е гг. примерно как 10:3, в 1970-е - как 10:2, и эта тенденция сокращения доли преобразований сел в городские поселения в общем росте численности горожан продолжалась⁵.

Однако в рамках самих межпереписных периодов были определенные колебания в численности как естественного, так и механического прироста населения. В конце 1950-х - начале 70-х гг. естественный прирост горожан РСФСР приближался к 900 тыс., тогда как в течение 1960-х гг. к их концу сокращался, причем очень стабильно, вплоть до показателей менее 500 тыс. С 1969 г. наметился рост, и все 1970-е гг. естественный прирост продержался на уровне 550-650 тыс. 1980-е гг. отмечены существенно большими колебаниями, но преимущественно в сторону увеличения абсолютных объемов естественного прироста городского населения, вплоть до 700-750 тыс. за отдельные годы, кроме конца 1980-х гг., когда происходит резкий спад, прежде всего из-за общественной нестабильности. Перепады в показателях механического прироста были за отдельные годы более резкими, однако в целом период 1960-х - 80-х гг. достаточно четко делится на два - до середины 1970-х гг., когда объемы механического прироста колебались между 1000-1200 тыс., лишь за отдельные годы опускаясь ниже отметки 900 тыс., и после, когда более 950 тыс. прироста не было, а основным показателем были 700-800 тыс. Конец 1980-х гг. также отмечен спадом⁶.

Изменение абсолютных показателей естественного и механического прироста довольно существенно изменило структуру прироста городского населения, соотношение между основными его составляющими источниками (см. таблицу N 27).

Основной тенденцией было увеличение вклада естественного прироста с 37,8% в 1959-1969 гг., 38,9% в 1970-1978 гг. до 49,2% в 1979-1988 гг., причем основную роль в этом изменении

ТАБЛИЦА N 27. Структура прироста городского населения РСФСР по периодам между переписями (в % ко всему приросту)*.

Виды прироста городского населения	1959-1969	1970-1978	1979-1988	1959-1988
Весь прирост	100	100	100	100
В том числе:				
естественный	37,8	38,9	49,2	41,4
механический	62,2	61,1	50,8	58,6

* Таблица составлена и рассчитана по: Население СССР. 1987. Стат. сб. М., 1988. С. 8, 112; Население СССР. 1988. Стат. ежегод. М., 1989. С. 8, 40; Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1991. С. 31, 91, 509; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегод. М., 1990. С. 58; Корель Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982. С. 38.

соотношения источников сыграло сокращение объемов механического прироста при относительной стабильности естественного прироста. Удельный вес механического прироста упал с 62,2% в 1959-1969 гг., 61,1% в 1970-1978 гг. до 50,8% в 1979-1988 гг., то есть почти до половины всего объема прироста численности горожан. В целом же за весь период 1959-1989 гг. доля естественного прироста городского населения составила 41,4%, а механического - 58,6%, что было существенным изменением в структуре прироста городского населения относительно предыдущих периодов, особенно 1930-х гг.

Хотя показатели рождаемости в городах отнюдь не увеличивались, а, напротив, сокращались, общее увеличение численности городского населения РСФСР привело к относительно стабильным цифрам естественного прироста горожан в 1970-е - первой половине 1980-х гг. Абсолютное сокращение (1959 г. - 56 млн, 1989 г. - 39,1 млн)¹ численности сельского населения при снижении его репродуктивных показателей (вследствие старения и

др.) уменьшили миграционный потенциал российского села. В то же время, хотя в течение 1960-х - 80-х гг. процесс нового градообразования и не был равномерным, однако нараставший уровень урбанизированности, широкая сеть уже существовавших городов и поселков медленно, но снижали масштабы нового градообразования, особенно в 1980-е гг.: перепады в этом процессе были, но тенденция определилась. Все эти факторы закономерно вели к уменьшению доли механического прироста при увеличении процента естественного в общем объеме роста численности городского населения. Поэтому, если ранее, вплоть до конца 1950-х гг. механический прирост городского населения был доминирующим, а в нем абсолютно преобладал миграционный прирост, в течение трех последующих десятилетий воспроизводство городского населения расширяет свое значение и постепенно приближается по абсолютным объемам сначала к миграционному вкладу села, а затем - к сумме двух других источников роста городского населения. Происходит существенное изменение и в структуре самих миграционных процессов: растет значение миграционного обмена между городами, причем вклад отдельных факторов в формирование населения конкретных городов зависит от их размеров, иерархического ранга, функциональной структуры, места в системе расселения и региональной специфики. Эти наблюдения и выводы были сделаны специалистами уже на рубеже 1960-х - 70-х гг.⁸ В последующие два десятилетия дифференцирующая роль этих факторов в росте численности горожан конкретных поселений, также как межгородская миграция, неуклонно увеличивались.

Урбанизация везде существенно повышает миграционную подвижность населения, задавая основное направление перемещений населения: из села - в город, из малых и средних городов - в большие и крупные. Еще в 1926 г. почти 4/5 всего населения СССР проживало в месте своего рождения, в 1979 г. таких было 52,9%. Миграционная подвижность горожан была еще выше, и в 1979 г. в городах СССР проживало в месте постоянного жительства с рождения лишь 43,5% (в РСФСР - 40,8%)⁹. Миграционная подвижность населения за полвека (1926-1979 гг.) увеличилась более чем вдвое, причем эта тенденция нарастала и в 1960-е - 80-е гг. Так, в 1970 г. в городах менее двух лет проживало 6,1 млн (7,5% всех горожан), а в 1979 г. - 8,5 млн человек, или 9,0% всех горожан республики¹⁰.

Для конкретного человека миграция является средством удовлетворения потребностей, реализация которых требует смены места жительства. Для общества миграция - перемещение значительных масс людей, приводящее к изменению структуры разме-

щения населения и производства, более или менее стихийное или регулируемое государством. Форсированная "социалистическая" индустриализация в СССР вызвала повышенное вмешательство государства в миграционные процессы как напрямую, через перемещение "трудовых ресурсов" в разных формах (от крайних принудительных форм - системы ГУЛАГа, ссыльно-поселенцев и др., до "мягких" - оргнабор, направление "по распределению", "комсомольских призывов" на "ударные стройки" и т.п.), так и косвенно, через последствия совокупности политических, экономических, социальных решений в различных сферах общественной жизни.

Раскрестьянивание как следствие коллективизации явилось фактором, многократно усиливавшим закономерный в условиях урбанизации процесс перемещения населения из села в город, причем далеко не только "избыточного" при данных условиях производства. Однако процесс раскрестьянивания, фундаментальную основу которого заложила коллективизация 1930-х гг., его далеко не ограничился. В послевоенные годы продолжался, с одной стороны, процесс разорения деревни, служившей источником выкачивания средств, прежде всего на нужды гипертрофированного ВПК, с другой, - усиливалось отчуждение крестьянина от земли и участия в распоряжении средствами производства: колхозы, где хотя бы сохранялась видимость прав работника на участие в управлении, укрупнялись, а значит, управление, в том числе территориальное, все больше отдалялось от непосредственного работника на земле. Кроме того, все возрастающая часть колхозов преобразовывалась в сугубо государственные хозяйства - совхозы, а крестьяне становились уже и формально наемными работниками. Но еще важнее было наступление государства на последний оплот "частной собственности" - личное приусадебное крестьянское хозяйство на рубеже 1950-х - 60-х гг. (ущемление налогами, ограничение прав на содержание скота, на размеры участков и др.). Именно тогда был окончательно подорван традиционный крестьянский уклад, инерционность которого удерживала многих сельских жителей в деревне. Разрушение традиционного крестьянского быта, подрыв вековых ценностей многократно увеличили силу "выталкивания" из деревни, которая лишь в малой степени "компенсировалась" административными мерами (отсутствием у колхозников паспортов, трудностями получения прописки в городе и др.). Эту силу с противоположной стороны увеличивала сила "притяжения" города, нарастающая по мере улучшения городских условий жизни, утверждения городских ценностей и стандартов жизни как универсальных для общества, что и было, пожалуй,

самым главным социальным явлением на протяжении 1960-х - 80-х гг.

Подорвав, с одной стороны, корни, привязывавшие сельское население к земле, с другой, форсированно переводя общество в состояние "городской" цивилизации, советская партократическая система уже не могла в 1960-е - 80-е гг. регулировать миграционные потоки, в том числе из села в город, в той мере, как это было раньше: определенная либерализация "оттепели" ограничила репрессивные механизмы, к 1970-м гг. сошел на нет энтузиазм "ударных комсомольских", колхозники получили паспорта и т.д. Поэтому решающее значение в миграционных процессах получила собственная активность и инициатива населения, а миграция стала представлять собой преимущественно "один из каналов социального продвижения человека, позволяющего ему повысить уровень образования, квалификации, служебного и общественного положения, реализовать жизненные планы"¹¹. Причем основная направленность миграционных потоков в период перехода к урбанизированному обществу - из села в город, из малых городов - в средние и большие, из больших - в крупные и крупнейшие, свидетельствует о существенном различии в условиях, в качестве жизни между этими категориями поселений, так же как между восточными и западными, северными и южными регионами страны. "Демографическое давление" на крупные и крупнейшие города объяснялось стремлением мигрантов улучшить условия своей жизни, а отраслевой механизм управления, объективно ориентированный на размещение производства в больших и крупных городах, создавал для этого социально-экономические предпосылки (рабочие места, социальную инфраструктуру и т.д.). Чем больше город, тем большую долю прироста его населения давала миграция¹².

Основную структуру миграционных потоков определяла внутреспубликанская миграция. Так, в 1960-е - 70-е гг. этот источник обеспечивал 76,2% перераспределения городского населения, что было больше, чем, например, на Украине (67,7%), но несколько меньше, чем в Литве (76,9%)¹³. В тот же период весьма существенными были региональные различия миграционных процессов. Так, в центральные районы миграционный поток был меньшей интенсивности, нежели в восточные и северные районы страны, хотя были и исключения. Так, особенно сильным было притяжение мигрантов к Москве, к Ростовской области, в меньшей степени - к Ивановской и Саратовской областям, из восточных областей - к Куйбышевской и Свердловской¹⁴.

В течение 1970-х - 80-х гг. среди мигрантов, прибывавших в города России, удельный вес выходцев из своей республики несколько сокращался: так, в 1973 г. их было 76%, тогда как в 1989 г. - 69% (аналогичные процессы шли на Украине, где доля "своих" мигрантов в те же годы составляла соответственно 67 и 60%, тогда как в республиках Средней Азии шли в обратном направлении: в Казахстане - 57 и 64%, в Узбекистане - 48 и 59%, и т.д.)¹⁵.

Межтерриториальная миграция меняла преимущественно географию населения, тогда как межпоселенная - социальный статус мигрантов¹⁶. Во многом поэтому малые и средние города с относительно ограниченным выбором мест приложения труда, вариантов самореализации личности являлись как источником миграционного прироста крупных и крупнейших городов, так и промежуточным звеном на пути мигрантов из села в большие и крупные города. Так, по данным социологических исследований начала 1980-х гг. структуры миграционных установок населения молодых городов в зоне Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭКа) - Шарипово и Назарово - из старожилов (то есть проживших 10 и более лет) хотели остаться от более половины до 2/3 опрошиваемых, тогда как из новоселов - лишь 1/3 опрошенных¹⁷. Основными мигрантами являлись трудоспособные и молодежь до 30 лет, то есть наиболее активное население, стремившееся к улучшению своего материально-бытового положения, социального статуса и т.д. Перемещение из села в город, а из небольших в более крупные городские поселения, расширяло возможности выбора в сфере профессиональной деятельности, в повышении социального статуса, в изменении материального уровня и образа жизни. Именно поэтому наибольшей "силой притяжения" обладали многофункциональные города, областные, республиканские, союзные центры¹⁸. Так, в Москве уже в 1960-е гг. 4/5 прироста населения осуществлялось за счет мигрантов, а в 1980-е гг. - фактически весь прирост, из-за относительно низких показателей рождаемости и высоких - смертности. Аналогичные, хотя и менее выраженные процессы, наблюдались в Ленинграде, а также в других центрах областей и автономных республик РСФСР.

Еще в начале 1960-х гг. специалисты на основании проведенных исследований выявили формировавшуюся тенденцию в изменении источников механического прироста населения городов в зависимости от их величины: чем больше город, тем выше удельный вес прироста за счет городского населения и меньше - за счет сельского. В целом усиливалась тенденция роста роли миграции городского населения в перераспределении населения между

городами различной величины, а малые и средние города занимали промежуточное положение в перемещении населения из села в крупные промышленные города¹⁹.

В дальнейшем эта тенденция становилась все более отчетливой. Так, перепись 1970 г. зафиксировала, что из 1,8 млн человек, проживавших в городах с численностью населения от 100 до 500 тыс. менее двух лет, то есть недавних мигрантов, из городов и поселков приехало более 1 млн, то есть 56%, а из села - 0,8 млн (44%), причем из мигрантов-горожан около половины (45,4%) приехало из небольших городов (с численностью жителей до 100 тыс.). Доля сельских мигрантов в крупных городах (свыше 500 тыс. жителей) была еще меньше (41,5%), так же, как несколько меньшим был и процент горожан из небольших городских поселений относительно всех городских мигрантов (43,4%)²⁰. В то же время более половины мигрантов из больших и крупных городов перемещалось в рамках этой же категории поселений, а их общий вклад в миграционный прирост численности жителей малых и средних городов не более 20-30% (для разных категорий небольших городов)²¹. То есть основной миграционный поток был "снизу вверх" по иерархии сети расселения, в том числе межгородской.

Миграция из села в город была абсолютно преобладавшим направлением перемещения населения между ними. Однако, в 1970-е гг. в некоторых регионах республики наметилась и обратная тенденция, в основном в западной части РСФСР. Этот обратный поток состоял преимущественно из специалистов по плановому распределению и части бывших сельских жителей, не сумевших адаптироваться в городе, и лишь в незначительной степени - из городских "старожилов" и коренных горожан²². На миграционном балансе между городом и деревней в целом по республике этот процесс существенно не отразился.

Закономерность последовательной миграции из поселений меньшей величины в поселения более крупные, но, как правило, без "перескакивания" более одной-двух ступеней в ряду поселений по их величине, была связана со сложностью адаптации сельских жителей в крупных городах с их иным укладом и во многом отличающимся образом жизни. Важно и то, что малый город и территориально, и экономически, и социально ближе к деревне, нежели большой. Основной миграционный поток в течение последних десятилетий осуществлялся по схеме: "село - малые и средние города - крупные города". При этом малые и средние города выступали в роли промежуточного звена, своеобразного "перевалочного пункта" для значительной части мигрантов. Обрат-

ный приток в категории поселений более "низкого ранга" (из средних и малых городов в деревню, из крупных городов - в малые и средние) был ничтожен. Так, в малых и средних городах весь механический прирост населения обеспечивался за счет села²³. Помимо величины и административного статуса городов в общей структуре и интенсивности миграционных процессов все большую роль в 1970-е - 80-е гг. начинают играть агломерационные связи²⁴. В целом миграционная активность населения в формировавшихся агломерациях была существенно выше, чем на территориях с преобладавшими изолированными поселениями. Агломерация, с одной стороны, создавала условия для рассредоточения, несколько сдерживая рост центра агломерации, ее ядра. В целом существовала зависимость: чем больше был прирост ядра агломерации, тем меньше прирост других поселений, и наоборот²⁵. Как правило, чем больше был город, тем большую часть прироста его населения обеспечивала миграция, однако в малых городах это была абсолютно преобладавшая миграция из села, в больших - как из села, так и из других городов, а в крупнейших городах - межгородская миграция и воспроизводство. Так, по данным социологического исследования начала 1980-х гг. ряда городов (преимущественно РСФСР), в сельской местности родились от 55 до 63% обследованных жителей малых и средних городов, от 45 до 44% - больших и крупных, и 32% - миллионных. Так же по убывающей распределились и родившиеся в рабочих поселках: от 12% жителей малых городов до 6% - миллионных. Обратным было распределение родившихся в городах: от 33 до 27% жителей малых и средних городов, 44-47% - больших и крупных, и до 62% жителей миллионных городов. Последняя категория как раз и состояла из коренных жителей данного города и мигрантов из других городов²⁶. Как правило, в приросте жителей города доля межгородских мигрантов увеличивалась прямо пропорционально величине города, поскольку существовала весьма устойчивая закономерность: "рождаемость по всем категориям городских поселений, - как заметил Б.С.Хорев еще в середине 1970-х гг., - уменьшается по мере роста их величины"²⁷.

Усиленный приток мигрантов в 1960-е - 80-е гг. в крупные города свидетельствовал о том, что потребности огромного числа людей не могли быть удовлетворены в малых и средних городских поселениях. Крупный город вследствие концентрации многообразных видов деятельности, мест приложения труда создавал значительно большие возможности для социальной мобильности, чем село или малый город, для удовлетворения культурных и бытовых запросов. Этим обуславливалась привлекательность и "пре-

стижность" крупных городов. Не случайно, по данным того же социологического обследования начала 1980-х гг., не хотели уезжать из малых городов 69% опрошенных, из крупных - 77%, а из миллионных городов - 87% жителей. В малых городах жители в среднем меняли место работы 2,4 раза, а в миллионных - 1,3 раза, что свидетельствует о существенно больших возможностях выбора места работы соответственно склонностям, квалификации, "призванию" и т.д. - в крупнейших городах по сравнению с малыми. Этот вывод подтверждают и следующие данные: по специальности в малых городах работали лишь 61%, тогда как в миллионных - 73% опрошенных жителей²⁸.

Источниками механического прироста населения крупнейших городов, как правило, в основной своей части являлись выходцы из городов с населением свыше 100 тыс. человек и из небольших городов. По данным выборочного опроса в 1973-1974 гг. эта часть мигрантов пополняла в основном кадры преподавателей вузов и техникумов, служащих госучреждений (55-60% среди данных профессий - приезжие), рабочих квалифицированного (52%) и неквалифицированного труда (58%). Значительно меньше приезжих среди работников сферы обслуживания и творческих работников (33-37%). Наибольшее число приезжих из других городов составляли преподаватели вузов и техникумов, студенты, учителя и врачи (38-46% в каждой группе), наименьшее - квалифицированные рабочие и работники сферы обслуживания. Очевидно, основными мотивами переезжавших из других городов были получение образования и реализация личностного потенциала, для чего, например, такой крупный город, как Ленинград, предоставлял значительно больше возможностей, нежели большинство других городских поселений. Переезжавших из села было существенно меньше, и пополняли они в основном ряды работников госучреждений и рабочих²⁹.

Особенно миграционно активной была такая социально-демографическая категория, как молодежь: основной возраст активной миграции приходился на 16-24 года, когда происходит социальное и профессиональное становление личности³⁰. Широкий приток молодежи в малые и средние города шел за счет выпускников ПТУ. В целом наиболее интенсивно мигрировали лица после окончания средней школы и до 25-летнего возраста, хотя и молодежь старшей возрастной когорты имела более высокие показатели миграционной подвижности в сравнении с другими категориями населения. Таким образом, основная часть прироста городского населения за счет миграции состояла главным образом из мо-

лодежи, которая являлась основным контингентом "новых горожан".

Это само по себе уже порождало массу проблем как для самой молодежи, так и для города, его социально-экономического развития. Для молодежи это прежде всего проблема адаптации к городским условиям жизни, получение образования и профессии, материального уровня жизни, бытовых условий, комплекс проблем молодой семьи, создание и развитие которой в чужом городе сопряжено с дополнительными материально-бытовыми проблемами, особенно жилищной.

Несмотря на значительное строительство в 1960-е - 80-е гг. жилищная проблема не только была далека от решения, но во многих городах обострялась. Для города это оборачивалось (в совокупности с другими проблемами) снижением уровня рождаемости, проблемами семьи, необеспеченностью значительных слоев горожан, прежде всего молодежи, нормальными бытовыми условиями. Вместе с тем, широкие миграционные потоки в города ограничивали возможности коренных горожан в быстром улучшении жилищных условий. Далеко не всегда эта массовая миграция была оправдана экономически, поддерживая экстенсивное развитие производства за счет привлечения дополнительной рабочей силы, а также способствуя гипертрофированному росту крупных городов. Не меньшие проблемы миграционный поток в города создавал и для сельского хозяйства, особенно в отдельных регионах республики, таких как Нечерноземье, где "вымывание" сельской молодежи в комплексе с другими факторами вело к упадку деревни.

Тем не менее, миграционный приток в города и рост численности городского населения за счет этого фактора при тенденции к ограничению его роли были неизбежны в течение всех трех десятилетий.

Сельские и межгородские мигранты пополняли все социальные категории общества. Так, городской рабочий класс в значительной степени пополнялся из рядов сельской молодежи. Например, во второй половине 60-х гг. в Таганроге, развитом индустриальном городе, выходцы из крестьянства составляли среди молодых рабочих около 20%. Среди машиностроителей Ленинграда дети крестьян составляли 22%. Конечно, удельный вес молодых пополнений городских рабочих из села был неодинаков в различных регионах и городах, причем в одних из них подавляющее большинство рабочих были коренными горожанами, в других - из села³¹.

Источники пополнения городских слоев - рабочего класса, интеллигенции, служащих-неспециалистов - за счет молодого поколения в значительной части зависели от механического прироста городского населения в конкретных поселениях. Так, в крупных городах Калуге, Орле и Мурманске роль механического прироста численности населения была весьма велика: ее доля составила в 1960-е - 70-е гг. в Калуге более 70%, в Мурманске - в среднем 65%, в Орле - 70-75%³². Естественно, в таких городах место молодых мигрантов, в том числе из села, в источниках пополнения всех социальных групп города было весьма значительным. Особенно велика роль выходцев из сельской молодежи в формировании социальной структуры малого города. Если российское село могло в 1960-е - 80-е гг. предоставить работнику в лучшем случае выбор между 8-9 родами деятельности, то малый город - уже от 30 до 60 наименований. В то же время социальная дистанция между малым городом и селом была значительно меньше, чем между селом и крупными городами, что облегчало процессы социальной адаптации. Не случайно в малых городах коренное население зачастую составляло лишь около половины жителей, причем только 1/4 их жила постоянно, а остальные - то есть 3/4 - были мигрантами³³. Вместе с тем, в формировании социально-экономической структуры трудовых ресурсов малого города значительную роль играли сельские маятниковые мигранты, занимавшие от 10 до 16% рабочих мест³⁴.

Неудовлетворенность трудом была в ряду важнейших мотивов оттока населения из деревни. По этим причинам уезжало около 40% всех мигрантов из села в город³⁵. Причем в различных регионах страны при всех их особенностях около 90% выезжающих из села в город составляла молодежь от 14 до 29 лет³⁶. Среди мотивов отъезда в город наряду с неудовлетворенностью трудом - повышение квалификации, учеба, невозможность в полной мере удовлетворить культурные потребности, плохие бытовые условия. Таким образом, сохранившиеся существенные социально-экономические различия между городом и деревней делали город весьма привлекательным для сельской молодежи и весьма действенным фактором ее миграционной активности. В целом миграционная активность молодежи была связана с конкретными этапами ее жизненного пути: получением образования, приобретением профессии, выбором места работы и т.д. При этом наименьшее значение имели узкоматериальные соображения, так как на селе в тот период молодой работник мог иметь сразу же после окончания школы более высокий уровень заработной платы, нежели его городской сверстник, часто - значительно лучшие жи-

лищные условия. Главными причинами миграции сельской молодежи в город оставались различия в уровне и масштабах возможностей профессионального выбора, лучшие условия труда, возможности для удовлетворения культурных потребностей в городе по сравнению с деревней.

В целом именно город предоставлял наибольшие возможности для социальных перемещений мигрантов, прежде всего молодежи на основе получения более высокого уровня образования и широкого выбора специальностей. Вместе с тем город предъявлял к ним большие требования в сфере как общеобразовательной, так и профессиональной подготовки. Как правило, коренные горожане имели большие возможности по сравнению с выходцами из села в получении высшего образования, а значит, и в более быстром социальном перемещении в состав специалистов с высшим образованием - при одних и тех же исходных общеобразовательных данных. Эти различия между городом и деревней в возможностях самореализации делали город весьма привлекательным для сельской молодежи, но адаптация ее к требованиям, предъявляемым современной городской цивилизацией, происходила сложно.

Миграционные потоки значительно влияли на возрастную структуру городского населения, которая в целом имела тенденцию к постарению. Меньшие показатели рождаемости в городах, особенно больших и крупных, являющиеся общей социально-демографической закономерностью, вели к повышению удельного веса лиц старших возрастов, что в определенной мере компенсировалось притоком молодежи из села в города вообще, а из малых городов в крупные. Конечно, это не единственное направление миграции, но в 1960-е - 80-е гг. оно было преобладающим.

В целом возрастная структура городского населения именно благодаря мощным миграционным потокам в 1960-е - 70-е гг. была более сбалансированной. Однако с конца 1970-х гг. в обществе в целом при существовавшем уровне производства и общественной организации труда парадоксально возникла проблема трудовых ресурсов. Официально ее объясняли сугубо демографическими причинами, а именно - вступлением в трудоспособный возраст лиц, родители которых родились в годы Великой Отечественной войны. Являясь прежде всего социально-экономической проблемой, вызванной искусственным сдерживанием интенсификации в народном хозяйстве, она в действительности лишь косвенно отразила и демографические сдвиги.

Сельско-городская миграция оказывала влияние на социально-демографическую структуру российского города, не только "омолаживая" ее за счет повышенного притока молодежи, но и

влияя на соотношение между полами. Так, повышенная миграционная подвижность на селе была присуща женщинам, причем с конца 1950-х до середины 80-х гг. она возросла, распространившись на более старшие возраста. При достижении равновесия в численности мужчин и женщин к совершеннолетию, а в дальнейшем - убывании численности мужского населения более быстрыми темпами, в 1960-е - 80-е гг. удельный вес женщин в городе всегда был значительно выше, тогда как на селе эта разница была несколько меньше. Но если в 1959 г. удельный вес женщин начинает превосходить удельный вес мужчин с 25-29 лет, то в 1987 г. - с 40-44 лет³⁷. При учете прочих факторов это свидетельствует о большей миграционной подвижности сельских женщин старших возрастов. Поэтому и в городском населении удельный вес женщин, покинувших село, был выше, чем мужчин. Однако среди мигрантов в крупные города эта пропорция постепенно менялась. Учитывая, что женщины преимущественно пополняли в городах состав служащих, данный процесс имел значительное влияние и на городскую социально-демографическую структуру в целом.

Следствия интенсивной миграции как из села в город, так и между городами, включали широкий спектр позитивных и негативных результатов. Являясь абсолютно закономерной для урбанизирующегося общества, миграция обеспечивала рост численности и удельного веса городского населения, возрастание процента горожан, проживающих в иерархически более высоких категориях городских поселений, а в целом реализовывала процесс территориальной концентрации производительных сил и населения. Относительно высокий приток сельского населения обеспечивал в перспективе более прогрессивный тип воспроизводства населения, так как рождаемость у сельских переселенцев была существенно выше, чем у коренных горожан. За счет миграции в значительной степени обеспечивался рост всей сети городских поселений, особенно крупных и крупнейших городов, где рождаемость и естественный прирост населения были существенно ниже средних показателей. Вместе с тем, массовый приток сельских жителей в города, а также жителей небольших городов в крупные, создавал немало проблем - экономических, социальных и т.д. Как правило, потребность предприятий в рабочей силе низкой квалификации обеспечивалась именно за счет сельской миграции и ввоза рабочих из малых городов, что снижало общий качественный уровень мигрировавших в город трудовых ресурсов. По данным специалистов, среди мигрантов в город из сельской местности лишь 16,7% имели специальную профессиональную подготовку³⁸. В свою

очередь, возможность массового привлечения сельской неквалифицированной рабочей силы консервировало технический уровень производств, еще более сдерживало экономические реформы, создавая иллюзию возможности сохранять и дальше экстенсивные формы ведения хозяйства - как на уровне отраслевого управления, так и государственного руководства. Миграция несла и более очевидные экономические потери, которые, например, в сибирском городе с численностью населения около 150 тыс. составляли до 20 млн рублей в год³⁹.

Остро вставали перед городом проблемы, вызванные массовой миграцией. Город напрягал свои силы, пытаясь угнаться за темпами прироста населения, прежде всего приезжего, в уровне обеспечения жильем, всеми параметрами социальной инфраструктуры, что, особенно при ведомственном механизме финансирования, удавалось далеко не во всех городах и с большим трудом. Существенную проблему представляла личностная адаптация мигрантов, особенно из села, к условиям жизни в больших и крупных городах. Большинство из них оказывалось в ряду социальных маргиналов, не вписывающихся в городской образ жизни и социальные нормы. Не случайно, например, уровень правонарушений среди мигрантов был в 3-6 раз выше, чем среди постоянного населения⁴⁰.

Таким образом, процесс миграции, обеспечивавший в значительной степени прирост городского населения, закономерный и естественный для той стадии урбанизации, на которой находилась Россия в 1960-е - 80-е гг., в значительной степени усложнялась факторами, связанными со спецификой общественных условий (завершавшееся раскрестьянивание "обобществленной" деревни, усилившийся разрыв в качестве жизни села и крупного города, консервация в значительной степени экстенсивных процессов экономического развития при сохранении командно-административного управления народным хозяйством, административные барьеры и ограничение свободы передвижения населения страны вследствие "прописки" и др., специфически "системные" каналы перемещения населения в крупные города в виде "лимита" и т.п., и др.). В итоге сельско-городская миграция оказывалась "избыточной" в значительной мере не только для города, не успевавшего "переваривать" потоки преимущественно неквалифицированной рабочей силы и - вследствие ведомственного интереса - постоянно запаздывавшего с технологическим обновлением производства, со структурной перестройкой экономики, - но и для деревни, отдававшей наиболее трудоспособное население, в ряде регионов и областей республики - вплоть до обезлюдения села. Лишь во вто-

рой половине 1980-х гг. приток населения в города резко пошел на спад⁴¹.

Результатом противоречивого влияния миграции на российский город был не только продолжавшийся его экстенсивный рост, но и значительная консервация социальных параметров городского населения, продолжение "окрестьянивания" города, хотя и в меньших масштабах, чем в предыдущие десятилетия. Косвенно эти последствия массовой миграции, преимущественно сельско-городской и из небольших городов в крупные и крупнейшие повлияло и на состояние всего общества: оно смогло перейти к радикальным переменам на полтора-два десятилетия позже того момента, когда они уже объективно назрели.

2. Город в демографическом разрезе

Демографические процессы в российском городе определялись комплексом факторов, доминирующие из которых были связаны со стадией развития техногенной цивилизации. Как правило, общие демографические тенденции, характерные для общества в целом, в городе были выражены сильнее, и чем больше город, тем значительнее их проявление. Очень сильное влияние на ряд демографических процессов оказывал этнический фактор, в частности, национальные традиции, религиозные установки и др. Так, в Российской Федерации в одних и тех же регионах и одинаковых условиях рождаемость среди "мусульманского" населения, например, татар, выше, чем у русских. Наконец, региональные особенности проявлялись практически во всех демографических процессах, оказывая влияние и на местные города.

Период 1960-х - 80-х гг. проходил, как и во многих индустриальных странах, под знаком демографической революции. Однако в России она протекала усложненно, будучи отягощена длительным вмешательством государства в личную и семейную жизнь граждан под влиянием определенных идеологических установок. Вследствие этого основные тенденции, характерные для индустриально развитых стран, не изменились, но были деформированы и извращены. Так, государству не удалось изменить демографические установки населения на планирование рождаемости в семье, однако, низкая половая культура, отсутствие качественных и доступных средств контрацепции и др. имели следствием несколько негативных и опасных тенденций. Российские женщины занимали ведущее место в мире по числу аборт, частота ко-

торых в 10-15 раз превышала уровень любой развитой капиталистической страны и в 20 раз - минимальный европейский уровень. Но были и другие следствия в новой ситуации, когда менялось брачное поведение. Так, если в 1950-е - 60-е гг. в стране сокращался процент детей, рожденных женщинами, не состоявшими в зарегистрированном браке, то в 1970-е - 80-е гг. нарастала обратная тенденция, а среди городского населения России такие дети составляли в 1980 г. 9,6% от общего числа родившихся, в 1985 г. - 11,3%, в 1990 г. - 13,8%⁴².

ТАБЛИЦА N 28. Распределение семей городского населения РСФСР по числу детей (тыс. семей)*.

Тип семьи	1970		1979		1989	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Все семьи	20733	100	25560	100	29663	100
Из них имеющие детей до 18 лет:						
всего	16554	$\frac{79,8}{100}$	15953	$\frac{62,4}{100}$	17741	$\frac{59,8}{100}$
с 1 ребенком	8895	53,7	9975	62,5	9605	54,1
с 2 детьми	5879	35,5	5193	32,6	6936	39,1
с 3 и более детьми	1780	10,8	785	4,9	1200	6,8

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII. М., 1974. С. 250; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. VI. Ч. II. М., 1981. С. 60; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 97.

В 1970-е - 80-е гг. можно с достаточной определенностью говорить о кризисе российской, особенно городской, семьи, который выразился в целом комплексе явлений, среди которых - ограниченные детности семей. Так, если в РСФСР из общей численности новорожденных родившиеся у матерей, имевших трех и более детей, составляли в 1960 г. 30%, в 1970 г. - 20%, то в 1980 г. - 12%. В середине 1980-х гг. эта тенденция лишь несколько улучшилась, однако к концу десятилетия повернула вспять. Эти процессы в рамках российской городской семьи отражены в данных таблицы N 28.

Так, сокращался процент российских городских семей, имевших детей: с 79,8% в 1970 г. до 59,8% в 1989 г. Вместе с тем, среди семей с детьми наиболее распространенной стала семья с одним ребенком (1970 г. - 53,7% от общего числа семей, имевших детей, в 1989 г. - 54,1%). Несколько увеличился процент семей с двумя детьми: с 35,5% в 1970 г. до 39,1% в 1989 г., составив, таким образом, вместе с однодетными семьями более 90% всех городских семей. Однако это значит, что городское население неспособно даже к простому воспроизводству, так как для этого необходимо, чтобы средняя семья имела примерно трех детей. Но процент таких семей - с тремя и более детьми - сократился с 10,8% в 1970 г. до 6,8% в 1989 г.

В условиях, когда городское население стало абсолютно преобладающим, а миграционные ресурсы села во многих регионах в значительной степени исчерпаны, такая ситуация имела несколько следствий. Во-первых, для воспроизводства всего населения республики, которое во все большей степени определялось естественным воспроизводством горожан, нежели в любой из предшествующих периодов. Во-вторых, для самого города, трудовые ресурсы которого постепенно пополнялись преимущественно за счет внутренних резервов. Наконец, для урбанизационного процесса, экстенсивная стадия которого близилась к завершению с исчерпанием миграционного потенциала деревни, и основными изменениями в системе расселения становились межгородские и межрегиональные перемещения горожан.

Уменьшение детности семей, наряду с тенденцией молодых городских семей жить отдельно от родителей, отразилось и на структуре семьи, в частности, ее размере. В 1960-е - 80-е гг. этот процесс был характерен для городских семей всего СССР, однако в РСФСР процесс сокращения размера семьи шел быстрее, что отражено в таблице N 29.

ТАБЛИЦА N 29. Средний размер городской семьи (чел.)*

	1959	1970	1979	1989
СССР	3,5	3,5	3,3	3,3
РСФСР	3,5	3,4	3,2	3,2

* Таблица составлена по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. (Сводный том). М., 1962. С. 243; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII. Миграция населения, число и состав семей. М., 1974. С. 207; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984. С. 252-255; Семья в СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990. С. 4.

Так, по СССР средний размер городской семьи в 1959 г. был такой же, как и в России - 3,5 человека, в 1989 г. соответственно 3,3 в СССР и 3,2 в РСФСР.

Впрочем, в среднем эти различия невелики, что свидетельствует о большой общности городского образа жизни, характерного для всех советских республик, хотя этнический фактор оказывал значительное влияние и на эти процессы. Например, средняя городская семья в Узбекской ССР в 1989 г. составляла 4,7 человека, в Грузии - 4,0, так же как и во всех других Среднеазиатских и Закавказских республиках была тенденция превышения среднесоюзных размеров городской семьи, на Украине, в Белоруссии и Литве среднесемейные показатели были на уровне РСФСР, а в Латвии и Эстонии средняя городская семья составляла 3,1 чел.⁴³

Определенные различия были и внутри РСФСР, как региональные, так и по категориям поселений. В крупнейших городах Москве и Ленинграде средний размер семьи был меньше (в 1989 г. - 3,1 чел.), центральные и северо-западные регионы также характеризуются меньшими средними размерами семьи, для большинства автономий были характерны либо средние, либо превышающие показатели, причем наиболее крупные семьи характерны для республик Северного Кавказа⁴⁴. В целом тенденции изменения размеров городских семей отражают процессы, происходящие на конкретной территории (регион - автономная республика или область) и коррелируют с этническим фактором.

Средний размер семьи с детьми был, естественно, несколько большим. Так, в российских городах в 1989 г. он составил 3,8 чел.⁴⁵ Однако, из этой цифры очевидным является факт недостаточной детности городской семьи даже для простого, не говоря уже о расширенном воспроизводстве населения.

На динамике рождаемости отразилось много факторов, в том числе социальные условия, качество медицинского обслуживания и др. Так, для развитой индустриальной страны невероятно высокими были показатели мертворождений, младенческой и детской смертности. Хотя в России они были несколько ниже, чем в Средней Азии, однако значительно выше средневропейского уровня, в том числе и в городе. Так, в 1989 г. в РСФСР мертворожденные составили 0,9% от общего числа родившихся, а умершие в перинатальный период - 0,86%, что было больше, чем в Белоруссии, на Украине, в республиках Прибалтики и даже в Закавказье⁴⁶. Отличающимися от международных стандартов, принятых Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) были и критерии жизнеспособности новорожденных, так что "недобирающие" срока беременности, массы тела и роста новорожденные регистрировались как родившиеся лишь после того, как сумели прожить неделю. Очевидно, что советское забюрократизированное здравоохранение, ориентировавшееся на "показатели", и не было заинтересовано в поддержании жизнеспособности таких детей. Младенческая смертность (дети, умершие в возрасте до 1 года) в РСФСР радикально сократилась с 1940 г., когда она составляла 205,2 случаев на 1000 родившихся к 1960 г. (36,6 случаев). В 1960-е гг., по данным статистики, она продолжала медленно сокращаться (до 23,0, что само по себе не было благополучным: для сравнения в 1970 г. в Швеции на 1000 родившихся умирало до 1 года 11 детей, в Японии - 13, в Дании - 14). Однако, в 1970-е - 80-е гг. в СССР младенческая смертность начала увеличиваться, тогда как в других странах продолжала сокращаться (в Японии до 5 на 1000 родившихся в Швеции до 6, во Франции до 8 в 1987 г.)⁴⁷. Публикация статистики младенческой смертности в СССР была прекращена, общественность не была информирована вплоть до второй половины 1980-х гг. В РСФСР положение было несколько лучше, однако ненамного: согласно статистическим данным, которые, как известно, значительно преуменьшали реальные цифры, младенческая смертность сокращалась крайне медленно, составив на 1000 рождений 23,7 случаев в 1975 г. и 17,8 - в 1989 г.⁴⁸

В городе ситуация была несколько благоприятнее: коэффициенты младенческой смертности составили соответственно 22,5 в

1975 г., 21,2 в 1980 г. и 18,8 в 1986 г., причем в течение всего периода ее уровень был несколько ниже, чем на селе. Если в республиках Средней Азии и Закавказья среди причин младенческой смертности на первом месте, как правило, стояли инфекционные и паразитарные болезни, то в РСФСР к концу 1980-х гг. - состояния, возникающие в перинатальном периоде (включая родовые травмы), а также врожденные аномалии⁴⁹. Данные причины в значительной степени отражают влияние ухудшавшейся экологической ситуации, низкий уровень медицинского обслуживания.

Весьма неблагоприятно обстояло дело с детской смертностью. Так, среди городских детей до 5 лет с конца 1950-х до середины 60-х гг. она имела тенденцию к сокращению, а затем вплоть до середины 1970-х гг. происходит ее заметный рост. В дальнейшем, до конца 1980-х детская смертность плавно снижалась. В РСФСР для городских детей мужского пола коэффициент смертности в возрасте до 5 лет составил в 1975-1976 гг. 6,5, в 1988 г. - 5,0, в 1989 г. - 4,5; женского пола соответственно 4,8, 3,7 и 3,2⁵⁰. В других детских возрастных группах процессы были аналогичны, и, хотя в возрастных группах от 5 до 15 лет коэффициенты смертности наименьшие среди других возрастов, в сравнении с показателями развитых стран положение было существенно хуже.

Эти тенденции в городах России, хотя и при более низких показателях детской смертности, были близки к общесоюзным.

Высокая младенческая и детская смертность среди российских горожан оказывала влияние на общие показатели смертности и динамику естественного прироста городского населения (см. таблицу N 30).

Если в детской смертности с середины 1970-х гг. наметилось снижение, то в целом среди городского населения РСФСР вплоть до начала 1980-х гг. смертность растет: с 6,7 на 1000 человек населения в 1960 г. до 10,0 в 1980 г. В течение всех 1980-х гг. эта цифра оставалась высокой, хотя и колебалась год от года, от наименьшего показателя в 1986 г. (9,5) до наивысшего в 1984 г. (10,5). С середины 1980-х опять наметился рост смертности российских горожан: в 1989 г. коэффициент смертности составил 10,0.

В другом направлении развивалась тенденция рождаемости: наивысший показатель был в 1960 г. (20,5 на 1000 человек городского населения) до наименьшего в 1968 г. (13,7). Далее показатели рождаемости колебались год от года, но никогда уже не достигали уровня начала 1960-х гг. Показатели рождаемости

ТАБЛИЦА N 30. Общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста городского населения РСФСР (на 1000 чел. населения)*

Год	Городское население			Естественный прирост	
	число родив- шихся	число умерших	естест- венный прирост	все население	сельское население
1960	20,5	6,7	13,8	15,8	18,2
1961	19,8	6,8	13,0	14,5	16,3
1962	18,4	6,9	11,5	12,5	13,7
1963	16,9	6,9	10,0	11,2	12,8
1964	15,6	6,6	9,0	9,7	10,7
1965	14,5	6,9	7,6	8,1	8,8
1966	14,4	7,0	7,4	7,7	8,2
1967	13,8	7,2	6,6	6,5	6,3
1968	13,7	7,5	6,2	6,0	5,7
1969	14,2	7,9	6,3	5,7	4,6
1970	14,8	7,9	6,9	5,9	4,3
1971	15,3	8,0	7,3	6,4	4,6
1972	15,7	8,1	7,6	6,3	4,1
1973	15,4	8,3	7,1	5,9	3,6
1974	15,8	8,3	7,5	6,4	4,2
1975	15,9	8,8	7,1	5,9	3,5
1976	16,0	9,0	7,0	5,9	3,5
1977	15,9	9,2	7,6	5,6	3,3
1978	15,9	9,4	6,5	5,6	3,5
1979	15,7	9,8	5,9	5,0	3,0
1980	15,8	10,0	5,8	4,9	2,7
1981	15,7	9,9	5,8	5,1	3,3
1982	16,2	9,7	6,5	5,9	4,4
1983	17,1	10,0	7,1	6,5	5,0
1984	16,4	10,5	5,9	5,3	3,8
1985	15,9	10,2	5,7	5,2	3,9
1986	16,5	9,5	7,0	6,8	6,3
1987	16,4	9,6	6,8	6,6	6,1
1988	15,4	9,9	5,5	5,3	4,6
1989	14,0	10,0	4,0	3,9	3,7
1990	12,7	10,4	2,3	2,2	2,2

Таблица составлена по: Население СССР. 1987. Стат. сб. М., 1988. С. 129; Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1991. С. 99; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежег. М., 1991. С. 98.

зависят от ряда факторов, в том числе связаны с "демографическими волнами", одна из которых пришлась на середину 1960-х гг., когда в репродуктивный период вступило малочисленной поколение, родившееся в годы Великой Отечественной войны. Все большее влияние на рождаемость оказывали репродуктивные установки людей, в условиях демографической революции все сильнее регулировавших количество и время рождения детей. Воздействовали и очень интенсивные ситуативные социальные факторы. Так, начало перестройки, которое в сознании людей оказалось связанным с определенными социальными ожиданиями, а также мерами помощи семье, характеризовалось некоторым снижением смертности и повышением рождаемости, в том числе среди горожан России. Весьма существенно влияли на рождаемость тип и величина поселения: как правило, рождаемость на селе была выше, чем в городе, а среди горожан она тем ниже, чем крупнее город⁵¹. Так, в 1970-е гг. в РСФСР среднее ожидаемое число детей у женщин, состоявших в браке, в сельских поселениях было 2,69, в городских - 1,86, из них с числом жителей до 20 тыс. - 2,14, от 20 до 100 тыс. - 1,96, от 100 до 500 тыс. - 1,85, с 500 и более тыс. - 1,63⁵².

Данные таблицы N 30 отражают также динамику естественного прироста городского населения в сопоставлении со всем и сельским населением. Вплоть до 1967 г. естественный прирост на селе был выше, чем в городе, что обуславливалось большим разрывом между более высокими показателями рождаемости на селе и уровнем смертности. Со второй половины 1960-х гг. смертность стала увеличиваться и на селе, и в городе, достигнув в 1980-е гг. наибольших величин за весь период, однако на селе она была существенно выше. В то же время показатели рождаемости имели тенденцию к сближению. В итоге в 1970-е - 80-е гг. коэффициенты естественного прироста населения в российском городе были выше, чем на селе, в отдельные годы - в 2 и более раз⁵³. Таким образом, неблагоприятные демографические тенденции в городах России отражали общие негативные демографические тенденции в республике. В целом за весь период естественный прирост в российском городе имел тенденцию к снижению, хотя в абсолютных величинах число рождавшихся в городе приобрело устойчивую тенденцию к увеличению: в 1960 г. число родившихся в городе

составило 1333 тыс., в 1967 г. - 1065 тыс. (самый низкий показатель за весь период), в 1987 г. - 1769 тыс. (самый высокий уровень)⁵⁴. В этих тенденциях отразились как демографические волны, так и общий рост численности городского населения, включая женщин репродуктивного возраста. В конце 1980-х - начале 90-х гг. начинает действовать комплекс неблагоприятных для рождаемости факторов, прежде всего общественная нестабильность. В 1990 г. рождаемость в России в целом уменьшилась по сравнению с 1987 г. на 20%, а ее общий уровень был наименьшим за весь послевоенный период. Вновь повысилась смертность⁵⁵. С 1991-1992 гг. резкое падение уровня жизни в комплексе с другими факторами обернулись катастрофическим падением рождаемости в России с одновременным ростом смертности. Впервые смертность превысила рождаемость, началась депопуляция страны.

Рост численности населения крупнейших и крупных, преобладающей части больших городов осуществлялся главным образом за счет механического прироста населения, при постоянно сокращавшемся (за исключением небольших колебаний рождаемости в отдельные годы) естественном приросте. Чем крупнее был город, тем, как правило, относительно меньшим был естественный прирост населения и большей роль механического прироста в увеличении численности населения. Особенно это было характерно для Москвы, которая, с одной стороны, являясь столицей и РСФСР, и СССР, интенсивно притягивала население, а, с другой, не могла вследствие ряда причин, в том числе неблагоприятной возрастной структуры и репродуктивных установок населения, обеспечить даже самовоспроизводство горожан. Динамика рождаемости, смертности и естественного прироста в Москве отражена в таблице N 31.

Сопоставив ее данные с данными таблицы N 30, можно заметить, что показатели рождаемости в Москве в течение всего периода 1960-х - 80-х гг. были существенно ниже, чем в среднем среди горожан РСФСР, а смертность была выше. Соответственно, и показатели естественного прироста были меньше, причем в течение всех 1960-х - середины 80-х гг. они сокращались. Если в 1960 г. естественный прирост в Москве был примерно вдвое ниже, чем среди всех горожан республики, то в 1985 г. - более чем втрое. В 1986-1987 гг. произошел существенный рост этих показателей как в целом по РСФСР, так и по Москве (некоторые мероприятия по стимулированию рождаемости, изменению общественной обстановки с пробуждением надежд на лучшее изменили репродуктивное поведение горожан). С 1988 г. происходит постепенный спад рождаемости в стране в целом, тогда как в Москве

этот спад оказался "обвальным" - в 1989 г. впервые за многие десятилетия естественный прирост населения в Москве оказался отрицательным.

ТАБЛИЦА N 31. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения Москвы (на 1000 чел. населения)*.

год	число родившихся	число умерших	естественный прирост
1960	14,5	7,6	6,9
1965	10,8	8,5	2,3
1970	11,9	9,5	2,4
1980	13,6	11,7	1,9
1985	13,8	12,1	1,7
1986	14,3	11,5	2,8
1987	14,2	11,9	2,3
1988	13,1	12,0	1,1
1989	11,8	12,4	-0,6

* Таблица составлена по: Москва в цифрах. Краткий стат. сб. М., 1972. С. 6; Москва в цифрах. Стат. ежегод. М., 1990. С. 23.

За период 1960-х - 80-х гг. радикально изменилась роль российского города в воспроизводстве населения. Так, в 1960 г. в городе рождалось 47,9% россиян, в 1970 г. - 63,3%, в 1980 г. - 69,7%, в 1989 г. - 70,4%⁵⁶. Таким образом, к концу 1980-х гг. более чем 2/3 россиян рождалось в городе. Радикально изменилась и структура естественного прироста: в 1960 г. город обеспечивал 47,3% естественного прироста населения республики, в 1989 г. - почти 75%⁵⁷. Однако это свидетельствовало не о благополучии с рождаемостью и смертностью в городе, а об еще больших демографических проблемах в российской деревне, на которые накладывались процессы "вымывания" наиболее активного населения, продолжающейся миграции в города. В целом ряде регионов, особенно в Нечерноземье, произошло обезлюдение сельской местности, в других - неблагоприятно изменилась половозрастная структура сельских жителей. Так, если в целом по СССР сельское население уменьшилось с 1926 г. ко второй половине

1980-х гг. на 20%, то в Нечерноземье - примерно втрое, а в отдельных областях (Псковская, Калининская, Смоленская) до пяти раз. Депопуляция коснулась Рязанской, Тульской, Ивановской областей. За 1959-1989 гг. численность городского населения РСФСР выросла с 61,6 до 108,4 млн, то есть на 76%, тогда как численность сельского сократилась с 55,9 до 38,9 млн, то есть почти на 44%⁵⁸.

В целом за весь период 1960-х - 80-х гг. тенденции естественного воспроизводства городского населения были неблагоприятными, хотя и наблюдались определенные колебания в отдельные годы, связанные с изменениями возрастной структуры женщин репродуктивных возрастов, ситуационными факторами, в том числе мерами стимуляции рождаемости в семейной политике, и др. Так, суммарный коэффициент рождаемости, который показывает, сколько в среднем детей родила бы одна женщина на протяжении всей ее жизни при сохранении в каждом возрасте существующего уровня рождаемости, весь период был в российском городе ниже, чем средний коэффициент по союзному городу, и хотя общей тенденцией в 1960-е - 70-е гг. было его снижение, в РСФСР этот показатель снижался более существенно. Так, в 1958-1959 гг. коэффициент рождаемости в городах СССР составил 1,203, в 1965-1966 гг. - 1,913, в 1980-1981 гг. - 1,827; в городах России соответственно за те же годы - 2,057; 1,719; 1,667. Среди всех республик в 1980-1981 гг. в российском городе это был самый низкий показатель. В дальнейшем последовал некоторый рост коэффициента рождаемости - до 1,974 в 1987 г. с последующим снижением. В целом динамика коэффициента рождаемости в российских городах была близка, при некоторой специфике, динамике других славянских и прибалтийских республик СССР⁵⁹.

Важной демографической характеристикой является половая структура городского населения, которая отражена в таблице N 32.

Как видно из данных таблицы, динамика половой структуры городского населения РСФСР, особенно деформированная в годы войны, была положительной: доля мужчин и женщин в общем числе горожан постепенно сближались, за счет роста удельного веса мужского населения. Вместе с тем, для конкретных возрастных групп этот процесс был сложнее. Так, в 1959 г. удельный вес мужчин, изначально при рождении всегда превышающий процент женщин, сохранял это превышение вплоть до возрастной когорты 10-14 лет (включая ее), в 1970 г. - до 25-29 лет, в 1979 г. - до 10-14 лет, в 1989 г. - до 25-29 лет⁶⁰.

ТАБЛИЦА N 32. Динамика распределения городского населения РСФСР по полу (на 1000 чел. населения)*

год	мужчины	женщины
1959	449	551
1970	459	541
1979	461	539
1989	466	534

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. II. М., 1972. С. 19; Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1991. С. 31.

В целом же эта динамика не смогла преодолеть существенных деформаций в половой структуре городского населения РСФСР. Так, в большинстве развитых стран мира, включая Западную Европу, мужчины составляли в городском населении в начале-середине 1980 гг. 49-50%, тогда как показатель 46-47% свидетельствует о негативном влиянии социальных факторов, вызывающих в частности повышенную смертность мужского населения.

Возрастная структура городского населения России в 1960-е - 80-е гг. характеризовалась относительным постарением, которое отражено в данных таблицы N 33.

Так, удельный вес горожан моложе трудоспособного возраста (16 лет) сократился с 27,1% в 1959 г. до 22% в 1979 г. (при некотором росте - до 23,8% к 1989 г.). Демографические волны, миграционные процессы и другие факторы отразились на волнообразных тенденциях изменения удельного веса горожан в трудоспособном возрасте (мужчины - до 60 лет, женщины - до 55 лет), хотя эти колебания не были велики. Так, в 1959 г. горожане в трудоспособном возрасте составили 62,7% от общей численности городского населения, в 1970 г. - 60,9%, в 1979 г. - 63,3%, в 1989 г. - 58,9%. Более существенные различия были в динамике по отдельным возрастным когортам. Они характеризуются общим сдвигом к более старшим возрастам, увеличением среднего возраста горожан. Особенно отчетлива и стабильна тенденция роста удельного веса горожан старше трудоспособного возраста. Так, в 1959 г. они составили 10,2% всех городских жителей, а в 1989 г.

- 17,2%, причем в течение всего периода 1960-х - 80-х гг. шло увеличение этого показателя.

ТАБЛИЦА N 33. Удельный вес горожан в трудоспособном, моложе и старше трудоспособного возраста в составе городского населения РСФСР (в % ко всему городскому населению)*

Возрастная категория населения	1959	1970	1979	1989
Все городское население	100	100	100	100
Из него в возрасте:				
моложе трудоспособного	27,1	25,2	22,0	23,8
в трудоспособном	62,7	60,9	63,3	58,9
старше трудоспособного	10,2	13,9	14,7	17,2

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. II. М., 1972. С. 19; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 87.

Тенденция постарения населения универсальна для современных развитых государств, включая города, что связано с общим ростом продолжительности жизни. Однако РСФСР далеко отставала по ожидаемой продолжительности жизни при рождении от развитых стран, в большинстве из которых в 1980-е гг. был достигнут уровень 74-76 и более лет. В РСФСР высока была смертность в большинстве возрастных групп, в том числе младенческая смертность (в конце 1980-х гг. выше, чем в Литве, Латвии, Белоруссии, Украине - в 1,4-1,7 раза и выше, чем в США, Канаде, Австралии, Японии и ряде других развитых стран в 2-3 раза)⁶¹. Высока была смертность в трудоспособном возрасте, по причине высокого травматизма и несчастных случаев (в 1980-е гг. для данной возрастной категории - до 2/5 всей смертности), из-за болезней органов кровообращения и др.⁶² Гораздо выше уровень смертности, чем в экономически развитых странах, был от инфекционных и паразитарных заболеваний. Так, в молодых возрастах (15-35 лет) смертность от туберкулеза была в 40-50 раз выше, чем в США⁶³. Все это не могло не отразиться на дина-

мике средней продолжительности жизни. Так, по официальным данным, в 1958-1959 гг. ожидаемая продолжительность жизни для всего российского населения составила 67,9 лет, в 1970-1971 гг. - 68,9, а к 1979-1980 гг. она сократилась до 67,5 лет. Для мужского населения эта динамика была еще более неблагоприятной. В 1980-е гг., по официальным данным, этот показатель медленно рос, достигнув 69,6 лет в 1989 г.⁶⁴ Однако, и эти цифры не шли ни в какое сравнение, например, с Японией, которой удалось достичь самой высокой продолжительности жизни в мире - 80 лет для женщин, 76 лет для мужчин. На рубеже 1980-х - 90-х гг. слабые позитивные тенденции были прерваны воздействием на демографические процессы социальных катаклизмов: общественной нестабильностью, экономическим кризисом, распадом СССР, кровавыми этническими конфликтами в "ближнем зарубежье", угрозой гражданского противостояния в самой России, включая "центр".

Однако были демографические процессы, которые характеризовались негативными тенденциями не только в период "бедствий народных", но и в течение всех 1960-х - 80-х гг. К ним относится возникновение и углубление кризиса российской семьи.

Один из аспектов нарастания кризисных моментов в институте российской семьи представлен в таблице N 34, отражающей динамику браков и разводов. По этим данным косвенно можно оценить и тенденции в городской семье, поскольку в среднем за год в городе расторгалось браков в 5 раз больше, чем на селе.⁶⁵

Количество заключенных браков в РСФСР в 1960-е - 80-е гг. имело тенденцию к снижению. Так, при росте численности населения в республике со 118 млн человек в 1960 г. до 148 млн в 1990 г., то есть более чем на 25%⁶⁶, число заключаемых браков снизилось с 1,5 млн в 1960 г. до 1,3 млн в 1990 г., составив 88% от уровня 1960 г. В рамках периода происходили большие колебания в числе заключаемых браков, однако их число за отдельные годы никогда не превосходило начала 1960-х гг., тогда как в 1980-е гг. была стабильной тенденция сокращения. Одновременно росло количество разводов: пик был достигнут в начале 1980-х гг. (в 1980 г. было расторгнуто 580,7 тыс. браков). По сравнению с 1960 г. количество разводов в 1980-е гг. выросло в 3-3,1 раза. Существенно изменились и общие коэффициенты брачности и разводимости (число браков и разводов на 1000 человек). Так, коэффициент брачности в 1960 г. составил 12,5, а в 1990 г. - 8,9, до этого имея стабильную тенденцию к снижению на протяжении всего периода. Несколько иначе обстояло дело с коэффициентом разводимости, который с 1,5 в 1960 г. увеличился максимально к

1980 г., составив 4,2, а далее имел тенденцию к некоторому снижению (до 3,8 в 1990 г.). Если же брать разницу между коэффициентом брачности и разводимости, то этот показатель динамики численности семей на 1000 человек имел стабильную тенденцию к снижению (в 1960 г. число браков превышало число разводов, взятых на 1000 человек, на 11, а в 1990 г. - только на 5,1). Вместе с тем, разводы - не единственная причина прекращения браков: в 1970-е гг. в среднем за год до 50% браков в РСФСР прекращали существование из-за смерти одного из супругов, а 50% - из-за разводов, причем на 1000 супружеских пар приходилось в среднем 15 разводов в год⁶⁷.

ТАБЛИЦА N 34. Динамика браков и разводов и общих коэффициентов брачности и разводимости в РСФСР*.

год	число браков (тыс.)	число разводов (тыс.)	на 1000 человек	
			браков	разводов
1960	1499,6	184,4	12,5	1,5
1970	1319,2	396,6	10,1	3,0
1980	1464,6	580,7	10,6	4,2
1985	1389,4	574,0	9,7	4,0
1990	1319,9	559,9	8,9	3,8
1980 к 1960 в %	97,7	314,9	84,8	280,0
1990 к 1960 в %	88,0	303,6	71,2	253,3

* Таблица составлена и рассчитана по: Население СССР. 1987. Стат. сб. М., 1988. С. 190; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 96.

Важным показателем состояния института семьи является специальный коэффициент разводимости (число разводов в среднем за год на 1000 супружеских пар). В РСФСР этот коэффициент составил: в 1958-1959 гг. - 6,5, в 1969-1970 гг. - 13,3, в 1978-

1979 гг. - 17,5, в 1984-1985 гг. - 16,2, что практически за все годы превышало показатели других союзных республик, за исключением Латвии и Эстонии⁶⁸. Как видно из этих цифр, количество разводов, приходящихся на определенное число супружеских пар, с конца 1950-х к середине 80-х гг. выросло в несколько раз.

К 1980-м гг. в России сложилось положение, когда около половины мужчин и женщин в течении жизни расторгали брак. В среднем на каждые 5 зарегистрированных браков расторгалось 2, причем более 30% разводов приходилось на молодые семьи с семейным "стажем" до пяти лет⁶⁹. В 1980-е гг. эти тенденции усиливались.

Все эти и ряд других демографических процессов в городе были результирующей сложного комплекса тенденций и факторов разных уровней: общемировых тенденций современной техногенной цивилизации, заключающихся, прежде всего, в демографической революции; факторов, определявшихся общественной системой, динамикой ее развития в конкретный период; специфических республиканских процессов в рамках общесоюзных; факторов и тенденций, связанных с влиянием урбанизации, и др. Совокупность демографических "составляющих" обусловила тот итог, который с некоторыми оговорками можно определить как "демографический кризис".

Ситуация начала 1990-х гг., связанная с крушением общественных институтов, распадом СССР, политической нестабильностью и экономическим кризисом привела к прерыванию большинства из немногих имевшихся позитивных тенденций в демографических процессах, резкому усилению всех негативных моментов. Республика, по сути, оказалась в состоянии демографического коллапса.

3. Городской аспект этнических процессов

Национальный вопрос оказался гораздо более сложным, нежели это представлялось коммунистическим идеологам. Неоднократное декларирование о том, что этот вопрос, "оставшийся от прошлого, в Советском Союзе успешно решен" (XXVII съезд КПСС), так же как идеологические закланания о расцвете и сближении "социалистических наций", не спасли СССР от обвального распада: в ряду центробежных сил национальное самосознание и опиравшиеся на него националистические движения оказались среди самых мощных. В изначально построенном и

структурированном по национальному принципу Советском Союзе был заложен не только механизм "сглаживания" национальных противоречий и территориального расширения коммунистической империи путем образования и присоединения новых "союзных республик", но и предпосылка саморазрушения при малейшем ослаблении центральной власти на уже готовые составляющие. При этом достаточно было наполнить существовавшие государственные (республиканские) формы вместо коммунистического иным содержанием, заменив интернациональную идеологию националистической с опорой на экономические и иные интересы местных элит.

Однако та же проблема встала и перед Российской Федерацией. Ее государственная структура формировалась на основе той же политической логики "решения" национального вопроса, что и СССР в целом, только внутренние "национальные" образования вместо союзно-республиканского имели статус автономий разного уровня. Таким образом, государственные формы для сепаратизма под национальным флагом, подкрепленные большевистским же тезисом "права наций на самоопределение вплоть до отделения" оказались вполне подготовлены. Ситуация была усугублена в период "перестройки" и в условиях противостояния союзных и российских лидеров политическими ошибками, среди которых наиболее грубой явилось выдвижение популистского призыва брать столько суверенитета, сколько возможно: лозунг был тактическим, ситуативным, с целью завоевать сторонников в борьбе за власть, а последствия оказались стратегическими для судеб всей России.

Несомненна огромная роль города в этнических процессах и особенно городской интеллигенции в выдвижении и постановке национального вопроса в качестве политического. Поэтому анализ городского аспекта этнических проблем в РСФСР в течение последних десятилетий приобретает особое значение.

Изменение национального состава населения РСФСР происходило на основе действия преимущественно двух факторов: различий в естественном приросте, главным образом за счет повышенной рождаемости среди коренного населения ряда автономных республик, и различий в миграционной активности различных этносов. Для русского населения РСФСР, остававшегося самым многочисленным, оба фактора действовали не самым благоприятным образом: рождаемость неуклонно падала, а миграционная активность была высокой. Отток в течение многих десятилетий русского населения из республики был связан во многом с политикой центрального руководства СССР, регулировавшего раз-

мещение производства по всей территории страны и перемещение трудовых ресурсов. Целью ее провозглашался "подъем национальных окраин и выравнивание уровня жизни с "центром". В 1930-е - 50-е гг. основные сдвиги в размещении населения в СССР происходили в нескольких основных направлениях - на юго-восток (Средняя Азия, Казахстан, Закавказье), а также на север и восток (последние два направления - преимущественно за счет внутренних ресурсов республики). В 1960-е - 70-е гг. сальдо миграции также было в пользу юго-восточной зоны, в значительной части за счет российских людских ресурсов. Так, только за 1959-1972 гг. в Среднюю Азию прибыло 539 тыс. человек, в Казахстан - 787 тыс.

Как известно, миграция населения весьма значительна в любом современном, индустриализированном и урбанизированном обществе. Так, в США каждый гражданин в среднем несколько раз в течение жизни меняет место своего жительства и работы. В РСФСР миграция имела свои особенности. В большинстве регионов республики пик миграционного оттока из села в город миновал ранее, хотя он по-прежнему являлся основной причиной сокращения сельского населения. Его интенсивность существенно снизилась и составила в 1979-1988 гг. в среднем 9,3 человека на 1000 жителей против 14,6 в 1970-1978 гг.⁷¹ Ряд феноменов миграции был порожден влиянием командно-административной системы, вызвав в свою очередь связанные с ними последствия для различных аспектов жизни общества. Ведь сугубо научный, демографический термин "мигрант" приобрел в общественном сознании ряда регионов страны негативный оттенок, стал презрительной кличкой, а само явление породило (или обострило) клубок проблем: социальную напряженность, межнациональные противоречия. Десятки миллионов людей в СССР жили за пределами своих национально-государственных образований. Это было естественно для огромной и многонациональной страны. Неестественно другое - то, как, какими темпами, какие социальные контингенты людей перемещались по стране, зачастую вопреки интересам коренного населения и в отсутствие условий для их социальной и иной адаптации. Ведь не случайно по всему Союзу кочевали огромные миграционные "орды" с определенными социальными, культурными (с приставкой "анти-") и иными характеристиками, воспринимавшиеся местным населением как временщики, по своей природе неспособные считаться с интересами земли, на которой живут, и ее коренных жителей.

Были ли объективные основания для такого восприятия мигрантов и насколько этот образ соответствовал действительности?

В отличие от стран с рыночной экономикой в СССР не было рынка труда. Все огромные перемещения трудовых ресурсов между республиками и регионами страны прямо или косвенно определялись директивной политикой центральных министерств и ведомств. В условиях экстенсивной экономики рабочая сила рассматривалась как пассивный элемент производственного процесса. При ее территориальном и межотраслевом перераспределении игнорировались культурный и профессионально-квалификационный уровень работников, демографические, национальные, социальные особенности и т.д. "Остаточный" принцип в социальной политике приводил зачастую к полному игнорированию ведомствами необходимости создания условий для адаптации привлекаемой ими рабочей силы, социального развития территорий, на которых размещались их промышленные и иные объекты.

Безусловно, индустриальное развитие и урбанизация являлись объективной причиной роста миграционной подвижности населения. Она тесно коррелировала с этими процессами. С течением времени подвижность населения явно увеличивалась. Однако при общем повышении миграционной мобильности различия между отдельными национальностями были весьма велики. Наибольшей мобильностью отличались русские, народы Прибалтики, белорусы, украинцы, казахи¹². Огромные различия в этих показателях были связаны с хозяйственными укладами разных народов, национальными традициями, не считаться с которыми было нельзя. Вместе с тем, экономическая политика министерств и ведомств ориентировалась преимущественно на собственные интересы, а не на интересы общества и отдельных территорий с живущими на них народами. Так, при высоком естественном приросте населения в республиках Средней Азии политика по индустриализации региона опиралась в значительной степени на привлеченную рабочую силу из других республик, особенно из РСФСР. Казалось бы, противоположностью является другой, труднедостаточный регион, но с более высоким культурным и квалификационным уровнем населения - Прибалтика. Но и там для ведомств нашлось немало привлекательного для размещения явно несоответствующих структуре трудовых ресурсов производств. И туда, начиная с послевоенных лет, хлынул поток малоквалифицированной, с низкими культурными и социальными характеристиками рабочей силы, к тому же за короткое время резко изменившийся национальный состав республик, грозивший малые нации превратить в этническое меньшинство. Была ли это сознательная имперская политика или только сугубо ведомственный, хозяйственный эгоизм, определить сегодня сложно. Но факт тот, что та-

кие процессы преподносились официальной пропагандой как достижение национальной политики, одно из проявлений "равенства" народов страны, "выравнивания". В действительности была попытка унификации уровня и условий их жизни, органичной для тоталитарной системы. Результатом стало перемещение огромных масс россиян за пределы РСФСР, вызвав в ряде союзных республик резкий сдвиг этнического состава, усилив националистические настроения.

Вместе с тем, от такой политики пострадали не только регионы страны, в которые направлялись мощные миграционные потоки, а в первую очередь территории их массового исхода и сами "мигранты".

Население в 1960-е - 80-е гг. "отдавали" многие российские территории, в частности ранее поглощавшие миграционный приток Западная Сибирь и Урал. Основным ареалом оттока русского населения были также Центр и Поволжье.

Политика СССР, в которой русская нация использовалась в качестве "цементирующего материала", вела к целенаправленному оттоку значительной части квалифицированных и наиболее дееспособных русских "кадров" за пределы республики. Процесс оттока, будучи очень интенсивен в период "социалистического строительства", продолжался и в последующие десятилетия, в том числе в 1960-е - 80-е гг., хотя и с меньшей интенсивностью. Русское население за пределами РСФСР росло намного быстрее, чем в самой России: между переписями 1959 и 1970 гг. - втрое, между 1970 и 1979 гг. - вдвое. Так, в 1959 г. за пределами РСФСР проживало 16,3 млн, или 14,3% всех русских, в 1989 г. - 25,3 млн, или 17,4%⁷³. Массовая миграция за пределы республики вела к размыванию русской нации, ее обескровливанию. Наряду с закономерным в период урбанизации сокращением темпов естественного прироста, этот процесс отразился на динамике численности и удельного веса русских в составе городского населения РСФСР. Причем за счет оттока за пределы республики Россия потеряла наиболее квалифицированное и образованное, преимущественно городское население: в союзных республиках русские не только оказались по численности второй национальностью, но и были почти исключительно горожанами, более того - жителями крупных городов, в том числе республиканских столиц, составляя преимущественно интеллигенцию (производственную, гуманитарную, творческую) и квалифицированные слои рабочих городских отраслей экономики⁷⁴. "Выкачивание" людских ресурсов за пределы Российской Федерации явилось одним из важнейших факторов, приведших к тому, что за 1959-1989 гг. из всех

коренных национальностей республики темпы прироста русских в составе горожан были среди самых низких, ниже общих темпов прироста городского населения за те же годы.

ТАБЛИЦА N 35. Удельный вес наиболее многочисленных национальностей в составе всего городского населения РСФСР (в % ко всему и городскому населению республики)*.

Год	Коренные национальности среди населения РСФСР		Другие наиболее многочисленные национальности среди населения РСФСР	
	всего	горожан	всего	горожан
	русские		украинцы	
1926	77,8	84,9	7,4	4,0
1959	83,3	87,2	2,9	3,3
1970	82,8	87,5	2,6	2,9
1979	82,6	86,7	2,7	2,9
1989	81,5	85,2	3,0	3,2
	татары		белорусы	
1959	3,5	2,8	0,7	0,9
1970	3,7	2,9	0,7	0,9
1979	3,6	3,1	0,8	0,9
1989	3,8	3,4	0,8	0,9
	чуваши		евреи	
1959	1,2	0,4	0,7	1,4
1970	1,3	0,6	0,6	1,0
1979	1,2	0,7	0,5	0,7
1989	1,2	0,8	0,4	0,5
	мордва		немцы	
1959	1,0	0,5	0,7	0,6
1970	0,9	0,5	0,6	0,4
1979	0,8	0,5	0,6	0,4
1989	0,7	0,5	0,6	0,4

* Таблица составлена и рассчитана по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. III, IV. М., 1926; Народность и родной язык населения СССР. Т. XVII, XIV. Табл. 6. М., 1926; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 304; Там же. СССР. Сводный том. М., 1962. С. 202; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. М.,

1973. С. 12; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. I. Ч. I. Кн. I. М., 1980. С. 5, 20, 48, 59-60; Население СССР. Справочник. М., 1983; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 11-13; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегод. М., 1990. С. 74.

На национальный состав городского населения, естественно, определяющее влияние оказывали численность и удельный вес в республике конкретных национальностей, а также динамика "урбанизированности" наций (см. таблицу N 35).

Самой многочисленной в республике нацией были русские. Вплоть до конца 1950-х гг. росли не только численность, но и удельный вес русских в составе населения РСФСР, несмотря на огромные потери в войнах и активную миграцию за пределы республики (в 1926 г. они составляли 77,8% всего населения, в 1959 г. - 83,3%). В дальнейшем происходит постепенное, но существенное сокращение удельного веса: 1970 г. - 82,8%, 1979 г. - 82,6%, 1989 г. - 81,5%¹⁵. Русская нация, явившаяся основой формирования Российской государственности, естественно, была в числе самых урбанизированных на всей территории страны, особенно в РСФСР. Это отразилось на превышении удельного веса русских среди горожан над показателями удельного веса русских среди всего населения: так, в 1926 г., составив 77,8% среди всех жителей РСФСР, среди горожан русские составили 84,9%. В конце 1950-х гг. этот разрыв был уже существенно меньше (83,3 и 87,2% соответственно). Однако общие тенденции сокращения удельного веса русской нации среди жителей России отразились и на процессах в городе: удельный вес русских среди горожан к 1989 г. сократился до 85,2%. Сокращение на деле было значительно существеннее, так как следует учитывать и мощный ассимиляционный процесс, при котором представители других наций, утратив родной язык и национальное самосознание, либо из иных побуждений, "записывались" русскими вместе с детьми, в том числе от широко распространенных смешанных браков. В последнем случае для детей, как правило, выбиралась основная "государственная" национальность, иногда даже если ни один из родителей не являлся русским. Такие искажения фактического положения особенно велики были в материалах переписей населения, в которых данные фиксировались в основном на основании заявлений самих опрашиваемых. В городах процесс ассимиляции был более интенсивным, особенно в крупных многонациональных центрах (ниже этот процесс рассматривается подробнее).

Вернемся к таблице N 35. Ее данные показывают, что несмотря на изменения в национальном составе, происходившие в 1960-е - 80-е гг. и среди всего населения РСФСР, и среди горожан республики, русские оставались абсолютно преобладающей нацией (более 4/5 всего населения). Среди других крупных национальностей (по нисходящей) в конце 1980-х были татары, украинцы, чувашаи, башкиры, белорусы, мордва, причем за три десятилетия в их численности и в соотношении их удельного веса произошли значительные изменения. Так, в 1959 г. башкиры были на 6-м месте в республике, а к 1989 г. передвинулись по численности населения на 5-е за счет большего естественного прироста, тогда как численность мордвы не только не выросла, но и существенно сократилась - с 1,2 млн в 1959 г. до менее чем 1,1 млн в 1989 г., так что с 5-го места они переместились на 7-е⁷⁶. Аналогичные процессы протекали в рамках каждой национальности, однако в каждом конкретном случае можно говорить о влиянии того или иного конкретного фактора или их сочетания. Так, для татар, чувашей и башкир был характерен высокий естественный прирост и стремление к этническому самосохранению (при том, что, например, основная часть татарского населения проживала за пределами своего национально-государственного образования - Татарской АССР, что являлось фактором, стимулировавшим ассимиляцию). Значительной была ассимиляция украинского и белорусского населения, что облегчалось близостью восточно-славянских народов по языку, культуре, мировосприятию. Однако, был и приток извне, так что при относительно небольшом естественном приросте численность их росла стабильно, а удельный вес в основном сохранялся. На численности и удельном весе евреев, находившихся в 1959 г. на 7-м месте (875 тыс.), сказался в первую очередь массовый выезд из страны, в существенно меньшей степени - ассимиляция: в 1989 г. их численность составила 537 тыс., и они переместились на 14-е место. Численность немецкого населения (1959 г. - 820 тыс., 10-е место) почти не увеличилась - вследствие эмиграции и ассимиляции (1989 г. - 842 тыс.), однако по удельному весу они оказались на 9-м месте.

Несомненно, общая численность и удельный вес каждой из национальностей в составе всего российского населения отражались и на аналогичных показателях в составе городского населения, однако степень урбанизированности наций была различной, поэтому более многочисленные нации в городе могли быть представлены незначительно, и наоборот. Так, например, татары - самая многочисленная нация в РСФСР после русских - в городе вплоть до 1970-х гг. были на третьем месте после украинцев, но

постепенно опередили их, составив в 1989 г. 3,4% городского населения, тогда как украинцы - 3,2%. Более быстрыми темпами, нежели естественный прирост и рост удельного веса в составе всего населения, происходила урбанизация чувашей. Так, в 1959 г. чуваша составляли 0,4% всего городского населения РСФСР, тогда как к 1989 г. - 0,8%, и это - при сохранении удельного веса нации в составе всего российского населения (1,2%). При сокращении удельного веса мордвы (с 1,0% в 1959 г. до 0,7% в 1989 г.) среди российского населения, их удельный вес в составе горожан России сохранился на уровне 0,5%, что свидетельствует о повышении степени урбанизированности нации. А вот у белорусов не ярко выражена, но иная картина: их удельный вес незначительно увеличился в составе всего населения (с 0,7% в 1959 г. до 0,8% в 1989 г.) при сохранении удельного веса среди горожан (0,9%). Произошло резкое сокращение удельного веса евреев в составе горожан России (с 1,4% в 1959 г. до 0,5% в 1989 г.), что соответствовало параллельному, но менее ярко выраженному сокращению их удельного веса в составе всего населения (с 0,7 до 0,4%). Аналогичный, но менее интенсивный процесс, был характерен для немецкого населения.

Стоящую за процессами изменения удельного веса наиболее крупных национальностей динамику их численности более подробно отражает таблица N 36, данные которой наглядно показывают огромный разрыв в темпах роста численности отдельных национальностей среди горожан России.

Так, рост численности всего городского населения за 1959-1989 гг. составил 175,2%. Близки к этому показателю темпы роста численности славянского населения (русские - 171,1%, украинцы - 169,3%, белорусы - 175,3%), мордвы (174,2%). Единственной национальностью, чья численность сократилась, причем более чем на 1/3 (до 63,6%), были евреи, а рост численности немцев-горожан составил 125,2%. Динамика численности остальных национальностей характеризовалась превышением средних показателей, причем численности чеченцев в российском городе выросла более чем в 8 раз, тувинцев - в 7,5 раз, кабардинцев и азербайджанцев - примерно в 6 раз, марийцев - почти в 5 раз; в 2,5-4 раза увеличилась численность башкир, чувашей, удмуртов, казахов, осетин, якутов, народностей Севера и др. Выше средних темпов роста численности были показатели у татар (в 2,3 раза), армян (в 2,2 раза) и др.

Помимо влияния на этнический состав населения российского города, динамика численности представителей отдельных наций среди горожан изменила и степень урбанизированности каждой из

ТАБЛИЦА N 36. Динамика численности наиболее многочисленных национальностей в составе горожан РСФСР (тыс. человек)*.

	1959	1970	1979	1989	1989 г. в % к 1959 г.
Все городское население	61611,1	80981,1	94942,3	107959,0	175,2
русские	53724,9	70664,0	82325,7	91948,0	171,1
татары	1717,5	2362,3	2917,4	3933,0	229,0
украинцы	2010,0	2338,6	2738,5	3402,2	169,3
белорусы	549,9	702,8	817,2	964,1	175,3
чувашаи	266,3	452,6	633,8	883,6	331,8
башкиры	172,3	288,0	446,0	662,5	384,5
мордва	321,6	393,3	469,9	560,1	174,2
евреи	830,2	771,1	679,8	528,2	63,6
немцы	360,2	358,8	403,5	450,8	125,2
армяне	171,6	215,7	268,8	376,6	219,5
удмурты	133,6	212,7	208,9	344,2	257,6
осетины	88,2	171,7	217,3	266,3	301,9
марийцы	55,0	111,9	180,1	261,9	476,2
чеченцы	28,7	115,7	172,1	240,6	836,9
азербайджанцы	40,3	56,6	102,7	237,3	588,8
казахи	69,0	107,4	147,7	235,4	341,2
аварцы	26,0	69,4	113,4	175,9	676,5
буряты	41,9	75,7	120,4	175,2	418,1
кабардинцы	27,9	64,8	117,2	170,9	612,5
коми	101,8	112,5	140,2	163,8	160,9
кумыки	41,2	74,3	96,0	125,7	305,1
лезгины	16,3	39,7	65,2	113,3	695,1
якуты	40,0	61,5	81,7	105,3	263,3
даргинцы	21,5	47,8	68,2	103,2	480,0
ингуши	6,0	45,4	60,8	80,9	1348,3
тувинцы	8,8	23,6	37,1	65,6	745,5
Народности Севера	12,9	26,4	34,4	47,0	364,3

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 304-307;

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. М., 1973. С. 49-50; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. IV. Ч. I. Кн. I. М., 1980. С. 59-63; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 11-13.

наций (см. таблицу N 37).

В Российской Федерации было много "сельских" наций, ряд из которых на протяжении 1960-х - 80-х гг. перешли в категорию "городских", то есть удельный вес горожан в их составе превысил половину общей численности национальности. Однако значительная часть народов России и в конце 1980-х не вошла в число "городских". Среди самых "урбанизированных" наций на протяжении всего периода оставались евреи, из которых в 1959 г. 94,8%, а в 1989 г. - 98,4% проживало в городе. Более других было урбанизировано славянское население (украинцы: в 1959 г. - 59,8%, в 1989 г. - 78,0%; белорусы: соответственно 65,2 и 79,9%; русские - 54,8 и 76,7%), армяне (67,0 и 70,8%), азербайджанцы (56,8 и 70,6%), грузины (58,5 и 84,4%). В разряд "городских" наций за этот период перешли также татары (1959 г. - 42,2%, 1989 г. - 65,8%), осетины (35,6 и 66,2%), приблизившись по уровню урбанизированности к самым "продвинутым" нациям. В эту категорию вошли также немцы (43,9 и 53,9%), мордва (26,6 и 52,2%), карелы (30,0 и 61,2%). В целом процесс был весьма интенсивным, хотя итог его к концу 1980-х гг. зависел и от исходных анализируемых показателей урбанизированности конкретных наций в конце 1950-х гг., и от темпов естественного прироста сельского населения в составе национальности. Так, при более чем восьмикратном увеличении численности чеченцев в российском городе нация так и осталась "сельской" (1959 г. - 10,9% горожан в составе нации, 1989 г. - 26,8%). Большой рывок, приблизившись к 50% рубежу, сделали чуваша, башкиры, удмурты, коми, буряты, кабардинцы и др. Вместе с тем, ряд народов, продвинувшись по пути урбанизации, и в конце 1980-х гг. не достигли даже показателя 40% горожан в своей среде (народности Севера, тувинцы, казахи и др.). Более урбанизированными были нации, ранее вступившие на этот путь (восточные славяне), а также некоренные для республики, оседавшие при миграции преимущественно в городах (представители крупных этносов Закавказья, евреи и др.). Быстрее других урбанизовались коренные этносы, значительная часть представителей которых проживала за пределами своих национально-территориальных образований, либо таковых не имела (татары, мордва, немцы, карелы и др.)⁷⁷.

ТАБЛИЦА N 37. Удельный вес горожан в составе наиболее многочисленных национальностей РСФСР (в % ко всем лицам данной национальности в республике)*.

	1959	1989
русские	54,8	76,7
татары	42,2	65,8
украинцы	59,8	78,0
белорусы	65,2	79,9
чувашаи	18,5	49,8
башкиры	18,1	49,3
мордва	26,6	52,2
евреи	94,8	98,4
немцы	43,9	53,5
армяне	67,0	70,8
удмурты	21,7	48,1
осетины	35,6	66,2
марийцы	11,0	40,7
чеченцы	10,9	26,8
азербайджанцы	56,8	70,6
казахи	18,0	37,0
буряты	16,7	42,0
кабардинцы	13,9	44,3
коми	2,3	48,8
якуты	16,9	27,7
тувинцы	8,8	31,3
Народности Севера	10,2	25,8
карелы	30,0	61,2
калмыки	22,7	49,7
адыгейцы	14,1	41,5
грузины	58,5	84,4

Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 300-308; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. IV. Ч. I. Кн. I. М., 1980. С. 48-71; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 11-13.

ТАБЛИЦА N 38. Динамика удельного веса наиболее многочисленных национальностей в составе горожан РСФСР (в %)*.

	1959	1970	1979	1989
Все городское население	100	100	100	100
в том числе:				
русские	87,2	87,3	86,7	85,2
татары	2,8	2,9	3,1	3,4
украинцы	3,3	2,9	2,9	3,2
белорусы	0,9	0,9	0,9	0,9
чувашаи	0,4	0,6	0,7	0,8
башкиры	0,3	0,4	0,5	0,6
мордва	0,5	0,5	0,5	0,5
евреи	1,4	1,0	0,7	0,5
немцы	0,6	0,4	0,4	0,4
армяне	0,03	0,3	0,3	0,4
удмурты	0,2	0,3	0,3	0,3
осетины	0,1	0,2	0,2	0,3
марийцы	0,1	0,1	0,1	0,2
чеченцы	0,05	0,1	0,2	0,2
азербайджанцы	0,01	0,1	0,1	0,2
казахи	0,1	0,1	0,1	0,2
буряты	0,1	0,1	0,1	0,2
кабардинцы	0,01	0,1	0,1	0,2
коми и коми-пермяки	0,02	0,1	0,1	0,1
якуты	0,01	0,1	0,1	0,1

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 300-308; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. IV. Ч. I. Кн. I. М., 1980. С. 48-71; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 11-13.

Процесс урбанизации различных этносов оказал влияние на общую национальную структуру российского города преимущественно в тех случаях, когда он затрагивал крупные этнические группы, к которым относится примерно 10-15 национальностей. Общая картина динамики удельного веса наиболее крупных национальностей, проживавших в российском городе, представлена в таблице N 38.

Сокращение за 1959-1989 гг. удельного веса русских (на 2%), евреев (на 0,9%), немцев (на 0,2%), украинцев (на 0,1%) сопровождалось ростом среди горожан удельного веса татарского населения (на 0,6%), чувашей (на 0,4%), башкир (на 0,3%), осетин (на 0,2%), удмуртов, марийцев, казахов, бурят, армян, кабардинцев, якутов, - каждой национальности на 0,1-0,2%, а также многих относительно малочисленных национальных групп, каждая из которых в отдельности не могла существенно повлиять на общую картину, но в совокупности процесс урбанизации малых наций отразился на общих тенденциях, потеснив, особенно в ряде регионов, старые "городские" нации.

Естественный для многонациональной страны процесс ассимиляции малочисленных (относительно основных наций) народов происходил и в российском городе. Одним из проявлений его было значительное распространение смешанных браков (см. таблицу N 39).

Так, с 1959 по 1989 гг. доля этнически смешанных семей в российском городе выросла с 10,8 до 15,4%. Вместе с тем, эти процессы в РСФСР характеризовались меньшей интенсивностью, чем в большинстве союзных республик и в среднем по СССР. Так, в городских поселениях в целом по Союзу в 1970 г. было 17,5% смешанных браков, в 1979 г. - 18,1%, в 1989 г. - 20,2%, то есть каждая пятая городская семья была национально-смешанной⁷⁸. Хотя в российском городе и наблюдался некоторый рост доли этнически смешанных семей (в отличие от республик Закавказья, где, напротив, шел процесс сокращения удельного их веса либо стабилизации, как в Азербайджане), однако он был менее интенсивен, чем в большинстве республик Прибалтики, Средней Азии, и особенно на Украине, в Белоруссии и Молдавии. Связано это, очевидно, в первую очередь с тем, что, при чрезвычайно многообразном этническом составе населения РСФСР миграционная подвижность большинства этнических групп преимущественно не выходила за рамки собственной этнической территории (автономных республик, краев, областей), тогда как миграция русского населения за пределы РСФСР была особенно велика. В республиках, в которых на одной территории был максимально по-

лиэтничен состав населения, наблюдалось и наибольшее количество смешанных браков. Особенно широко распространены были браки между представителями близких национальностей (между восточными славянами Украины, Белоруссии, РСФСР на соответствующих территориях). Так, в Белоруссии и на Украине до 31-32% городских семей в 1989 г. были этнически смешанными. При многонациональности Казахстана, Молдавии, Латвии доля этнически смешанных городских семей там также либо приближалась

ТАБЛИЦА N 39. Доля этнически смешанных семей среди горожан союзных республик (на 1000 семей)*

Союзные республики	1959	1979	1989
РСФСР	108	132	154
Украинская ССР	263	299	317
Белорусская ССР	237	295	310
Узбекская ССР	147	173	201
Казахская ССР	175	239	263
Грузинская ССР	164	155	170
Азербайджанская ССР	118	121	115
Литовская ССР	104	152	157
Молдавская ССР	269	360	384
Латвийская ССР	213	271	297
Киргизская ССР	181	216	229
Таджикская ССР	167	231	256
Армянская ССР	50	49	47
Туркменская ССР	149	199	214
Эстонская ССР	142	186	202

* Таблица составлена по: Население СССР. Справочник. М., 1983. С. 99; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Ч. IV. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, занятиям, характеристика семей по национальностям членов семей, числу детей, занятых членов семей, числу рожденных детей. М., 1992. С. 334-335, 342; Сборник аналитических докладов по материалам переписи населения 1989 года. М., 1992. С. 96-98.

к 30%, либо, как в Молдавии, существенно превосходила этот уровень (38,4%).

Одним из главных аспектов ассимиляции была языковая ассимиляция, причем именно русский язык естественным образом становился доминирующим в этом процессе. Так, в 1979 г. из всех горожан, считавших родным язык другой национальности, 98% считали родным русский и лишь 2% - какой-либо другой язык⁷⁹.

Процесс языковой ассимиляции в российском городе в 1959-1989 гг. отражен в данных таблицы N 40.

ТАБЛИЦА N 40. Языковая ассимиляция городского населения РСФСР*.

год	городское население (тыс.)	русские (тыс.)	представители других народов	считающие родным русский язык	
				тыс.	% от нерусского населения
1959	61611,1	53724,9	7886,2	3238,0	41,1
1970	80981,1	70664,0	10317,1	4085,7	39,6
1979	94942,3	82325,7	12616,6	4939,7	39,2
1989	107959,0	91948,0	16011,0	**	**
1989 к 1959 в %	175,2	171,1	203,0	**	**

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 300-308; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. IV. Ч. I. Кн. I. М., 1980. С. 59; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 11-13.

** Нет данных.

Следует подчеркнуть, что языковая ассимиляция в городе протекала значительно более интенсивно, нежели на селе, где и общая численность представителей нерусских национальностей, считавших родным языком русский, и их удельный вес в составе сельского населения были существенно ниже. Данные таблицы показывают, что темпы прироста русского населения в городе были в 1959-1989 гг. ниже, чем у других народов (соответственно 171,1 и 203,0%). Вместе с тем, русские составляли абсолютное большинство среди горожан России, росла и абсолютная численности представителей других народов, считавших родным русский язык (1959 г. - 3,2 млн, 1970 г. - 4,1 млн, 1979 г. - 4,9 млн). Однако в этот период можно говорить о некотором снижении интенсивности языковой ассимиляции: в 1959 г. 41,1% нерусского городского населения считали родным языком русский, в 1970 г. - 39,6%, в 1979 г. - 39,2%). Вероятно, фактически дело обстоит все же иначе: значительная часть нерусского по происхождению населения оказалась в ходе переписей населения в категории русских, отразив завершающийся процесс ассимиляции, а именно, - изменение национального самосознания. С другой стороны, мощный приток в города нерусского населения в определенной мере затормозил интенсивность процесса языковой ассимиляции.

Ассимиляционные процессы были естественны для российского города прежде всего потому, что русское население было абсолютно преобладающим в подавляющем большинстве из них, а там, где присутствовало несколько градообразующих (более 1% населения, по классификации В.С.Сметанича) или несколько градоопределяющих (более 10% населения) национальностей, русский язык являлся языком межнационального общения. Для российских городов был характерен очень ограниченный набор градообразующих и особенно градоопределяющих национальностей. Так, в 1970 г., по подсчетам В.С.Сметанича, из 131 важнейших российских городов всего 4, причем являвшихся центрами автономных республик, насчитывали более шести градообразующих национальностей (Грозный, Махачкала, Нальчик и Орджоникидзе) и лишь 1 - три градоопределяющих (Махачкала). Двухнациональных из числа "нестоличных" городов в 1970 г. было всего 3, то есть таких, где две национальности составляли более 10% (кроме русских более 10% в Магадане составляли украинцы, а в Салавате и Стерлитамаке - татары). Во всех без исключения важнейших городах РСФСР русские являлись градоопределяющей национальностью, причем в 127 они составляли более половины населения (исключением являлись Чебоксары, в которых преобладающей национальностью были чуваша, а также Махачкала,

Орджоникидзе и Сыктывкар, где ни одна из национальностей не составляла более половины населения). В ряде старорусских городов европейской части страны (Владимир, Вологда, Воронеж, Курск, Новгород и др.) русские составляли свыше 95% населения. Широко были представлены в населении городов России украинцы, в 129 из 131 важнейших городов (кроме Казани и Коврова) являвшихся градообразующей национальностью, а в одном - Магадане - градоопределяющей. В более чем половине городов РСФСР свыше 1% составляли татары, которые в своей столице Казани, а также в соседней республике Башкирской АССР в городах Уфа, Салават, Стерлитамак являлись градоопределяющей национальностью. В формировании многих российских городов существенную роль играли белорусы, евреи, немцы, чуваша. Почти все самые крупные национальности выступали в качестве градообразующих в одном или нескольких из важнейших городов. В большинстве столиц автономных республик коренные национальности являлись градоопределяющими и по численности занимали второе после русских место. Из центров автономных областей только евреи в Биробиджане являлись градоопределяющей национальностью, а в остальных удельный вес основной национальности не достигал 10%. Национальности, имевшие союзные республики, как правило, являлись градообразующими в городах России, расположенных относительно недалеко от этих республик (более 1% составляли армяне в Армавире, Грозном, Краснодаре, Майкопе, Новороссийске, Ростове-на-Дону, Сочи и Ставрополе, грузины - в Нальчике, Орджоникидзе и Сочи, азербайджанцы - в Махачкале, литовцы - в областном Калининграде)⁸⁰.

По нашим данным, радикальных изменений в этой общей картине к концу 1980-х гг. не произошло, тем более в том, что касается автономных, краевых и областных центров. Изменения характеризуются лишь отдельными количественными показателями. Так, украинцы и в Казани приблизились к 1% в городском населении. В ряде городов произошло уменьшение удельного веса русских, так что они стали составлять менее половины населения (в Нальчике - 44%, в Элисте - 44,7% и т.д.), а также определенные сдвиги в удельном весе некоторых других национальностей⁸¹.

Таким образом, этнические процессы в российском городе в 1960-е - 80-е гг. продолжили тенденции, обозначившиеся еще в предыдущий период, и отразили весь комплекс проблем и противоречий, характерных для Союза в целом: сокращение удельного веса русских в составе горожан при сохранявшемся их абсолютном преобладании в городах республики; повышение степени ур-

банизированности всех национальностей, но сохранение существенного разрыва по этому показателю между отдельными этническими группами, в том числе значительного отставания многих "титულных" национальностей российских автономий; усиление ассимиляции городского населения через распространенные межнациональные браки, утрату знания родного языка с переходом на русский и потерю национального самосознания широкими слоями горожан. Все это одновременно сопровождалось "выращиванием" национальных элит в автономных республиках, укреплением их положения, расширением привилегий относительно "русскоязычного" населения и развитием завуалированного национализма. Именно этот комплекс противоречий, наложившийся на сложные взаимоотношения между центром и регионами, стал питательной почвой для центробежных тенденций в условиях "перестройки", последующего распада СССР и ослабления центральной власти.

Примечания

- 1 Покшишевский В.В. Население и география. М., 1978. С. 139.
- 2 Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990. С. 509.
- 3 Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Стат. ежегод. М., 1987. С. 264.
- 4 Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1978. С. 458.
- 5 Рассчитано по: Корель Л.В. Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982. С. 36.
- 6 Рассчитано по: Население СССР. 1987. Стат. сб. М., 1988. С. 8, 112; Демографический ежегодник СССР. 1990. С. 31, 91, 509; Население СССР. 1988. Стат. ежегод. М., 1989. С. 8, 40; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 77.
- 7 Население СССР. 1987. С. 8; Демографический ежегодник СССР. 1990. С. 32.
- 8 См.: Хорев Б.С. Проблемы городов. М., 1971.
- 9 Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. X. М., 1981. С. 5, 7, 13; Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 37.
- 10 Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. VII. М., 1974. С. 9; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. X. С. 5, 7, 13; Население СССР за 70 лет. С. 37.
- 11 Проблемы социального развития крупных городов. Л., 1982. С. 48.
- 12 Народонаселение стран мира. С. 462-470.
- 13 См.: Социальные факторы и особенности миграции в СССР. М., 1978. С. 108-110.
- 14 Там же. С. 111-113.
- 15 Население СССР. 1973. М., 1975. С. 188-189; Демографический ежегодник СССР. 1990. С. 542-548.
- 16 Социология и проблемы социального развития. М., 1978. С. 174.
- 17 Удальцова М.В. Городская агломерация как социально-экономическая система. Томск, 1985. С. 97.
- 18 Хорев Б.С. Проблемы городов. М., 1975. С. 246.

- 19 См.: Воробьев В.В., Гладышева Е.Н., Переведенцев В.И., Покшишевский В.В. Об основных закономерностях миграции // Материалы к IV съезду Географического общества. Ч. II. Л., 1964. С. 40; Занятость в небольших городах. М., 1978. С. 71.
- 20 Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. VII. С. 163.
- 21 Рассчитано по тем же данным.
- 22 См.: География и практика народного хозяйства СССР. М., 1979. С. 112-123.
- 23 См.: Аитов Н.А. Социальное развитие регионов. М., 1985. С. 146.
- 24 Удальцова М.В. Указ. соч. С. 122.
- 25 См.: Там же.
- 26 Советский город: социальная структура. М., 1988. С. 225.
- 27 Хорев Б.С. Указ. соч. С. 267.
- 28 Советский город: социальная структура. С. 225.
- 29 Бойко В.В. Малодетная семья. Социально-психологическое исследование. М., 1980. С. 29-30.
- 30 Подробнее см.: Социальная активность рабочей молодежи автономных республик. Межвузовский сб. научн. тр. Чебоксары, 1988. С. 29-30.
- 31 Социальное развитие рабочего класса СССР. М., 1977. С. 27.
- 32 Человек и общество. Выпуск XIX. Проблемы социального развития крупных городов. Л., 1982. С. 41.
- 33 Титма М.Х., Саар Э.А. Молодое поколение. М., 1986. С. 72-74.
- 34 Урбанизация и развитие городов в СССР. Л., 1985. С. 129-130.
- 35 Аитов Н.А. Социальное развитие регионов. М., 1985. С. 120.
- 36 Там же. С. 121.
- 37 Население СССР. 1987. С. 50-53.
- 38 Миграция сельского населения. Новосибирск, 1969. С. 91.
- 39 Удальцова М.В. Указ. соч. С. 123.
- 40 См.: Корель Л.В. Указ. соч. С. 37.
- 41 Старицов Е. Россия и "другие русские" // Знамя. 1993. N 2. С. 191.
- 42 Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 102.
- 43 Семья в СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990.
- С. 4.
- 44 См.: Там же. С. 6 - 10.
- 45 Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 97.
- 46 Демографический ежегодник СССР. 1990. С. 359, 388.
- 47 СССР и зарубежные страны. 1987. Стат. сб. М., 1988. С.352; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. С. 349.
- 48 Там же; Демографический ежегодник СССР. 1990. С. 492; Население СССР. 1987. Стат. сб. М., 1988. С. 345.
- 49 Демографический ежегодник СССР. 1990. С. 492; Население СССР. 1987. С. 345.
- 50 Население СССР. 1988. С. 416, 435; Демографический ежегодник СССР. 1990. С. 363.
- 51 Население СССР. 1988. С. 5.
- 52 Бойко В.В. Указ. соч. С. 36.
- 53 См.: Население СССР. 1987. С. 129; Демографический ежегодник СССР. 1990. С. 99.
- 54 Население СССР. 1987. С. 112; Демографический ежегодник СССР. 1990. С. 91.
- 55 Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 98.

- 56 Рассчитано по: Население СССР. 1987. С. 112; Демографический ежегодник СССР. 1990. С. 91.
- 57 Рассчитано по тем же данным.
- 58 Рассчитано по: Население СССР. 1988. С. 12.
- 59 Там же. С. 333-338.
- 60 Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. II. М., 1972. С. 19; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 87.
- 61 Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 104.
- 62 Там же. С. 102.
- 63 СССР: демографический диагноз. М., 1990. С. 278.
- 64 Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. С. 351; Социальное развитие СССР. 1989. Стат. сб. М., 1991. С. 49.
- 65 Королев Ю.А. Брак и развод: современные тенденции. М., 1978. С. 187.
- 66 Народное хозяйство РСФСР в 1960 г. Стат. ежег. М., 1961. С. 33; Народное хозяйство СССР в 1990 г. Стат. ежег. М., 1991. С. 67.
- 67 Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 212; Семья - здоровье - общество. М., 1986. С. 139.
- 68 Население СССР. 1987. С. 208.
- 69 Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 96.
- 70 Проблемы теории и практики размещения производительных сил в СССР. М., 1976. С. 155.
- 71 См.: Население СССР. 1988. Стат. ежег. М., 1989. С. 5.
- 72 Население СССР. Справочник. М., 1983. С. 39.
- 73 Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. Сводный том. М., 1962. С. 184, 202; Социальное развитие СССР. 1989. С. 42.
- 74 См.: Переведенцев В.И. Миграция населения в СНГ: опыт прогноза // Политические исследования. 1993. N 2. С. 73, 78.
- 75 Советский город: социальная структура. М., 1988. С. 215; Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 74.
- 76 Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. С. 300-308; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 74.
- 77 См.: Социальное развитие СССР. 1989. С. 42-44.
- 78 Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 87.
- 79 Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. I. Ч. I. Кн. I. М., 1980. С. 59.
- 80 Сметанич В.С. Некоторые итоги изучения национального состава населения городов // Проблемы развития городов РСФСР. Материалы науч. конф. М., 1977. С. 47-58.
- 81 Социально-экономическое развитие столиц союзных и автономных республик, краевых и областных центров. Стат. сб. М., 1991. С. 11-16.

ГЛАВА 4. СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ

1. Социальная инфраструктура и условия жизни горожан

Урбанизация влияла, в ряде случаев определяющим образом, на основные составляющие социального среза общественной жизни: материально-вещную среду обитания, социальные качества самого населения и общественные отношения по всем основным направлениям. Безусловно, урбанизация трансформировала условия жизни всего общества, в том числе и сельских жителей. Однако степень этой трансформации была различной в зависимости от включенности членов общества с структуру городских отношений. В наибольшей степени достижениями городской цивилизации имели возможность пользоваться жители крупнейших городов (а среди них - прежде всего столичных), тогда как качество и образ жизни в малых городах и поселках городского типа могли не отличаться от жизни в сельских населенных пунктах. Однако существенную поправку в эту закономерность вносили два процесса: на уровне материально-техническом - развитие средств коммуникации (телефон, радио, телевидение и т.д.), на уровне системы расселения - агломерационные процессы. К концу 1950-х гг. завершилась радиофикация страны (позднее, с появлением транзисторных приемников, приобретшая иное качество), а в последние три десятилетия шла активная "телефонизация" и распространение телевидения (с огромным запаздыванием - лишь в конце 1980-х гг. началась компьютеризация быта, до сих пор почти не затронув село). Все эти процессы объективно сближали село с городом. В еще большей степени трансформацию сельской жизни вызывали агломерационные процессы, которые шли по нарастающей в 1960-е - 80-е гг., включив в свою орбиту к началу 1990-х гг. более 4/5 всего населения. Концентрация населения в ареале притяжения больших городов привела к территориальной доступности крупных городских центров для жителей как малых городских поселений, так и близлежащих сел и деревень. Включенность в эту городскую жизнь жителей агломераций через различные каналы (непосредственная работа или учеба в городском центре, маятниковая миграция, регулярные поездки для приобретения товаров или услуг, и т.д.) вели к утверждению как город-

ских стандартов жизни и, частично, городского менталитета в целом, так и к изменению образа жизни.

Вместе с тем, главным объектом трансформации оставались все те же горожане. Тем более, что за период 1960-х - 80-х гг. они из половины всего населения превратились в преобладающее большинство. Изменения именно их социальных параметров рассматриваются в этом разделе.

Условия для социального развития, для жизнедеятельности горожан создаются на основе социальной инфраструктуры, которая функционирует в единстве материально-вещественной базы и конкретных форм деятельности¹. Уровень развития социально-бытовой инфраструктуры отражает качество жизни горожан. К социально-бытовой инфраструктуре относятся отрасли и виды деятельности, оказывающие населению услуги в вещественной форме. К ним относятся жилье, телефон, транспорт, коммунальные услуги и др. К отраслям социально-бытовой структуры относятся коммунально-бытовое хозяйство, транспортное пассажирское обслуживание, розничная торговля, общественное питание и т.п.²

Как и вся социальная сфера, социальная инфраструктура в течение 1960-х - 80-х гг. преимущественно подчинялась производственно-отраслевым ведомственным интересам и, как следствие, оказывалась вторичной, финансируемой по "остаточному" принципу. Строительство новых и развитие существующих городов означало в первую очередь (за редчайшими исключениями) строительство и расширение промышленных и иных предприятий, и уже как "приложение" к ним - развитие прежде всего ведомственной инфраструктурной базы, в меньшей степени - общегородской. Возможности местных органов власти, которые одни могли целостно подходить к формированию городской социальной инфраструктуры в интересах всего населения городского поселения, были предельно ограничены и в финансовом, и в организационно-управленческом отношении. По подчинению социальная инфраструктура городов, особенно крупных, включала три звена: местному совету, совету более высокого ранга и ведомствам. Результатом оказывалась как относительная неразвитость социальной инфраструктуры в сравнении с производственной, так и большая дифференциация "богатых" и "бедных", то есть имевших меньшую производственную базу либо низкий уровень административных функций, городов.

Среди наиболее острых социальных проблем в 1960-е - 80-е гг. оставалась жилищная проблема. Еще в начале 1960-х гг. подавляющее число городских семей жило в коммунальных квартирах

рах, с низким уровнем обеспеченности удобствами. Источников этой проблемы было несколько. Во-первых, высокие темпы урбанизации, массовая миграция в города и, вследствие этого, быстрый прирост городского населения, так что от общества требовалось большое напряжение сил для развития всех составляющих социальной инфраструктуры города, и прежде всего, жилого фонда. Во-вторых, последствия Великой Отечественной войны, включавшие и массовое разрушение городов европейской части РСФСР, и перемещение значительных масс населения в восточные районы республики, и объективная необходимость в период восстановления народного хозяйства сосредоточения ресурсов на производственной, а не социальной инфраструктуре, и сужение источников финансирования социальной сферы. В-третьих, собственно, "системные" причины, а именно: объективно обусловленная природой тоталитарно-бюрократической системы "вторичность" социальной сферы в системе приоритетов, в конечном счете - "производство ради производства", затратная экономика, подчиненная не потребностям человека, а ВПК и тяжелой промышленности. Лишь в период "оттепели" весьма робко стал ставиться вопрос "материального стимулирования" и подъема жизненного уровня народа, явно неадекватного совершенному рывку в промышленном развитии. В городе наибольшим продвижением был переход к индустриальным методам жилищного строительства, позволивший несколько смягчить жилищную проблему. Динамику этого процесса отражает таблица N 41.

Несмотря на отдельные колебания в темпах жилищного строительства (например, сокращение объемов строительства жилья во второй половине 1970-х гг. и некоторый прирост во второй половине 1980-х гг.), в среднем в пятилетие вводилось около 150-200 млн м² жилой площади. Всего с 1960 по 1990 гг. объем городского жилищного фонда РСФСР вырос более чем в 3 раза, что, безусловно, было огромным достижением. Вместе с тем, и к концу 1980-х гг. жилищная проблема была далека от решения: в 1990 г. в неблагоустроенных квартирах проживало 16 млн человек, в коммунальных - более 5 млн, в общежитиях - 7,3 млн, в ветхих, аварийных домах и бараках - 2,0 млн человек³. Причина крылась прежде всего в подходе к жилищной проблеме, через всемерное обобществление жилого фонда, наращивание объемов строительства государством и жилищно-строительными кооперативами при явном свертывании индивидуально-жилищного строительства. В результате такого подхода с 1960 по 1990 гг. объемы обобщественного жилого фонда (государственного, общественного и фонда жилищно-строительных кооперативов) выросли в

ТАБЛИЦА N 41. Изменение структуры городского жилого фонда РСФСР*.

Городской жилой фонд	1960	1970	1980	1990	1990 к 1960 в %
Всего, млн м ² .	570,8	911,1	1291	1720	301,3
В том числе:					
государственный, общественный и фонд жилищно-строительных кооперативов	385,4	693,9	1047	1460	378,8
в % ко всему фонду	67,5	76,2	81,1	84,9	-
в личной собственности граждан	185,4	217,8	244,0	260,0	140,2
в % ко всему фонду	32,5	23,8	18,9	15,1	-
В среднем на одного жителя, м ²	8,9	11,3	13,3	15,7	176,4

* Таблица составлена и рассчитана по: Народное хозяйство РСФСР в 1960 г. Стат. ежегод. М., 1961. С. 545; Народное хозяйство СССР в 1970 г. Стат. ежегод. М., 1971. С. 546-547; Народное хозяйство СССР за 60 лет. Стат. ежегод. М., 1977. С. 497; Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Стат. ежегод. М., 1987. С. 350; Население СССР. 1987. Стат. сб. М., 1988. С. 8; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 211; Социальное развитие и уровень жизни населения СССР. Стат. сб. М., 1989. С. 191.

3,8 раза, а находящиеся в личной собственности граждан - лишь в 1,4 раза. Резко изменилось и соотношение этих двух видов жилого фонда: в 1960 г. обобществленный жилой фонд составлял 67,5% всего жилого фонда, а находящийся в личной собственности - 32,5%. в 1990 г. их удельный вес составил соответственно 84,9 и 15,1%, то есть процент необобществленного жилого фонда сократился за три десятилетия более чем вдвое. Безусловно, в этот период были лишь продолжены и подкреплены тенденции, заложенные еще в 1920-е - 30-е гг., однако в российском городе они фактически привели к вытеснению в жилищной сфере лич-

ной собственности, которая сохранилась преимущественно в малых и средних городах. Оценивать этот факт нельзя однозначно. С одной стороны, государству удалось совершить рывок в решении жилищной проблемы в городе, хотя она оставалась далека от решения и в конце 1980-х - начале 90-х гг.; с другой, способ решения оставлял большинство горожан "квартиросъемщиками", соответственно относящимися к жилому фонду и не участвующими в финансировании его пополнения и поддержания личными средствами. Последнее для подавляющей части граждан было невозможно из-за относительно низких доходов, так как, например, из единицы продукции, созданной работником, в денежном выражении в заработную плату шло лишь около трети, тогда как в развитых странах с рыночной экономикой - более двух третей. Таким образом, государство не только из идеологических соображений поддерживало низкий уровень квартирной платы: оно было вынуждено делать это, концентрируя в своих руках подавляющую часть национального дохода.

Тем не менее, несмотря на продолжающийся быстрый прирост городского населения, в значительной части из-за сельско-городской миграции, его обеспеченность жильем росла опережающими темпами. Так, в 1960 г. на одного жителя приходилось 8,9 м², в 1970 г. - 11,3 м², в 1980 г. - 13,3 м² и в 1990 г. - 15,7 м², то есть за три десятилетия увеличение составило почти 1,8 раза.

В конкретных городах в приросте жилого фонда были довольно существенные отличия, однако в крупнейших за период 1960-1989 гг. значения прироста были близки к среднероссийским, а диапазон между низшими показателями (в 2,7 раза - Москва) и наивысшим (в 3,4 раза - Уфа) был относительно невелик (см. таблицу N 42).

Наивысшие темпы жилищного строительства были в городах, где было размещено крупное производство, ставшее основой их стремительного роста и перехода в новые размерные категории - из малых в средние и большие в течение 2-3 десятилетий. Крупные промышленные новостройки по-прежнему в 1960-е - 80-е гг. оставались главным фактором динамичного роста, особенно для малых, средних и больших городов. Почти во всех старых городах жилищная проблема усугублялась ветхостью жилого фонда (до 1,3% в 1990 г.)⁴.

Несмотря на масштабное жилищное строительство и к концу 1980-х гг. жилищная проблема была далека от своего решения. Так, по данным Всесоюзной переписи 1989 г. среди российского городского населения (107,9 млн) в индивидуальных домах проживало 12,3 млн (11,4%), в части индивидуального дома - 2,6

млн (2,5%), в отдельной квартире - 72,0 млн (66,7%). Вместе с тем, в общей коммунальной квартире продолжало проживать 7,9 млн (7,3%), в общежитии 7,2 млн (6,7%), снимали жилое помещение и проживали в других жилых помещениях около 1,5 млн человек (1,4%). Таким образом, не имели своего отдельного жилья около 15% российских граждан. В коммуналках продолжали жить 7,5% городских семей, в общежитиях - 4,4%, более 1% снимало жилье или проживало в других помещениях⁵.

ТАБЛИЦА N 42. Динамика жилого фонда некоторых крупнейших городов РСФСР (тыс. м² общей площади жилищ)*.

города	1960	1970	1980	1989	1989 г. к 1960 г. в %
Москва	59377	97713	134482	157395	265,1
Ленинград	30267	47463	66824	86615	286,2
Горький	8085	12712	17817	22143	273,8
Куйбышев	6649	10999	15619	19025	286,1
Новосибирск	7541	12370	17522	20281	268,9
Свердловск	7203	11720	16582	20848	289,9
Челябинск	6223	10129	14014	17731	284,9
Казань	5261	8361	12031	16268	309,2
Ростов-на-Дону	5871	8623	12429	15693	267,3
Пермь	5350	9087	12425	15326	286,5
Волгоград	5844	9386	12926	16246	278,0
Саратов	5107	8103	11336	13803	270,2
Омск	5160	8860	13353	17081	331,0
Воронеж	4310	7286	10253	13254	307,5
Уфа	4270	7573	12046	14310	335,1
Ярославль	3351	5631	8220	10217	304,9

* Таблица составлена и рассчитана по: Народное хозяйство СССР в 1972 году. Стат. ежегод. М., 1973. С. 546; Народное хозяйство СССР в 1980 г. Стат. ежегод. М., 1981. С. 395; Социально-экономическое развитие столиц союзных и автономных республик, краевых и областных центров. Стат. сб. М., 1991. С. 135-136.

Не менее важным, чем обеспеченность жильем, было благоустройство жилого фонда городов, прежде всего водопроводом, канализацией и газоснабжением (см. таблицу N 43).

ТАБЛИЦА N 43. Благоустройство жилого фонда городов РСФСР*.

	1970	1980	1985	1989	1990
Число городов, имеющих:					
водопровод	907	986	1017	1036	1037
канализацию	710	858	924	980	987
газоснабжение	**	937	961	969	973
Удельный вес городов, имеющих (в %):					
водопровод	93,6	98,7	99,5	99,9	99,2
канализацию	73,3	85,9	90,9	94,5	94,4
газоснабжение	**	93,8	94,0	93,4	93,1

* Таблица составлена и рассчитана по: Народное хозяйство СССР в 1984 г. Стат. ежегод. М., 1985. С. 13; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. Стат. ежегод. М., 1988. С. 451; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегод. М., 1990. С. 5; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 212; Городские поселения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 5.

** Нет данных.

Если уровень обеспеченности городов водопроводом был достаточно высок уже в 1950-е гг., то канализацией и газоснабжением в значительной части города были снабжены именно в 1960-е - 80-е гг. Так, к 1970 г. водопровод имели 93,6% городов, а к концу 1980-х практически все, канализацию в 1970 г. имели 73,3% городов, в 1990 г. - 94,4%. Следует учесть, что увеличивалось число самих городов, преимущественно за счет преобразования в города других населенных пунктов, ряд из которых имел существенно более низкие параметры благоустройства. В значительной

мере поэтому имели место даже некоторые откаты в показателях благоустройства городов, например, газоснабжением в 1980-е гг. Так, в 1985 г. газоснабжение имели 94% городов, тогда как в 1990 г. - 93,1%. В целом число городских населенных пунктов, имевших газоснабжение, выросло за 1960-е - 90-е гг. почти в 4 раза. Число газифицированных квартир за тот же период в городах и поселках городского типа увеличилось с 2,0 млн до 26,2 млн, то есть в 13,1 раза⁶.

Вместе с тем, обеспеченность города тем или иным видом удобств не означала их полной распространенности на весь жилой фонд конкретного городского поселения: уровень обеспечен-

ТАБЛИЦА N 44. Благоустройство жилой площади городского государственного, общественного жилого фонда и фонда жилищно-строительных кооперативов РСФСР (удельный вес, в %)*.

Городской жилой фонд, оборудованный:	% оборудовано жилой площади				
	1961	1970	1980	1985	1990
- водопроводом	60	79	90	92	94
- канализацией	57	76	88	90	92
- центральным отоплением	52	76	88	90	92
- газом	35	62	75	73	72
- горячим водоснабжением	**	37	60	73	79
- ваннами	**	61	80	83	87
- напольными электроплитами	-	-	6	16	21

* Таблица составлена и рассчитана по: Народное хозяйство РСФСР в 1961 г. Стат. ежегод. М., 1962. С. 585; Народное хозяйство в 1968 г. Стат. ежегод. М., 1969. С. 417; Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Стат. ежегод. М., 1987. С. 351; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 211.

** Нет данных.

ности обобщественного жилого фонда был в целом существенно выше. Но и в рамках обобщественного жилого фонда оставалось немало домов, лишенных водопровода, канализации и т.д. Существенный рывок был сделан в 1960-е и особенно в 1970-е - 80-е гг. Так, водопроводом, канализацией, центральным отоплением в начале 1960-х гг. было снабжено около 50-60% жилой площади, в 1970 г. - уже 75-80%, в 1990 г. - свыше 90%, газом соответственно 35, 62 и 72%, ваннами - 61% в 1970 г. и 87% в 1990 г. Особенно большой рывок был сделан в обеспечении горячим водоснабжением: в 1970 г. - 37%, в 1990 г. - 79%. В 1980-е гг. часть жилого фонда начинает обеспечиваться напольными электроплитами (1980 г. - 6%, 1990 г. - 21% жилого фонда), что дополняло либо заменяло газификацию (см. таблицу N 44).

Важным элементом социальной инфраструктуры является сфера обслуживания, которая в 1950-е гг. была, по сути, в зачаточном состоянии, а в течение 1960-х - 80-х гг. получила некоторое, хотя и явно недостаточное развитие (см. таблицу N 45).

Сфера услуг в российском городе была чрезвычайно неразвита не только в начале 1960-х гг., но оставалась такой, несмотря на некоторые сдвиги, и к концу 1980-х. Хотя число предприятий

ТАБЛИЦА N 45. Основные показатели бытового обслуживания городского населения РСФСР*.

Показатели обслуживания	1960	1970	1980	1990
Число предприятий (тыс.)	40,7	68,2	76,0	91,0
Объем реализации бытовых услуг (млн руб.)	604,7	1847,4	3381,0	7097,0
в том числе на душу населения (руб.)	9,8	14,2	33,8	65,0

* Таблица составлена и рассчитана по: Народное хозяйство РСФСР в 1964 г. Стат. ежегод. М., 1965. С. 503-504; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Стат. ежегод. М., 1977. С. 5, 269-270; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 76. 197-198.

бытового обслуживания выросло более чем вдвое, а объем реализации бытовых услуг - многократно (последнее отражает в большей степени рост цен на услуги), однако и в начале - середине 1960-х гг. расходы на платные услуги составляли лишь 5-7% от средней заработной платы рабочих и служащих города, а в конце 1980-х - менее 20%. Так, в 1960 г. по всем видам бытовых платных услуг на душу городского населения приходилось 9,8 руб., в 1990 г. - 65 руб. И в конце 1980-х гг. практически не был удовлетворен спрос населения на услуги по ремонту и строительству жилищ, техобслуживанию автотранспорта, ремонту телерадиоаппаратуры и другие услуги. Качество большинства услуг было низким.

ТАБЛИЦА N 46. Число городов и поселков городского типа, имеющих пассажирское сообщение, по видам транспорта общего пользования (на конец года)*.

Виды городского пассажирского транспорта	Число городских поселений				1990 г. к 1960 г. (в %)
	1960	1980	1989	1990	
автобусный	726	1361	1369	1378	189,8
таксомоторный	496	605	560	550	110,9
троллейбусный	22	82	85	85	386,4
трамвайный	64	68	70	70	109,4
метрополитенный	2	2	5	5	250,0

* Таблица составлена и рассчитана по: Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. Стат. ежегод. М., 1961. С. 336, 547; Народное хозяйство РСФСР за 50 лет. Стат. ежегод. М., 1967. С. 11; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Стат. ежегод. М., 1977. С. 189; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегод. М., 1990. С. 626; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 537.

Среди важнейших элементов инфраструктуры был городской транспорт. Даже в 1980-е гг., когда автомобилизация существенно ускорилась, в РСФСР имели автомобиль лишь 10% семей в 1980 г. и 18% в 1990 г.⁷ В этих условиях общественный транс-

порт в городах продолжал оставаться преобладающим средством передвижения. Основным видом внутригородского транспорта являлись автобусы, хотя и они обслуживали далеко не все городские поселения (см. таблицу N 46).

Так, в 1960 г. автобусный транспорт имелся в 726 городских поселениях, к 1990 г. их число выросло почти в 1,9 раза, составив 1378 городов и поселков городского типа. Таксомоторный транспорт был распространен меньше. Хотя число обслуживаемых им городских поселений в 1960-е - 80-е гг. росло, составив в 1980 г. 605 (в 1960 г. - 496), в 1980-е гг. произошло сокращение их количества. В начале 1960-х гг. весьма небольшое число городов имело троллейбусный транспорт (1960 г. - 22 города), однако к 1990 г. количество их выросло почти в 3,9 раза (85 городов). Напротив, число городов, имевших трамвай, по сравнению с имевшими троллейбус в 1960 г. было больше (64 города), а к 1990 г. увеличилось незначительно (до 70 городов). Лишь 2 российских города в 1960 г. имели метрополитен, а в 1990 г. - 5 городов.

Еще в 1940 г. и по количеству подвижного состава, и по длине эксплуатационных путей, и по количеству перевезенных пассажиров трамвай был абсолютно лидирующим видом транспорта (см. таблицу N 47).

Так, трамваями в тот год было перевезено в 12 раз больше пассажиров, чем автобусами, стоявшими на втором месте по значению видов транспорта. В 1960 г. уже автобусы вышли на первое место по количеству перевозимых в городах пассажиров, сохранив это место в течение всех 1960-х - 80-х гг.

Среди видов городского электрического транспорта наиболее динамично развивался троллейбусный. Так, длина эксплуатационных путей троллейбусов выросла за три десятилетия в 5,3 раза, метрополитенов (в двухпутном исчислении) - в 3,8, а трамвайных путей - лишь в 1,6 раза. Близкими были тенденции в увеличении подвижного состава, хотя метрополитен здесь вышел на первое место: число вагонов метро увеличилось в 4,7 раза, троллейбусов - в 4,2, трамваев - в 1,3 раза.

Наиболее быстрыми темпами увеличивались транспортные перевозки метрополитена: за 1960-е - 80-е гг. почти в 4 раза, составив в 1990 г. более 4,5 млрд пассажиров. Трамвайные перевозки возросли незначительно, лишь в 1,2 раза, хотя по объему перевезенных пассажиров этот вид транспорта опережал метрополитен (1990 г. - 6 млрд пассажиров). Перевозки троллейбусов выросли очень значительно - в 3,2 раза, а количество пассажиров в 1990 г. несколько превысило 6 млрд человек. Наконец, число

ТАБЛИЦА N 47. Основные показатели развития городского пассажирского электрического транспорта*.

	1940	1960	1970	1980	1990	1990 к 1960 в %
Длина эксплуатационных путей (на конец года), км:						
одиночных трамвайных путей	2596	4073	5312	6048	6662	163,6
одиночных троллейбусных путей	274	1738	4309	7469	9316	536,0
метрополитенов в двухпутном исчислении	23,3	90	179	246	342	380,0
Подвижной состав (на конец года), тыс.:						
число трамвайных пассажирских вагонов	7,5	11,1	14,3	13,7	14,8	133,3
число пассажирских троллейбусов	0,7	3,3	8,3	12,1	13,9	421,2
число вагонов метрополитена	0,3	1,1	2,3	3,7	5,2	472,7
Перевезено пассажиров, млн человек:						
трамваями	4922	5163	5370	5695	6000	116,2
троллейбусами	254	1874	3358	4739	6020	321,2
метрополитенами	377	1144	2047	3036	4528	395,8
автобусами	400	7200	14700	17503	22869	317,6

* Таблица составлена и рассчитана по: Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Стат. ежегод. М., 1977. С. 190; Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Стат. ежегод. М., 1987. С. 249-251; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 537, 538, 540, 542.

пассажиры, перевозимых автобусным транспортом росло почти также динамично (в 3,2 раза за те же годы) и к 1990 г. им было перевезено почти 22,9 млрд пассажиров, то есть больше, чем всеми остальными видами городского транспорта в совокупности. Этому преобладающему значению во внутригородских транспортных перевозках автобусный транспорт достиг уже к 1970 г., когда было перевезено более 14,7 млрд пассажиров, тогда как остальными - менее 11 млрд.

Изменение структуры перевозок пассажиров городскими видами общественного транспорта в процентном соотношении отражено в таблице N 48.

ТАБЛИЦА N 48. Изменение структуры перевозок пассажиров городским общественным транспортом*.

	1940	1960	1970	1980	1990
Перевезено пассажиров всеми видами общественного транспорта - всего, млн	5964	15315	25475	30973	39417
в том числе в %:	100	100	100	100	100
трамваями	83	34	21,1	18,4	15,2
троллейбусами	4	12	13,2	15,2	15,3
автобусами	7	47	57,7	57,6	58,0
метрополитенами	6	7	8,0	9,8	11,5

* Таблица составлена и рассчитана по: Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Стат. ежегод. М., 1977. С. 190; Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Стат. ежегод. М., 1987. С. 249, 251; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 537, 538.

Из этих данных следует, что если с 1940 по 1960 гг. произошло радикальное изменение структуры внутригородских пассажирских перевозок, когда трамвай из доминирующего вида городского транспорта отошел на второй план, уступив место автобусу (в 1960 г. 47% пассажиров перевезено автобусами, тогда

как трамваем - 34%), то в 1960-е - 80-е гг. сохранились прежние тенденции, не приведшие к столь радикальным переменам. Однако, трамвай был окончательно потеснен остальными видами транспорта (15,2% перевезенных пассажиров в 1990 г.), на второе место вышел троллейбус (15,3%), приблизился к ним по объемам перевозок метрополитен (11,5%), а автобус стал абсолютно доминирующим видом городского общественного транспорта (58% пассажирских перевозок).

Несмотря на значительное развитие основных видов городского транспорта, в этой области существовали большие проблемы, особенно нараставшие в течение 1980-х гг. Так, к концу 1980-х гг. ухудшилось состояние материально-технической базы городского транспорта. Степень износа основных фондов в отрасли в целом превышала 36%, около 30% использовавшихся автобусов работало с полным амортизационным износом, треть трамвайных вагонов и каждый восьмой троллейбус находились в эксплуатации свыше 10 лет. По количеству и качеству производство транспортных средств отечественной промышленностью отставало от потребностей в них, а поставки по импорту снижались. Объем таксомоторных перевозок за двенадцатую пятилетку сократился на 18%, ухудшалось качество работы автобусного транспорта.

Существовали большие различия в качестве обслуживания городским общественным транспортом поселений различных категорий. Многие крупнейшие города из-за отставания роста транспортного парка от роста численности населения испытывали большие сложности во внутригородском перемещении населения. С другой стороны, большой проблемой было качество дорог, особенно в небольших городах. Сохранявшийся, несмотря на значительные сдвиги, низкий уровень автомобилизации населения обострял проблему внутригородских передвижений, особенно в крупнейших и крупных городах, вследствие повышенных нагрузок на общественные виды транспорта.

Отражением существенных сдвигов в уровне и качестве жизни городского населения РСФСР являются показатели его обеспеченности предметами культурно-бытового и хозяйственного назначения длительного пользования. (см. таблицу N 49).

Так, еще в начале - середине 1960-х гг. телевизоры были лишь в каждой пятой-шестой городской семье, к 1980 г. - почти в каждой, а к 1990 г. во многих семьях было по 2 и более телевизоров. Радиоприемники получили распространение раньше, но в начале 1960-х гг. они были примерно у половины городских семей, тогда как к 1980 г. - практически во всех. Аналогично об-

стояло дело с холодильниками, которые в начале - середине 1960-х гг. были лишь в отдельных городских семьях, к 1970 г. - у 44% семей, а к 1980 г. - практически в каждом доме. Часы уже в начале 1960-х гг. имел практически каждый горожанин, а в конце 1980-х - многие имели двое и более часов. Вплоть до 1980-х гг. происходило повышение обеспеченности городских семей швейными машинами (до 63 на 100 семей), однако затем проис-

ТАБЛИЦА N 49. Обеспеченность городского населения РСФСР предметами культурно-бытового и хозяйственного назначения длительного пользования*

Предметы длительного пользования	На 1000 чел.			На 100 семей		
	1970	1980	1990	1970	1980	1990
телевизоры	201	318	391	64	95	121
радиоприемные устройства	278	314	358	88	105	110
магнитофоны	37	106	214	12	40	64
холодильники и морозильники	133	315	345	42	103	106
стиральные машины	201	248	260	64	78	79
электроплиты	52	123	199	17	39	59
часы	1606	1909	2142	511	567	616
швейные машины	193	206	190	61	63	57
легковые автомобили	6	30	56	2	10	17
мотоциклы и мотороллеры	24	30	64	7	9	19
велосипеды и мопеды	133	131	154	42	41	47
фотоаппараты	120	126	142	38	41	43

* Таблица составлена по: Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Стат. ежегод. М., 1987. С. 313; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 174-175.

ходит некоторое снижение, в частности в связи с большей ориентацией горожан на готовую швейную продукцию и пользование услугами ателье.

Относительно медленно, но стабильно повышалась обеспеченность стиральными машинами (79% в 1990 г.), значительно возросло распространение в городских семьях пылесосов (17 в 1970 г. и 57 в 1990 г.). Фотоаппараты удовлетворяли специфические запросы горожан, поэтому уровень обеспеченности ими держался на примерно одинаковом уровне в 1970-е - 80-е гг., с некоторой тенденцией повышения (43 на 100 семей в 1990 г.). Аналогично обстояло дело с велосипедами и мопедами (42 на 100 семей в 1970 г. и 47 в 1990 г.). В несколько раз выросло число семей, имевших мотоциклы и мотороллеры (7 семей из 100 имело их в 1970 г. и 19 - в 1990 г.). Среди наиболее обобщенных показателей уровня жизни городских семей показатель обеспеченности легковыми автомобилями. В 1960-е гг. автомобиль имели единичные городские семьи, в 1970 г. - 2%, к 1990 г. - 17% городских семей.

Рост материального уровня жизни горожан опирался прежде всего на рост заработной платы, которая составляла в совокупном доходе типичной городской семьи от 3/4 до 4/5 дохода. Средняя заработная плата по народному хозяйству с 1960 до 1990 гг. выросла с 83,1 руб. до 296,8 руб., то есть в 3,6 раза. Конечно, покупательная способность рубля в 1990 г. была существенно ниже, чем в 1960 г. Однако вплоть до начала 1980-х гг. можно говорить о значительном и достаточно стабильном подъеме реального уровня жизни большинства горожан. 1980-е гг. были в этом отношении сложнее, а вторая половина 1980-х - существенно дифференцированной в отношении динамики дохода различных категорий городского населения. В начале 1980-х гг. на уровень жизни среднего горожанина повлиял обозначившийся спад производства, ставший продолжением стагнации конца 1970-х гг., а в конце 1980-х в некоторой степени повлияло появление кооперативного движения, занятия индивидуальной трудовой деятельностью и др. Во всяком случае, рывок в уровне средней заработной платы со 177,7 руб. в 1980 г. до 296,8 руб. в 1990 г. отнюдь не адекватен существенно меньшему повышению реальных доходов населения. За три десятилетия не произошло существенных изменений в соотношении уровня заработной платы между отраслями. Так, в 1960 г. выше средней по народному хозяйству была заработная плата в промышленности, строительстве, на транспорте, в науке и научном обслуживании, тогда как в большинстве отраслей непроизводственной сферы заработная плата была ниже, особенно -

ТАБЛИЦА № 50. Структура доходов и расходов семьи рабочего и служащего (в %)*.

Виды доходов и расходов	1970	1980	1990
Совокупный доход семьи	100	100	100
В том числе:			
зарплата членов семьи	70,9	82,4	82,2
выплаты и льготы из общественных фондов	21,0	8,9	7,1
доход от личного подсобного хозяйства	2,5	2,5	2,3
доход из других источников	4,6	6,2	8,4
Использование совокупного дохода:	100	100	100
на питание	34,3	35,0	28,2
на непродовольственные товары	21,8	30,6	35,6
на культурно-бытовые услуги	9,3	10,7	9,3
на алкогольные напитки	3,6	3,9	3,5
налоги, сборы, платежи	7,3	9,4	10,1
накопления	4,0	5,5	8,9
прочие расходы	6,0	4,9	4,4

* Таблица составлена по: Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Стат. ежегод. М., 1987. С. 288-289; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 132-133.

в здравоохранении, народном образовании, культуре, искусстве, а также в торговле и в связи. К 1990 г. в основном сохранилось то же соотношение в уровне заработной платы по отношению к средней по народному хозяйству. Однако в некоторых отраслях разрыв уменьшился (связь, торговля, жилищно-коммунальное хозяйство), тогда как в других увеличился либо остался прежним (народное образование, культура и др.)¹¹.

Изменение структуры совокупного дохода и расходов семьи рабочего и служащего отражает таблица N 50.

В 1970-е - 80-е гг. обозначилась отчетливая тенденция снижения доли выплат и льгот из общественных фондов в совокупном доходе городской семьи. Аналогично обстояло дело и с доходом от личного подсобного хозяйства, роль которого в городе уменьшалась (хотя и незначительно, впрочем, как и относительно мал был удельный вес этого вида дохода в совокупном доходе семьи). Существенно выросли доходы из других источников (с 1970 г. - почти вдвое, превысив роль выплат и льгот из общественных фондов, хотя и не став сопоставимым по значению с заработной платой). Структура расходов также претерпела изменения. Снижались расходы на питание при одновременном повышении доли расходов на непродовольственные товары, так что по удельному весу в структуре расходов они поменялись местами: в 1970 г. расходы на питание были на первом месте, а на непродовольственные товары - на втором, тогда как в 1990 г. - наоборот. Расходы на культурно-бытовые услуги занимали примерно одинаковое место (при некотором росте в 1980 г.). Более чем вдвое увеличилась доля накоплений. В целом динамика структуры использования совокупного дохода семьи рабочего и служащего свидетельствует о повышении уровня жизни горожан: они получили больше возможности приобретать непродовольственные товары и осуществлять денежные накопления.

В определенной мере рост уровня жизни горожан отражает увеличение вкладов населения в сберегательные кассы: росли общая сумма вкладов горожан России, количество вкладов и средняя величина вклада (см. таблицу N 51).

Однако, следует учитывать, что, во-первых, рост денежных накоплений граждан одновременно отражал отложенный спрос из-за невозможности приобрести нужные товары и услуги; во-вторых, инфляцию и падение покупательной способности рубля за три десятилетия; в-третьих, дифференциацию вкладов по уровню денежных доходов, которая была очень существенной, не говоря уже о том, что многие горожане не имели денежных накоплений. Так, в 1985 г. 29,1% населения имел менее 100 руб.

ТАБЛИЦА N 51. Вклады городского населения в учреждения сберегательного банка РСФСР*

	1960	1970	1980	1990
Число сберегательных касс	11,5	13,7	14,0	12,6
Число вкладов, млн	24,8	36,7	63,4	98,3
Суммы вкладов, млрд	5,7	20,2	65,7	164,4
Средний размер вклада, (руб.)	230	550	1037	1672

* Таблица составлена и рассчитана по: Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Стат. ежегод. М., 1987. С. 294; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 128.

среднедушевого совокупного дохода в месяц, преобладающая часть - около 55% - имела от 100 до 120 руб., а 0,5% - свыше 400 руб. на человека¹². Примерно то же соотношение сохранилось и к 1990 г., хотя произошел некоторый общий сдвиг "вверх" по величине дохода.

Таким образом, в 1960-е - 80-е гг. в изменениях городской социальной инфраструктуры и условиях жизни городского населения РСФСР получили развитие тенденции, заложенные еще в 1950-е гг. С одной стороны, продолжал полностью доминировать механизм, превращавший социальную сферу во вторичную, подчиненную ведомственным интересам. Следствием этого была прямая зависимость уровня развития социальной инфраструктуры конкретных поселений от масштабов деятельности на их территории центральных и республиканских министерств, особенно принадлежащих к богатому в тех условиях ВПК. Однако и жилищный фонд, и коммунальное хозяйство, и сфера услуг за рамками ведомственной собственности оказывались в ущербном положении и резко отставали в развитии; жилищная проблема оставалась острой, хотя и смягчилась по сравнению с началом 1960-х гг.; сфера обслуживания ни по качеству, ни по объему услуг совершенно не удовлетворяла возросшие потребности населения. Для общества была характерна уравнительность в условиях и уровне жизни большинства граждан, низкая степень социальной дифференциации, хотя существовали категории населения (номенклатура, теневики), уровень и качество жизни которых были

значительно выше, чем у основной массы населения. С другой стороны, за три десятилетия произошел существенный рост важнейших параметров социальной инфраструктуры, улучшились условия жизни горожан. Конечно, они далеко отставали от стандартов богатых стран Запада, однако системе удавалось в течение долгого времени не только не увеличивать, но и несколько сокращать этот разрыв, причем при продолжавшемся военно-стратегическом соперничестве общественных систем, большом бремени военных расходов. Торможение обозначилось в 1970-е гг., что было связано с отставанием действовавшего хозяйственного механизма от требований НТР, с падением темпов экономического роста вплоть до стагнации в начале 1980-х гг. 1980-е гг. вместили в себя и пик застойных явлений в экономике, и лихорадочные поиски выхода с откатами и рецидивами командно-административных мер, и окончательное разбалансирование старого хозяйственного механизма без реального реформирования, что отражалось и на социальной сфере российского города. В конце 1980-х - начале 90-х гг., еще до крушения СССР, стали действовать и принципиально новые факторы: через кооперативное движение на поверхность вышла теневая экономика, резко усилилось социальное расслоение, хотя тогда оно еще затронуло относительно малую часть населения.

2. Общественное лицо горожанина

Наряду с условиями жизни городского населения, в течение 1960-х - 80-х гг. существенно менялись и основные его качественные характеристики. Социальное развитие города определялось совокупностью, а точнее - единым комплексом взаимосвязанных факторов, порожденных как универсальными закономерностями урбанизационного процесса, так и "социалистическим" характером отечественной урбанизации. 1960-е - 80-е гг. относились к завершающему этапу экстенсивной стадии урбанизации, при котором был еще значительный резерв населения, перемещавшегося из села в город, далеко еще не завершилось складывание сети городских поселений, формирование основных локальных систем расселения, иерархической структуры городов. Реализация этих экстенсивных резервов и составила основное содержание урбанизационных процессов в указанный период. Однако основная база и экзистенциальной, и социально-демографической структуры общества была заложена в предшествующий период, к кон-

цу которого более половины жителей страны стали горожанами и большинство городов, ставших опорным каркасом расселения, уже существовали и занимали свое место в структурировании территорий, в размещении производства и расселения. Поэтому в последующие три десятилетия возрастала роль интенсивных факторов урбанизации (не образование новых, а развитие существующих городов; самовоспроизводство городского населения, вытеснявшее механический прирост горожан за счет миграции из села в город и преобразования сел в городские поселения, и т.д.). Данная стадия урбанизации была теснейшим образом связана со стадией индустриального развития, непосредственно определявшей ряд социальных процессов и явлений: структуру отраслевой занятости населения, занятость физическим и умственным трудом, квалифицированным и малоквалифицированным, и, косвенно, "официальную" социально-классовую структуру общества (рабочий класс, крестьянство, интеллигенция).

Город все более сосредоточивал население. В 1959 г. в городах РСФСР проживало чуть более 1/2 всего населения, в 1990 г. - 3/4. В еще большей степени он концентрировал трудоспособное население. Так, в 1959 г. в городе было сосредоточено 56,3% всего населения в трудоспособном возрасте, в 1970 г. - 67,6%, в 1979 г. - 72,5%, в 1989 г. - 76,0%¹³. Интенсивная миграция в города, преимущественно молодежи и людей среднего возраста, снижала удельный вес трудоспособных на селе, одновременно повышая его в городе. Так, в 1979 г. в городах РСФСР из общей численности населения 63,3% было в трудоспособном возрасте, тогда как на селе - 53,8%¹⁴. Общий процесс старения населения с дополнительным наложением демографических волн уменьшил к 1989 г. в целом соотношение между трудоспособным и нетрудоспособным населением, однако в городе по-прежнему лиц в трудоспособном возрасте (58,9%) было больше, чем на селе (51,5%)¹⁵.

Закономерно менялось и соотношение удельного веса занятых между городом и деревней в составе всего занятого населения. Так, в 1959 г. городское занятое население составило 56% всех занятых в народном хозяйстве, в 1970 г. - 67,5%, в 1979 г. - 72,6%, в 1989 г. - 76,4% (см. таблицу N 52).

Менялась и структура занятости населения в обществе в целом в пользу городских отраслей. В 1965 г. в сельском хозяйстве (включая личное подсобное хозяйство) было занято 24%, в 1990 г. - 13,4%¹⁶. Это сокращение сопровождалось ростом занятости в городских отраслях, преимущественно - в непроизводственной сфере (образование, культура, искусство, наука и научное обслу-

ТАБЛИЦА N 52. Удельный вес занятого городского населения РСФСР по отраслям народного хозяйства (в % ко всем занятым города и деревни)*.

Категории населения	1959	1970	1979	1989
Все занятое население (городское и сельское)	100	100	100	100
В том числе городское	56,0	67,5	72,6	76,4
Из него занятое:				
В отраслях материального производства	42,0	49,8	53,2	53,8
в том числе:				
в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи	35,8	42,6	45,0	44,3
в сельском и лесном хозяйстве	1,7	1,3	1,8	1,9
в торговле, общественном питании, заготовках, материально-техническом снабжении и сбыте	4,1	5,5	6,0	6,3
В непроизводственных отраслях (просвещении, науке, искусстве, жилищном и коммунальном хозяйстве, бытовом обслуживании, в органах управления и финансово-кредитной системе)	11,8	17,4	19,3	22,5
из него:				
в просвещении, науке, искусстве и здравоохранении	7,5	11,2	12,2	14,3
Все занятое сельское население	44,0	32,5	27,4	25,6

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 176, 178; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. V. Распределение населения СССР по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства. М., 1973. С. 206, 209; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. VIII. Распределение занятого населения СССР и союзных республик по отраслям народного хозяйства. М., 1981. С. 16; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Часть II. Источники средств существования, общественные группы. М., 1991. С. 44, 112; Там же. Ч. IV. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, занятиям, характеристика семей по национальностям членов семей, числу детей, занятых членов семей, числу рожденных детей. М., 1992. С. 2-7.

живание, здравоохранение, физкультура, социальное обеспечение и др.).

Вместе с тем, неуклонно рос удельный вес горожан, занятых в основных отраслях материального производства и непроемких отраслях в составе всех занятых. Так, если в 1959 г. горожане, занятые в отраслях материального производства, составляли 42,0% всех занятых в РСФСР, в 1970 г. - 49,8%, то в 1989 г. уже существенно превысили половину всех занятых республики (53,8%). Из них преобладающая часть была занята в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи (1959 г. - 35,8%, 1970 г. - 42,6%, 1979 г. - 45,0%, 1989 г. - 44,3% всех занятых в республике). Удельный вес занятых в сельском и лесном хозяйстве сохранялся примерно на одном уровне (1959 г. - 1,7%, 1989 г. - 1,9%). Почти в полтора раза вырос удельный вес занятых в торговле, общественном питании, заготовках, материально-техническом снабжении и сбыте (1959 г. - 4,1%, 1989 г. - 6,3%).

Весьма существенно увеличился удельный вес в составе всех занятых России тех, кто был занят в непроемких отраслях (1959 г. - 11,8%, 1970 г. - 17,4%, 1989 г. - 22,5%), и особенно занятых в просвещении, искусстве, науке, здравоохранении (с 7,5% в 1959 г. до 14,3% в 1989 г.).

Такая динамика свидетельствовала о том, что в течение 1960-х - 80-х гг. город из примерно равноценной в 1950-х гг. с селом сферы приложения труда превратился в абсолютно доминирующую, причем в важнейших отраслях, определяющих прогресс производительных сил и качества жизни всего общества. Именно

в этих отраслях темпы роста численности занятых были наибольшими, о чем свидетельствуют данные таблицы N 53.

В целом численность занятого городского населения с 1959 по 1989 г. увеличилась почти вдвое. В течение всего периода самой большой группой среди занятых были занятые в материальном производстве, однако динамика роста численности отдельных категорий занятых была различной. Так, из занятых в материальном производстве наибольшими темпами росла численность занятых в отраслях его инфраструктуры (торговле, общественном питании, заготовках, материально-техническом снабжении и сбыте). Занятые в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи оставались самой многочисленной категорией работников материального производства, однако темпы роста их численности были несколько ниже средних. Наименьшей категорией являлись работники сельского и лесного хозяйства (преимущественно управленческий и вспомогательный персонал отраслей, а также жители малых городов). Рост их численности был самым низким. Среди самой быстрорастущей группы занятых были работники непромышленных отраслей и особенно просвещения, науки, искусства и здравоохранения: их численность за три десятилетия выросла почти в 3 раза. Изменилось и соотношение между численностью занятых в материальной и нематериальной сфере. Так, занятые в непромышленных отраслях составили от занятых в производственных отраслях в 1959 г. - 28,1%, в 1970 г. - 35%, в 1979 г. - 36,2%, в 1989 г. - 41,8%. В целом повышение роли непромышленной сферы отражало стадию урбанизационного процесса, при которой крупные и большие города с их меняющейся структурой занятости в пользу непромышленных отраслей постепенно концентрировали преобладающую часть городского населения.

Действительно, наиболее представительной сферой деятельности в городах являлись промышленность и строительство, а также транспорт и связь. Для крупных и крупнейших городов эта закономерность в целом сохраняется. Однако очевиден сдвиг в структуре занятости населения в пользу непромышленных отраслей. Характерным для крупнейших городов примером (хотя и с более ярко выраженными тенденциями, опережающими на ряд лет процессы в остальных крупнейших городах) является Москва. Так, в 1970 г. в среднем по городам РСФСР в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи было занято 63,2%, тогда как в Москве - 46,4%, к концу 1970-х гг. произошло небольшое снижение в целом по занятым горожанам - до 62,0%, а в Москве - более существенное, до 43%. Если в непромышленных отря-

ТАБЛИЦА N 53. Распределение занятого городского населения РСФСР по отраслям народного хозяйства (млн чел.)*.

Категории населения	1959	1970	1979	1989	1989 к 1959 г. в %
Все занятое городское население	29,9	43,7	53,9	58,7	196,3
В том числе:					
В отраслях материального производства	22,4	32,3	39,5	41,4	184,8
из него:					
в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи	19,1	27,6	33,4	34,1	178,5
в сельском и лесном хозяйстве	0,9	0,8	1,3	1,5	167,0
в торговле, общественном питании, заготовках, материально-техническом снабжении и сбыте	2,2	3,5	4,5	4,9	223,0
В непроизводственных отраслях (просвещении, науке, искусстве, жилищном и коммунальном хозяйстве, бытовом обслуживании, в органах управления и финансово-кредитной системе)	6,3	11,3	14,3	17,3	274,6
из него:					
в просвещении, науке, искусстве и здравоохранении	4,0	7,3	9,0	11,0	275,0

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 178; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. V. Распределение населения СССР по общественным группам, источникам средств

существования и отраслям народного хозяйства. М., 1973. С. 206; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. VIII. Распределение занятого населения СССР и союзных республик по отраслям народного хозяйства. М., 1981. С. 16, 18; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Часть II. Источники средств существования, общественные группы. М., 1991. С. 112; Там же. Ч. IV. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, занятиям, характеристика семей по национальностям членов семей, числу детей, занятых членов семей, числу рожденных детей. М., 1992. С. 2-7.

Службы в среднем по городам России в 1970 г. было занято 26%, то в Москве - 44,4%, в 1979 г. соответственно 26,6 и около 48%. Особенно большое место в Москве в структуре занятости населения занимали наука и научное обслуживание, уже в 1970 г. охватывая 17,6% всех занятых, а в 1980 г. приблизившись к 20%. Правда, Москва имела еще и специфику столичного города, в связи с чем аппарат органов управления в 1970-е гг. составлял 4-5% всего занятого населения. Однако в целом динамика отраслевой структуры занятости в Москве отражает общие тенденции, характерные для крупных и крупнейших городов, которая тем ярче выражена, чем больше величина города и чем больше он сдвинут на запад республики¹⁷.

В целом в отраслевой структуре занятости городского населения РСФСР в 1960-е - 80-е гг. произошли заметные, хотя и не столь радикальные изменения (см. таблицу N 54).

Так, в 1959 г. в отраслях материального производства было почти 3/4 всех занятых - 74,9%, а в 1989 г. - 70,4%. Уменьшение происходило прежде всего за счет занятости в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи (с 63,9% в 1959 г. до 58,1% в 1989 г.), тогда как удельный вес занятых в торговле, общественном питании, заготовках, материально-техническом снабжении и сбыте в составе всех занятых горожан вырос (7,4% в 1959 г. против 8,3% в 1989 г.). Следует подчеркнуть, что речь идет об относительных показателях - удельном весе в структуре городской занятости, тогда как абсолютная численность, как это было показано выше, росла практически во всех отраслевых категориях. Среди наиболее динамично изменявшихся показателей было увеличение удельного веса занятых в такой группе производственных отраслей, как просвещение, наука, искусство и здравоохранение. Занятые в них составили 13,4% всех занятых города в 1959 г., 18,7% в 1989 г.

ТАБЛИЦА N 54. Отраслевая структура занятого городского населения РСФСР (в % ко всему занятому городскому населению)*.

Категории населения	1959	1970	1979	1989
Все занятое городское население	100	100	100	100
В том числе:				
В отраслях материального производства	74,9	74,0	73,4	70,4
из него:				
в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи	63,9	63,2	62,0	58,1
в сельском и лесном хозяйстве	3,0	1,8	2,4	2,5
в торговле, общественном питании, заготовках, материально-техническом снабжении и сбыте	7,4	8,0	8,2	8,3
В непроизводственных отраслях (просвещении, науке, искусстве, жилищном и коммунальном хозяйстве, бытовом обслуживании, в органах управления и финансово-кредитной системе)	21,1	26,0	26,6	29,2
из него:				
в просвещении, науке, искусстве и здравоохранении	13,4	16,7	16,7	18,7

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 176-178; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. V. Распределение населения СССР по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства. М., 1973. С.

26, 27, 206; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. VIII. Распределение занятого населения СССР и союзных республик по отраслям народного хозяйства. М., 1981. С. 16; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Ч. IV. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, занятиям, характеристика семей по национальностям членов семей, числу детей, занятых членов семей, числу рожденных детей. М., 1992. С. 2-7.

Таким образом, хотя в целом отраслевая структура занятости городского населения не претерпела кардинальных изменений, наиболее заметными и существенными сдвигами было увеличение занятости в тех непроизводственных отраслях, которые определяли научно-технический прогресс и отражали специфику наиболее "продвинутой" категории городских поселений - крупных и крупнейших городов.

Совокупность этих процессов, а также рост численности и удельного веса городского населения вели в течение 1960-х - 80-х гг. к дальнейшей концентрации занятых в большинстве отраслей материального и нематериального производства в городе (см. таблицу N 55).

Если в 1959 г. занятое население города составляло 56,0% всех занятых города и деревни, то к 1989 г. его удельный вес составил 76,4%, превысив 3/4 всех занятых республики. Соответствующие изменения происходили и в рамках большинства отраслей. Уже в 1959 г. городские работники составили почти половину занятых в отраслях материального производства (49,8% от занятых в отраслях данной группы), и большинство в непроизводственных отраслях (70,9%). Наибольший удельный вес городских занятых в составе отраслевой занятости был в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи, причем прирост был стабильным (1959 г. - 78,7%, 1970 г. - 84,4%, 1979 г. - 86,9%), и к концу 1980-х гг. эти отрасли сохранили доминирующее положение как в структуре городской занятости, так и в представительстве городского занятого населения в самих отраслях (1989 г. - 88,8). Основной частью занятых в торговле, общественном питании, заготовках, материально-техническом снабжении и сбыте также были горожане (1959 г. - 70,0%, 1970 г. - 76,6%, 1979 г. - 79,6%, 1989 г. - 81,7% всех занятых в этой группе отраслей). Даже в составе занятых в сельском и лесном хозяйстве горожане несколько увеличили свое представительство (1959 г. - 5,1%, 1970 г. - 6,8%, 1979 г. - 11,2%, 1989 г. - 14,3% занятых отрас-

ТАБЛИЦА N 55. Удельный вес городского населения РСФСР в составе всего занятого в отраслях народного хозяйства (в % к занятым в отрасли; все занятое в соответствующей отрасли население города и деревни равно 100%)*.

Категории населения	1959	1970	1979	1989
Все занятое население города	56,0	67,5	72,6	76,4
Занятое в отраслях материального производства	49,8	64,,	70,2	74,2
Занятое:				
- в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи	78,7	84,4	86,9	88,8
- в сельском и лесном хозяйстве	5,1	6,8	11,2	14,3
- в торговле, общественном питании, заготовках, материально-техническом снабжении и сбыте	70,0	76,6	79,6	81,7
Занятое в непроизводственных отраслях	70,9	77,1	80,1	82,2
Занятое:				
- в просвещении, науке, искусстве и здравоохранении	67,4	74,0	77,6	79,7

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 178; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. V. Распределение населения СССР по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства. М., 1973. С. 203, 206; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. VIII. Распределение занятого населения СССР и союзных республик по отраслям народного хозяйства. М., 1981. С. 16; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Ч. IV. Распределение населения по отраслям народного хозяйства,

занятиям, характеристика семей по национальностям членов семей, числу детей, занятых членов семей, числу рожденных детей. М., 1992. С. 2-7.

ли), что в значительной степени было связано с разбуханием управленческого аппарата.

Занятость в непроемственной сфере также была преимущественно представлена горожанами. Так, в 1959 г. в этой группе отраслей горожане составили 70,9% всех занятых, в 1970 г. - 77,1%, в 1979 г. - 80,1%, в 1989 г. - 82,2%. Несколько ниже были показатели занятости горожан в такой группе непроемственных отраслей, как просвещение, наука, искусство и здравоохранение (из-за массового представительства работников здравоохранения и низших ступеней народного образования - начальной и средней школы - на селе, тогда как наука и искусство были преимущественно "городской" сферой занятости). Вместе с тем, и в этих отраслях были сосредоточены преимущественно горожане (в 1959 г. - 67,4%, в 1970 г. - 74,0%, в 1979 г. - 77,6%, в 1989 г. - 79,7%).

Источник важнейшего социально-дифференцирующего фактора лежал в "системной" плоскости. Тоталитарно-бюрократическая система советско-социалистического типа, передав государству права владения подавляющей частью "средств производства" и поставив под тотальный контроль оставшуюся "обобщественную" коллективизированную часть, заменила превалирующий в "рыночных" обществах социально-дифференцирующий признак "по владению" на "по распоряжению". Социальная унификация, проводившаяся под лозунгами "преодоления противоположности между городом и деревней", "стирания существенных социально-классовых различий" и т.д. означала лишь сужение круга объектов и масштабов негосударственной собственности, но не ликвидацию социальной дифференциации. Так, в 1960 г. передачей 880 тыс. членов артелей промысловой кооперации в систему государственных предприятий в российском городе была ликвидирована социально-экономическая и производственная база любой формы собственности, кроме государственной¹⁸. Это отнюдь не означало, что все горожане оказались в равном социальном положении, так как определяющее и все возрастающее значение приобретали распределительные механизмы и доступ к ним, а также возможности использовать их в личных интересах, причем как официальные, так и неофициальные.

Основная социально-дифференцирующая граница пролегла уже в 1930-е гг. между категорией управляющих и управляемых.

Первые имели доступ к распоряжению "социалистической собственностью" в зависимости от места в управленческой иерархии, хотя и включались в официальную социальную категорию "служащих" наряду с инженерами, врачами, учителями, клерками различных учреждений и т.д. Верхний слой этой категории составлял класс "номенклатуры", роль которого в советской истории и обществе подробно проанализирована в литературе¹⁹.

В 1960 г. аппарат органов государственного и хозяйственного управления, органов управления кооперативных и общественных организаций, кредитных и страховых учреждений составил в РСФСР 382,9 тыс., или 7,2% всех специалистов. К 1985 г. он вырос до 1756 тыс., то есть почти в 4,6 раза, составив 9,2% от общей численности специалистов²⁰. Абсолютно преобладающая их часть размещалась в городах. В целом управленческий аппарат был гораздо более многочисленным. Так, в 1988 г. по СССР он составил 18 млн, в том числе 14 млн "чистых" управленцев, что составило 12% от численности всех работающих²¹. Более половины из них приходилось на Российскую Федерацию. К этой категории следует добавить работников партийного, комсомольского, профсоюзного аппаратов, различных общественных организаций, управленческий аппарат отраслевой науки и др. Учитывая опережающий рост управленческого аппарата всех категорий в структуре занятого населения в течение 1960-х - середины 1980-х гг., речь может идти о 10-15% занятого населения. Однако слой этот был явно неоднородным. Разрыв в уровне и условиях жизни между низшим и средним слоем управленческого аппарата, с одной стороны, и остальными социальными категориями "исполнителей" был относительно невелик. Так, по данным социологического обследования 1983 г. в г.Казани, руководящие работники в среднем звене имели заработную плату 220,9 руб., квалифицированные рабочие - 180,3 руб., а основная масса работников умственного труда - 155,3 руб. Разрыв в обеспеченности жильем был несколько больше. Так, имели отдельные квартиры или собственный дом соответственно 89, 67,1 и 44,2%²². Относительно близки и другие показатели условий и уровня жизни, которые также свидетельствовали, что социальные различия хотя и были ощутимы, но не носили качественного характера. Принципиально иными были уровень и образ жизни высшего слоя партийно-хозяйственной номенклатуры, как следствие ее особого, по сути, классового положения в обществе.

Однако, были и неофициальные каналы распределения, чаще всего переплетавшиеся с официальными, но используемые в обход закона для личного обогащения. Роль этих каналов возраста-

ла по мере, с одной стороны, возрастания масштабов государственной собственности, а с другой, - утверждения в обществе потребительской психологии и смягчения репрессивных механизмов, особенно - с 1970-х гг. К концу 1980-х гг., по оценкам социологов, в СССР из 2,3% семей, отнесенных к категории богатых, лишь у 0,7% доходы и имущество имели законные источники, а из 11,2% семей, определенных как "среднеобеспеченные слои", половина достигла достатка благодаря искусственно создаваемому дефициту²³. Примерно в той же пропорции распределялись аналогичные социальные категории в РСФСР, причем абсолютно преобладающая их часть проживала в городе. К началу 1990-х гг. именно категории населения, имевшие непосредственный доступ к каналам распределения (торговля, сфера обслуживания и т.д.) явились одним из источников складывания "нового" класса собственников, наряду с бывшей партноменклатурой и хозяйственными руководителями приватизируемых предприятий. В предшествующие десятилетия социальные группы, формировавшиеся на базе "теневой экономики", оказывались за пределами специального учета идеологизированной социологии и включались в традиционную официальную "трехчленную" структуру (рабочие, крестьяне, интеллигенция). В течение 1960-х - 80-х гг. разрыв между идеологизированными представлениями о социальной структуре, основанными на формальных признаках отношения к "социалистической собственности" в двух ее формах ("общенародной", то есть государственной, и колхозно-кооперативной) и реальными социальными процессами нарастал. Хотя и "официальная" структура отражала определенный срез социальной реальности, однако далеко не полностью. Можно говорить о пересечении и переплетении "открытой" и "скрытой" социальных структур, причем социальной политике была доступна преимущественно первая из них.

Политика социального нивелирования под лозунгами "стирания основных социальных различий" распространялась только на классы и слои за пределами класса номенклатуры. При этом все больше игнорировались различия в интенсивности и качестве труда, уровень квалификации и образования работников. Так, заработная плата в торговле, жилищно-коммунальном хозяйстве и здравоохранении составляла примерно 2/3, а в культуре - лишь 1/2 от заработков в промышленности. Занятые в просвещении получали в середине 1980-х гг. на 30-40% меньше рабочих и служащих в промышленности, несмотря на неизмеримо более высокий уровень образования и сложность труда. Между тем, при неоправданно большой межотраслевой разнице в оплате труда, в

уровне заработной платы рабочих и специалистов усиливалась уравнивательность. Если в отраслях материального производства (промышленность, строительство и др.) средняя заработная плата специалистов превосходила заработки рабочих в 1940 г. примерно в 2,4 раза, в 1960 г. - в 1,5-2,2 раза, то в течение 1960-х - 80-х гг. разрыв уменьшался и сошел на нет. Более того, радикально уменьшился разрыв в заработках у наименее и наиболее квалифицированных рабочих одних и тех же отраслей и промышленных центров. Так, в типичном индустриальном центре Таганроге рабочие 5-6 разрядов в конце 1960-х гг. зарабатывали в среднем в 2 с лишним раза больше, чем рабочие 1-2 разрядов, а в конце 1970-х - лишь в 1,4 раза²⁴. При этом до рабочего в виде заработной платы доходило 10-15 коп. с рубля продукции, тогда как на частных предприятиях в странах "капитала" - 50-70%²⁵. Стоит ли удивляться, что ко второй половине 1980-х гг. 60-70% работников не имело никакой трудовой мотивации²⁶.

Все эти "системные" явления накладывались на универсальные социальные процессы, вытекавшие из закономерностей развития любого индустриального общества, осуществлявшего урбанизационный переход от преимущественно "сельского" к "городскому" состоянию и характеризовавшегося нарастанием уровня концентрации в размещении производства и населения и т.д.

Изменение поселенческой структуры не могло не повлиять на основные социально-демографические параметры населения. Так, опережающий рост численности и удельного веса интеллигенции и служащих в 1960-е - 80-е гг. коррелировал с агломерационными процессами, в связи с изменением структуры занятости, особенно в центрах агломераций. Вместе с тем, миграционные процессы в основных своих тенденциях тесно связаны с процессами социальных перемещений. Как правило, сельский житель не попадал в крупный город, минуя звено малого или среднего, либо не удерживался там, будучи не способен адаптироваться к принципиально иному образу жизни. Этот факт хорошо известен на примере так называемых "лимитчиков" крупных московских предприятий. Но дело в том, что миграция сельских жителей в малые и средние городские поселения означала одновременно социальное перемещение: в основном сельской колхозной или рабочей (из совхозов) молодежи в городской рабочий класс! Внутригородская миграция (из малых и средних в крупные города) тоже имела большую социальную нагрузку: значительная часть молодежи уходила на учебу, либо непосредственно пополняла ряды интеллигенции и служащих, хотя значительная часть миграционного потока пополняла именно рабочий класс, что было связано с

искусственными ограничениями в прописке в крупных, престижных и с лучшими условиями жизни городах.

Так, в Москве с очень "жестким" режимом прописки из-за кажущегося дефицита рабочей силы в 1967 г. был введен "лимит", наращивавший ежегодно население города на 50-70 тыс. человек, набравшихся на предприятия с ручным, тяжелым физическим, как правило, неквалифицированным трудом. Более половины пополнявшей Москву рабочей молодежи не получала даже начального профессионального образования, а обучалась непосредственно на рабочих местах. В строительстве "лимитчики" составляли до 75% рабочих, а в среднем на предприятиях города - более 25%. В результате к 1979 г. столица увеличила свое население более чем на 1 млн человек за счет иногородних работников и достигла уровня 8 млн жителей, запланированного Генпланом развития города на 1990 г., а уровень удовлетворения потребностей населения в услугах составил 50-60% от определенного тем же Генпланом²⁷. Даже базовые социальные процессы, казалось бы, непосредственно вытекавшие из закономерностей индустриального развития, стадии урбанизационного процесса, категории городского поселения, а именно, структура мест приложения труда и связанные с ней социальные перемещения, существенно трансформировались действием "системных" факторов: вопреки объективным потребностям крупнейшего города страны, хозяйственным субъектам (предприятиям, организациям) выгоднее было сохранять в городе отсталые и вредные производства, продолжать экстенсивное развитие, а потому постоянно "подпитывать" его новыми вливаниями неквалифицированной рабочей силы. Итогом стала также и негативная социальная трансформация столицы, постоянно пополнявшейся мигрантами с низкими социальными показателями. Аналогичные процессы в той или иной модификации и масштабах шли во всех крупных и больших городах. Эти процессы всячески подпитывали консервацию устаревшей социальной структуры, неадекватной задачам перехода к постиндустриальному обществу.

Переходная стадия урбанизационного процесса, к которой относятся 1960-е - 80-е гг., определила общее социальное качество городского населения РСФСР: горожане в большинстве своем еще не были в полном смысле горожанами, хотя сдвиги за три десятилетия произошли существенные. В начале 1960-х гг. абсолютное большинство "фактических" горожан родилось в деревне и весьма немногие были горожанами во втором поколении, которое также несет на себе отпечатки сельского менталитета, хотя и более адаптировано к городским условиям. Даже к концу 1980-х

гг. среди городского населения страны, по некоторым данным, лишь около 15% являлось горожанами в третьем поколении, или теми, кто хотя бы мог претендовать на этот статус²⁸. "Взрывной" рост городов с 1920-х гг. породил ситуацию, при которой поселения, имевшие городской статус, были заселены преимущественно сельскими (бывшими) жителями, а традиции городской культуры, собственно городского образа жизни были в значительной мере прерваны. Даже в крупнейших старых городах, где в этом отношении были относительно благоприятные условия, широкие слои населения стремились к сохранению привычных "сельских" стереотипов быта, отдыха и даже труда. Однако под знаком доминирования полусельского менталитета проходила вся урбанизация в стране, становление новых и трансформация старых городов, хотя постепенно выкристаллизовывались заново и городская культура, и образ жизнедеятельности.

Более всего на социальные процессы урбанизация влияла через структуру мест приложения труда, через специфически городское структурирование деятельности. Города характеризуются многообразием деятельности, причем чем крупнее город, тем больше это разнообразие. Эту закономерность можно проследить через перечень профессий, характерных для поселений разных типов и величины. Так, в 1970-е гг. в РСФСР насчитывалось около 30-40 тыс. профессий, из которых не более 300-400 профессий приходилось на все сельскохозяйственное население, то есть около 1%. Таким образом, города концентрировали в себе разнообразную профессиональную деятельность в значительно большей степени, нежели население в целом, а среди городского населения дифференциация по профессиональному признаку была гораздо больше, чем в деревне. Особенно это касалось профессий умственного труда и профессий сферы обслуживания, причем разнообразие и соответственно дифференциация увеличивалась по мере роста величины города²⁹. На этом основании можно сделать вывод, что и в обществе в целом росли степень профессиональной дифференциации по мере увеличения удельного веса во всем населении жителей больших и крупных городов. По крайней мере, в этой части тезис советской идеологии о стирании социальных различий между различными категориями населения все больше расходился с социальной реальностью. Действительно, имело место стремление нивелировать социальные категории, относящиеся прежде всего к низшим и средним слоям общественной иерархии, то есть за пределами номенклатурного класса, и это в значительной степени удавалось через действие распределительных механизмов. Однако объективно возроставшее разнообразие

ТАБЛИЦА N 56. Численность и удельный вес городского населения РСФСР, занятого физическим и умственным трудом (в млн и % ко всему занятому городскому населению)*.

Категории населения	1959	1970	1979	1989	1989 г. к 1959 г. в %
Все занятое городское население (млн)	29,9	43,7	53,9	58,7	196,0
в том числе трудом:					
физическим	21,4	28,7	34,8	36,2	169,2
умственным	8,5	15,0	19,1	22,5	264,7
Удельный вес всех занятых (%)	100	100	100	100	-
в том числе трудом:					
физическим	71,4	65,8	64,5	61,6	-
умственным	28,6	34,2	35,5	38,4	-

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VI. Распределение населения СССР по занятиям. М., 1973. С. 6-7; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. IX. Распределение населения СССР и союзных республик по занятиям. Ч. I. М., 1981. С. 6; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Ч. II. Источники средств существования, общественные группы. М., 1991. С. 112, 135; Там же. Ч. IV. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, занятиям, характеристика семей по национальностям членов семей, числу детей, занятых членов семей, числу рожденных детей. М., 1992. С. 133.

деятельности, особенно в крупнейших городах, оказывало на социальные процессы прямо противоположное идеологическим установкам влияние.

Несмотря на сохранение ряда экстенсивных факторов урбанизации, влиявших на социальную жизнь города (в частности, в значительной степени совпадение территориальных перемещений село-город с социальными), увеличивалась сложность социальной структуры городского населения РСФСР. Ее усложнение в течение 1960-х - 80-х гг. имело ряд проявлений, в том числе непосредственно связанных с урбанизационным процессом, прежде всего ростом крупных и крупнейших городов с их качественно более сложной народнохозяйственной структурой, большим весом непродуцированной сферы, повышенной ролью научно-технического прогресса и, соответственно, более сложной структурой занятости населения. Суммирующим результатом действия всего этого комплекса "городских" факторов был опережающий рост занятости населения преимущественно умственным трудом (см. таблицу N 56).

Так, все занятое городское население РСФСР росло весьма динамично: с 29,9 млн в 1959 г. до 58,7 млн в 1989 г., или почти вдвое. Прирост занятых физическим трудом характеризовался существенно меньшими, а умственным - большими темпами. Численность занятых физическим трудом составляла в 1959 г. 21,4 млн, в 1989 г. - 36,2 млн чел. Прирост составил почти 70%. Численность занятых умственным трудом составляла в 1959 г. 8,5 млн, или в 2,5 раза меньше, чем физическим. К 1989 г. эта категория занятых увеличилась до 22,5 млн, то есть более чем в 2,5 раза. В результате опережающего роста удельный вес занятых умственным трудом постоянно увеличивался при относительном сокращении занятости физическим трудом (за 1959-1989 гг. - на 10,2%). В результате категория работников умственного труда составила в 1959 г. 28,6%, а к концу 1980-х приблизилась к 2/5 всех занятых в российском городе (38,4%).

Следствием урбанизации был неизбежный опережающий рост удельного веса работников умственного труда, квалифицированных и сложных профессий. Таким образом, в течение 1960-х - середины 80-х гг. нарастало противоречие между увеличивавшимся социальным разнообразием и усложнением социальных отношений, качественными сдвигами в социальной структуре, с одной стороны, и усиливавшимся нивелированием основной части населения в соответствии с идеологическими постулатами социальной политики в условиях и уровне жизни, в положении относительно средств производства и т.п., - с другой. Вопреки действию как ко-

мандно-административного механизма в целом, и в экономике в частности, что вело к преобладанию экстенсивных факторов развития народного хозяйства и соответствующей структуре мест приложения труда, так и идеологизированной социальной политики, опиравшейся на доктринерскую идеологию о ведущей роли рабочего класса как опоры "социалистической системы", следствием чего были прямые попытки законсервировать социальную структуру, сохранить всеми способами высокую долю работников малоквалифицированного физического труда, что было полным абсурдом в условиях НТР и технологического соревнования с "капиталистической системой", - вопреки всем этим привнесенным системой факторам и явлениям, процессы, происходившие в

ТАБЛИЦА N 57. Изменение численности занятого городского населения РСФСР по общественным группам (млн чел.)*

Категории населения	1959	1970	1979	1989	1989 г. к 1959 г. в %
Все занятое городское население	29,9	43,7	53,9	58,6	196,0
В том числе:					
рабочие	20,4	28,6	34,6	36,0	176,5
служащие	9,1	15,0	19,1	22,5	247,3
колхозники	0,4	0,1	0,2	0,1	25,0

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 178; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. V. М., 1973. С. 206; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. VIII. М., 1981. С. 16-17; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Часть II. Источники средств существования, общественные группы. М., 1991. С. 112, 135.

базисе общества и определенные прежде всего урбанизацией, "взламывали" жесткие системные барьеры и вызывали качественные социальные изменения. Такие сдвиги проявлялись даже в рамках "штатной" социальной структуры, делившей советское общество на рабочий класс, крестьянство и интеллигенцию (в статистике относимую преимущественно к категории служащих) (см. таблицу N 57).

Так, все занятое население российского города выросло с 29,9 млн в 1959 г. до 58,6 млн в 1989 г., то есть почти вдвое. Численность рабочих за эти же годы увеличилась с 20,6 до 36,0 млн, то есть на 76,5%, тогда как служащих - с 9,1 до 22,5 млн, или почти в 2,5 раза. Колхозники составляли совсем незначительную часть занятого городского населения, которая в конце 1980-х гг., уменьшившись в несколько раз, практически сошла на нет.

Соответственно изменился и удельный вес этих социальных категорий занятого населения РСФСР (см. таблицу N 58).

Вопреки всем факторам, поддерживавшим сохранение преобладающей доли работников физического труда, непосредственно занятых в сфере материального производства, которые преимущественно и относились официальной статистикой к категории рабочего класса, их удельный вес сократился с 70,1% в 1959 г. до 61,2% в 1989 г. В определяющей степени это произошло за счет изменения структуры занятости в крупнейших, крупных, а также частично в больших городах, где расширялся непроизводственный сектор, существенно выше была доля интеллигенции, занятой в сфере науки, культуры, образования, более развита была сфера обслуживания и выше концентрация управленческих кадров практически всех категорий. Однако, учитывая целый ряд технологических рывков, совершенных в мире в течение этих трех десятилетий, а также качественно более высокий уровень развития непроизводственной сферы в целом, включая сферу обслуживания в передовых странах, с соответствующим изменением структуры занятости, относительное сокращение места социальной категории работников физического труда в составе городского населения РСФСР нельзя считать столь уж существенным: и к концу 1980-х гг. "рабочий класс" составлял более 3/5 всего занятого населения российских городов. К тому же абсолютный рост численности рабочих продолжался, хотя и с замедлявшимися темпами, и на рубеже 1980-х - 90-х гг.

Из структуры занятого городского населения по сути исчезли колхозники, и в конце 1950-х гг. составлявшие всего 1,4%, а к 1989 г. - 0,3%, что отразило процесс свертывания колхозного сектора на селе, а также возроставший отрыв городов, включая ма-

лые, от сельской местности. "Прочие" категории занятого населения города, фиксировавшиеся переписями населения, составляли ничтожно малую величину в течение всего периода (сюда включали прежде всего кустарей и иных, занятых индивидуально-трудовой деятельностью): в начале периода шло свертывание всех категорий негосударственных секторов, а в конце, с началом "перестройки", ни кооперативный, ни частный сектор еще не успели получить развития.

Место потесненных категорий в структуре занятого населения заняли служащие, включавшие очень различающиеся по сво-

ТАБЛИЦА N 58. Распределение занятого городского населения РСФСР по общественным группам (в % ко всему городскому занятому населению)*

Категории населения	1959	1970	1979	1989
Все занятое городское население	100	100	100	100
В том числе:				
рабочие	70,1	65,4	64,2	61,2
служащие	28,4	34,2	35,4	38,4
колхозники	1,4	0,3	0,3	0,3
прочие (занятые индивидуально- трудовой деятельностью, не указавшие обществен- ную группу и др.)	0,1	0,1	0,1	0,1

* Таблица составлена и рассчитана по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 178; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. V. М., 1973. С. 206; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. VIII. М., 1981. С. 16-17; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Часть II. Источники средств существования, общественные группы. М., 1991. С. 113, 247.

им социальным характеристикам группы населения: научно-техническую интеллигенцию с высшим и средним специальным образованием, работавшую на промышленных предприятиях, управленцев разных сфер экономики и госструктур, научных работников НИИ и преподавателей учебных заведений, а наряду с ними - малоквалифицированных работников сферы обслуживания и т.д. Рост обеспечивался практически за счет большинства этих составляющих, так как и непромышленная сфера в целом, и роль специалистов в материальном производстве росли в 1960-е - 80-е гг. опережающими темпами. Прирост удельного веса "служащих" составил за 1959-1989 гг. 10%, с 28,4% в 1959 г. до 38,4% в 1989 г., что было весьма значительным. Однако, так же, как сокращение удельного веса "рабочего класса" нельзя считать достаточным на фоне социальных сдвигов в странах с тем же уровнем урбанизированности, но с "рыночной экономикой", так и прирост занятости в непромышленной сфере хотя и был велик, но явно сдерживался и экстенсивным развитием экономики, и идеологизированным подходом к социально-экономической политике, существенно повлиявшей на "вторичную" непромышленную сферу и занятость в ней (1961 г. - 18%, 1970 г. - 24%, 1980 г. - 27% всех занятых)³⁰. В то же время, очевидным было "перепроизводство" инженеров с высшим образованием и научных работников, особенно "отраслевых" НИИ, при очень низкой отдаче, производительности труда, и полном отсутствии материальных и иных стимулов для эффективной их работы, впрочем, так же как и у рабочих.

Модель занятости в экономике экстенсивного типа, при которой в отраслях материального производства работала преобладающая часть населения, в решающей степени определяла и профессиональную структуру, при которой профессиональный рост для более чем половины работников был практически невозможен, как бы они ни старались. Эта модель в течение 1960-х - 80-х гг. наращивала в обществе атмосферу общей незаинтересованности в результатах труда³¹.

Источник обострявшейся проблемы имел сложную природу, уходящую корнями в системные противоречия. Система, во-первых, начисто отторгала материальную заинтересованность всех работников (за пределами номенклатурного класса), так как она неизбежно вела к социальной дифференциации по результатам труда, а не по месту в номенклатурной иерархии. Это значит, что система отвергала и стимулы к эффективному труду. Во-вторых, она жестко ограничивала и профессиональный рост. Проблема не была столь острой, пока велики были резервы социальной

мобильности за счет перемещения сельского населения в город, а из малых и средних городских поселений - в большие: территориальные перемещения, как правило, изменяли и социальный статус мигрантов, и, непосредственно или в перспективе, их материальное положение, причем стимулом служила городская прописка и возможность получения жилья. По мере роста численности и удельного веса коренных горожан, хотя бы во втором поколении, и даже "старожилов", то есть проживавших в населенном пункте более 10 лет, проблема обострялась. Коренные жители больших городов, как правило, не хотели работать в сфере материального производства, перемещаясь в систему занятости "интеллигентных профессий", а на производстве все более увеличивался разрыв между росшим уровнем образованности работников, особенно молодежи, с соответствующим ростом их социальных и материальных притязаний, и структурой мест приложения труда с низкой требуемой квалификацией и зарплатой. Но и повышение квалификации все менее влияло на материальный уровень жизни горожан.

Вплоть до конца 1970-х гг. общая интенсивность социальных перемещений в советском обществе возрастала³². Однако, во-первых, уже в 1970-е гг. проявляется тенденция снижения интенсивности социальных перемещений; во-вторых, среди молодежи она оказывается существенно ниже, чем у среднего поколения. Так, по данным исследования середины 1980-х гг., доля совершивших социальные перемещения среди начавших трудовую деятельность в 1970-е - 80-е гг. оказалась в 2-3 раза ниже, чем среди начавших ее в 1950-е - 60-е гг. Увеличилась доля самовоспроизводства рабочего класса (раньше была выше доля выходцев из крестьянства). Интеллигенция наполовину воспроизводилась выходцами из рабочего класса и крестьянства, а половина приходилась на долю самовоспроизводства, что свидетельствовало о большей социальной замкнутости этой категории, нежели десятилетиями ранее. Еще более "закрытой" стала категория научной и творческой интеллигенции, до 70% которой пополнялось молодежью из своей же среды³³.

Таким образом, урбанизация была связана с процессами повышения социальной мобильности населения, однако, по мере завершения перехода общества к городскому состоянию, в частности, сокращения миграции из села в город, возрастания доли "коренных" горожан, наметилась тенденция стабилизации социальной структуры. Естественно, только стадией урбанизации нельзя объяснить нарастание инерционных факторов в социальной мобильности, в частности, возникновение определенных барьеров между рядом социальных категорий. Так, "элитные" социальные

слои и группы (номенклатура, некоторые категории интеллигенции) становились все более "закрытыми", их пополнение извне сокращалось: здесь прослеживается связь с определенной стадией развития тоталитарно-бюрократической системы, при которой номенклатура приобретала классовые признаки. Однако увеличение роли самовоспроизводства было характерно и для "неэлитных" социальных категорий - городских рабочих, служащих-неспециалистов, инженерно-технической интеллигенции и др., что напрямую связано было с увеличением самовоспроизводства горожан в целом и сокращением роли сельско-городской миграции.

Увеличение удельного веса специалистов, интеллигенции, квалифицированных служащих в обществе с шедшим одновременно процессом нивелирования их по уровню заработной платы и в целом уровню жизни с работниками физического труда, существенно снизили престиж квалифицированного умственного труда в обществе. Так, если в 1960-е гг. на получение высшего образования было ориентировано до 80-90% выпускников средних школ, то уже в середине 1960-х гг. - менее 50%. В то же время усилилась тенденция "обратного" перемещения (до четверти служащих возвращались на исходную социальную позицию)³⁴. Таким образом, идеологизированная социальная политика, направленная на нивелирование материальных условий жизни работников физического и умственного, квалифицированного и неквалифицированного труда, накладывалась на тенденции ограничения социальной мобильности, связанные со стадией урбанизационного процесса, и еще более усиливала ряд из них, однако действие это было явно отрицательным, так как снижалось качество пополнения вузов, а вместе с ним, и интеллигенции, ограничивались темпы роста работников квалифицированного умственного труда. Впрочем, здесь прослеживается определенная логика: экстенсивно развивавшейся экономике с неразвитой непроектирующей сферой не требовалось даже столько специалистов, сколько их выпускала высшая школа.

Между тем, за три десятилетия общий уровень образования городского населения РСФСР вырос очень существенно, хотя относительно его качества существуют разные мнения: высшая школа готовила специалистов целого ряда специальностей на уровне мировых стандартов, но одновременно существовало немало провинциальных вузов, дававших низкую подготовку, не говоря уже о системе вечернего и заочного образования. Еще больше было проблем на уровне средней школы, которая все больше отставала, сохраняя стандарты 1950-х - начала 60-х гг., тогда как качество среднего образования в передовых странах по-

стоянно совершенствовалось. Тем не менее, обобщенные показатели образовательного уровня российских горожан, занятых в народном хозяйстве, изменились радикально: в 1959 г. на 1000 занятых имели высшее и среднее (полное и неполное) образование 551 человек, в 1970 г. - 737, в 1979 г. - 855, в 1989 г. - 938³⁵. Вытеснение занятых с низким уровнем образования происходило по мере смены поколений, так как молодежь имела все более высокую общеобразовательную подготовку по сравнению со старшими поколениями.

Несколько меньшим был уровень образования всего городского взрослого населения (как занятого, так и незанятого), однако тенденции были те же. Так, в 1959 г. среди этой категории российских горожан на 1000 человек населения имели высшее и среднее (полное и неполное) образование 458 человек, а к 1989 г. - 854. Изменилась и структура уровня образованности горожан: с 1959 по 1989 гг. сократился удельный вес имевших неполное среднее образование (с 25,0 до 19,8%) при росте удельного веса остальных категорий: с высшим законченным образованием - с 3,9 до 13,6%, с незаконченным высшим - с 1,6 до 2,1%, со средним специальным - с 6,9 до 21,2%, со средним общим - с 8,4 до 28,7%³⁶. Наибольшим был прирост процента лиц с законченным высшим и средним общим образованием.

Крупнейшие города заметно отличались по уровню образования населения, особенно занятого: он был традиционно выше средних (и по стране, и по городскому населению) показателей, хотя от переписи к переписи происходило сокращение разрыва между всеми типами поселений (в 1959 г. общий уровень образования в крупнейших городах превышал средние показатели в 1,5-1,7 раза, в 1979 г. - уже в 1,2 раза), в меньшей степени оно было по доли лиц с высшим образованием, так что разрыв по высшему образованию сохранялся очень существенный (до двух и более раз)³⁷.

Все эти макросоциальные изменения, включая рост численности и удельного веса горожан, а среди них - жителей крупных и больших городов, увеличение доли потомственных горожан, рост занятости в сферах интеллектуального труда, повышение образовательного уровня, особенно населения крупных и больших городов, появление широкого слоя людей с высшим и средним специальным образованием, и др., - все эти процессы имели результатом существенный сдвиг и на "базовом" общественном уровне, который опосредованно определяет фундаментальные изменения в обществе - на уровне семейных отношений, а также на личном уровне. Еще недавно в ходу был штамп: "Семья - первич-

ная ячейка общества". Если освободиться от идеологических наслоений, которые нес этот тезис, употребляемый в определенной системе категорий, то остается непреходящее его значение: семья интегрирует и одновременно проявляет совокупность общественных отношений, вырабатывает определенные "типы" личности. Период 1960-х - 80-х гг. был переходным не только к преимущественно городскому обществу, но и к новому типу семьи, личности, социальной, а именно - "городской" культуре, которые формируются с запаздыванием относительно собственно "объективированных" социальных изменений (роста процента горожан, соотношения социальных групп и т.д.).

Носителями европейской, "городской" культуры в дореволюционной России были дворянство, буржуазия (крупная и средняя, "европеизированная"), в меньшей степени - мещане как городское сословие и лишь с большими оговорками можно отнести к ним узкий слой потомственных рабочих. И Февральская, и в еще большей степени Октябрьская революции 1917 г., включая стихию гражданской войны, явились волнами крестьянского моря, смывшими тонкий слой носителей этой культуры. Крестьянские истоки большевистской идеологии и психологии очевидны: они напрямую перекликаются с общинными ценностями (принудительный коллективизм, иерархия, "демократический централизм", на деле сводимый к авторитарности, регламентация жизни и т.д.). Меншеизм в этом отношении был более "европеизированным", "либеральным", допуская элементы демократии, несколько более считаясь с индивидуальностью (и индивидуализмом - на чем строилась англо-саксонская культура - и в целом "протестантская" буржуазная цивилизация с приматом личной ответственности человека). Сметя носителей европейской культуры на русской почве, Октябрьская революция и гражданская война запрограммировали тоталитаризм, увенчанный репрессивной сталинской диктатурой: этот режим устраивал абсолютное большинство крестьянско-рабочего населения, для которого были близки представления об авторитарной власти. Процессы на макроуровне закономерно вытекали из отношений, типичных для микроуровня: для традиционной патриархально-крестьянской семьи. Сдвиги в обществе могли произойти лишь тогда, когда выросла социальная почва достаточной толщины. Но если ранее весьма тонкий "городской" слой нарастал в течение столетий, то урбанизация (особенно с началом "социалистической индустриализации") радикально ускорила этот процесс, "сжимала" его до нескольких десятилетий. Однако еще в начале 1960-х гг. в российском городе жило чуть более половины всего населения, и абсолютное его

большинство были выходцами из деревни, что и определяло мировоззрение, формы социального поведения большинства, включая распространенный тип семьи, а также преобладающий тип личности, ориентированной на авторитет - главы семьи, коллектива, государства, традиционного мировоззрения. 1960-е - 80-е гг. стали периодом "прорыва".

Чрезвычайно важными для общества изменениями, начавшимися ранее, но получившими существенный толчок в условиях "оттепели", которая совпала с периодом превращения страны из преимущественно "сельской" в "городскую", была трансформация семьи. Значимость этого процесса, растянувшегося на многие десятилетия, определяется тем, что, как пишет Б.Н.Миронов, "семья - своего рода социальный микрокосм: ее структура представляет собой наиболее близкую к "оригиналу" модель большого общества"³⁸. Действительно, социализация ребенка происходит прежде всего в семье, где закладывается до 80-90% основных социальных установок, норм поведения, мировоззренческих и иных стереотипов, преимущественно на бессознательном уровне, которые определяют всю жизнь человека. Накопление "социальных мутаций" происходит крайне медленно, в массовом масштабе - при чрезвычайном изменении образа жизни широких слоев населения, "выпадающих" из традиционной среды. XX век для России был богат на такие "чрезвычайные" факторы: революции, войны, репрессии, "ликвидации" - в прямом и переносном смысле - целых классов, сословий и т.д. Однако, по мнению автора, решающим "социальным мутагеном" была урбанизация: переезд из села в город превращал сельского жителя в "маргинала", выбитого из привычной среды, и если не менял радикально его мировоззрение и образ жизни, то для его детей, горожан второго поколения, создавал условия для "прорыва", для адаптации к городской культуре.

И в начале века, и в его середине типичная российская семья несла на себе печать архаичной, характерной для общины крестьянской семьи. Однако с изменением структуры населения, с ростом удельного веса городского населения, особенно потомственных горожан, меняется и тип семьи. Определенные сдвиги происходят и в сельской местности, где также появляются эгалитарные семьи, в которых супруги на равных строят свои отношения. Однако социологами выявлена корреляция именно между этим типом семьи и проживанием в городе, причем связь тем теснее, чем выше статус городского поселения, то есть чем крупнее город. Эгалитарные семьи встречались чаще у интеллигенции, нежели среди рабочих, а также чаще среди лиц, имеющих более высокое

образование, и среди потомственных горожан. Эгалитарная семья была более распространена в "центре", нежели на периферии, среди молодежи и лиц до 40 лет, нежели среди старших возрастов. Так, в 1960-е гг. по данным социологов, в Рязанской области преобладал патриархальный тип семьи и в деревне, и в городе³⁹. В то же время в Ленинграде, среди рабочих в начале 1960-х гг. патриархальные и "переходные" семьи составляли несколько более 20%⁴⁰. В 1970-е - 80-е гг., по оценкам многих исследователей, преобладающей российской семьей стала эгалитарная семья⁴¹. Не существует единых четких критериев для разделения патриархальной и эгалитарной семьи, так как широко распространен "смешанный" или "переходный" тип, однако тенденция вытеснения патриархальной семьи эгалитарной была ярко выражена и неотвратимо вела к преобладанию последней в российских городах. Так, по данным социологического обследования, в большом (Москва), среднем (Пенза) и малом (Егорьевск) городах (1976-1977 гг.) доля эгалитарных семей составляла соответственно 65, 53 и 50%, патриархальных - 5, 10 и 11%, а семей переходного типа - соответственно 30, 37 и 41%⁴². Естественно, для разных городов это соотношение веса семей каждого типа было различным, но, хотя социологических обследований городской семьи было не так уж много, большинство исследователей приходят к выводу о нарастании тенденции "демократизации" семьи с течением времени, в процессе смены поколений, с укоренением городской культуры, ростом образования и социального статуса горожан России.

Такие процессы выходили по своему значению далеко за рамки собственно семьи. Смена типа семьи означала формирование личности иного типа, нежели складывался в России исторически под влиянием общины и ее пережитков в крестьянском быту еще в 1930-е - 50-е гг. Влияние радикальных изменений в семейной жизни на макросоциальные процессы трудно переоценить, потому что социальную базу радикальных общественных изменений мог составить только широкий круг людей, свободных от стереотипов, способных принимать ответственные решения вопреки внешнему консервативному давлению. Причем, социальное происхождение таких личностей не имело принципиального значения: они формировались и в семьях рабочих, и интеллигенции, и в социально-смешанных семьях.

Таким образом, в 1960-е - 80-е гг. накапливались и интегрировались социальные изменения, определившие новое общественное лицо горожанина по сравнению с предшествующими периодами, что и определило во многом социальную базу радикальных

перемен конца 1980-х - начала 90-х гг.: в российском городе в конце 1980-х гг. проживало гораздо больше потомственных горожан второго и третьего поколения, большинство горожан жило в крупнейших, крупных и больших городах; во всех социальных слоях городского населения преобладающая часть, особенно молодежи, имела высокий уровень образования, часто - выше потребностей экстенсивно развивавшегося производства; увеличилась занятость горожан в непроизводственной сфере; увеличилось социальное разнообразие горожан, связанное с профессиональной принадлежностью, особенно в крупнейших и крупных городах. Одновременно нарастало противоречие между этими и рядом других качественных социальных сдвигов в российском городе и обществе в целом, с одной стороны, - что вело к изменению психологии горожан, увеличивало их потребности в самореализации, уровень материальных и социальных притязаний, - и рядом социальных процессов "системного" порядка, свидетельствовавших о кризисе и вырождении системы, - с другой. К этим явлениям относилась и усиливавшаяся дифференциация между массой городского населения и номенклатурой, которая сопровождалась ее кастовым замыканием в себе; и "плановое" нивелирование социальных слоев "исполнителей", то есть подавляющей части работников физического и умственного труда; и сужение возможностей социальной и творческой самореализации личности в условиях застоя, тиражирования устаревших технологий, экстенсивного развития экономики. Эти "ножницы" между нарастающим новым социальным качеством городского населения и жесткими, все более костеневшими рамками командно-административной системы порождали скрытую социальную напряженность, находившую выход преимущественно в антисистемных и асоциальных явлениях ("теневая" экономика, двойная мораль, "внутренняя эмиграция", преступность, "неформальные", прежде всего молодежные организации, в том числе криминальные; молодежная "субкультура", диссидентство и др.). Ослабление внешних ограничений, начавшееся в период "перестройки" и связанное как с политикой некоторой "либерализации", так и с ослаблением государственных институтов, вызвало выплеск социальной энергии, в том числе и перечисленных явлений, на поверхность.

Примечания

1 См.: Тощенко Ж.Т. Социальная инфраструктура: сущность и пути развития. М., 1980. С. 29; Социальная инфраструктура и уровень жизни населения крупного города. Л., 1986. С. 109.

- 2 Город и отрасль: концепция эффективности производства. Л., 1986. С. 126.
- 3 Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 212.
- 4 Там же.
- 5 Рассчитано по: Городские поселения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 146-147.
- 6 Народное хозяйство РСФСР в 1960 г. Стат. ежегод. М., 1961. С. 550; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 212.
- 7 Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 172-173.
- 8 Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1960 г. С. 336, 547 ; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегод. М., 1990. С. 626; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. С. 189; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 537.
- 9 Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 540.
- 10 См.: Там же. С. 537, 539.
- 11 См.: Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. С. 279-281; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 129-130.
- 12 Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 135.
- 13 Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. II. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР. М., 1972. С. 16-19; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегод. М., 1990. С. 71.
- 14 Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 69-70.
- 15 Там же.
- 16 Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Стат. ежегод. М., 1977. С. 208; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. М., 1991. С. 108.
- 17 Рассчитано по: см. таблицу N 68; Жолков А.С., Зуев В.М. Развитие социалистического города. М., 1984. С. 26.
- 18 Народное хозяйство РСФСР в 1960 г. Стат. ежегод. М., 1961. С. 397.
- 19 См.: Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
- 20 Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1960 г. С. 403; Народное хозяйство в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 110, 114.
- 21 Правда. 1988. 21 января.
- 22 Шкаратан О.И. Социальная структура: иллюзии и реальность // Социология перестройки. М., 1990. С. 66-67.
- 23 См.: Аргументы и факты. 1989. N 27. С. 6.
- 24 Гордон Л.А., Кабалина В.И. Заработная плата: вчера, сегодня, завтра // Общество в разных измерениях. М., 1990. С. 88-89.
- 25 Известия. 1989. 16 декабря.
- 26 Литературная газета. 1989. 11 октября.
- 27 СССР: демографический диагноз. М., 1990. С. 463-464.
- 28 См.: Глазычев В. Город в поисках своего лица // Новое время. 1988. N 23.
- 29 Баранов А.В. Социально-демографическое развитие крупного города. М., 1981. С. 25; Трушков В.В. Город и культура. Свердловск, 1976. С. 43.
- 30 РСФСР в цифрах в 1984 г. М., 1985. С. 73.
- 31 См.: Общество в разных измерениях. М., 1990. С. 58-59.
- 32 См.: Лукина В.И., Нехорошков С.В. Динамика социальной структуры населения СССР. М., 1982. С. 14.
- 33 Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 175-176.

34 См.: Там же. С. 175-177; Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества. М., 1978. С. 93; Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь. М., 1985. С. 41.

35 Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. III. Уровень образования населения СССР. М., 1972. С. 409; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1985. С. 48; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегод. М., 1990 г. С. 239.

36 Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. С. 27; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 239.

37 См.: Романенкова Г.М. Трудовые ресурсы крупного города. М., 1986. С. 113.

38 Миронов Б.М. Семья: нужно ли оглядываться в прошлое? // В человеческом измерении. М., 1989. С. 227.

39 Быт и развитие личности. Рязань, 1969. С. 174.

40 Социальные исследования. М., 1971. Вып. 7. С. 42-45.

41 См.: Черняк Е.М., Захаркин В.И. Семья рабочего. М., 1987. С. 46; Пименова А.Л. Новый быт и становление внутрисемейного равенства // Социальные исследования. Вып. 4. М., 1970. С. 39-41; Харчев А.Г., Голод С.И. Профессиональная работа женщин и семья. Л., 1971, и др.

42 Янкова З.А. Советская женщина. (Социальный портрет). М., 1978. С. 88.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории российского города период 1960-х - 80-х гг. занимает особое место: концентрируя в наиболее проявленной форме совокупность общественных отношений, город воплотил в себе основное содержание тоталитарно-бюрократической системы на ее последнем этапе, включившем стабилизацию, кризис и начало обвального распада. Вместе с тем, город сам в эти годы с наибольшей полнотой реализовал закономерности собственного развития в качестве формы социально-территориальной организации этой системы, как бы сконцентрировал результаты предшествующего развития, выявил заложенные в "социалистической" урбанизации потенциал и противоречия.

Урбанизационный процесс - императив техногенной цивилизации XX века. В условиях техногенной цивилизации города явились центрами, концентрирующими в себе промышленный, административный, научный, духовный потенциал всего общества. Переход от сельского к преимущественно городскому обществу сопровождается сосредоточением в городе все большей части не только населения, но и основных составляющих производительных сил общества, преобладающей доли его экономического потенциала. Города, особенно крупные, становятся ведущими звеньями системы расселения, в основе складывания которой лежат главным образом все те же экономические процессы террито-

риальной концентрации производительных сил. Деятельность жителей городских поселений связана преимущественно с промышленностью, транспортом, торговлей, управлением и другими видами несельскохозяйственных отраслей. Структура городской экономики, а вместе с ней и занятость городского населения меняется вместе со сменой стадий индустриального общества и с развитием урбанизационного процесса. Основная тенденция - расширение с определенной стадии городского развития занятости в непродовольственных отраслях при одновременном относительном, а затем и абсолютном сокращении занятости в сфере производства. В рамках самой системы расселения (независимо от стадии урбанизационного процесса) закономерны тенденции повышения доли занятости в непродовольственных отраслях в зависимости от величины городских поселений. Для этапа перехода к постиндустриальному обществу, сопровождающемуся субурбанизационными процессами, характерна тенденция формирования вместо точечных городских поселений локальных систем расселения и размещения производства типа агломераций, мегаполисов и др., "вымывания" части населения крупнейших городов и рассредоточения их на городской периферии и в пригородах. Таковы общемировые закономерности и тенденции развития урбанизационного процесса.

Отечественная урбанизация, несмотря на внесенные системой значительные деформации механизмов и специфику проявлений, в целом подчинялась универсальным закономерностям мирового течения урбанизационного процесса, основой которого была индустриализация.

Техногенная цивилизация сама по себе имеет комплекс острейших противоречий, большинство из которых в процессе ее развития только углубляется. Форсированное развитие общества в ее русле в рамках тоталитарной системы усиливает эти противоречия многократно. Кроме того, тоталитарная система имеет и собственную логику развития, и свои системные противоречия.

Переход к городскому обществу Россия совершила в рамках леворадикальной тоталитарной советско-коммунистической модели. Независимо от того, как осознавали урбанизацию вожди СССР, ее осуществление объективно было центральной задачей всего общества, поскольку переход к городскому обществу (в широком смысле, включая индустриализацию) определял магистральное направление в развитии современной техногенной цивилизации.

Возникновение советской тоталитарной системы в начале XX века было способом выхода урбанизирувавшегося и маргинализи-

рованного общества из ситуации глобального общественного кризиса. Но не только. Это был еще особый способ решения национально-государственных проблем путем предельной концентрации ресурсов на ключевых направлениях, позволявший решать ей острейшие внутренние и внешние противоречия, отстаивать государственную целостность и независимость страны, наращивать ее "вес" в мировых делах, создавать и укреплять экономическую мощь, изменять "качество" населения, уровень и условия его жизни. Происходило это в условиях жесткого противостояния враждебному миру, в борьбе за удержания страны на уровне жизнеспособного в техногенной цивилизации сообщества.

Методы концентрации всех ресурсов на немногих направлениях "любой ценой" позволили быстро восстановить страну от послевоенной разрухи, в 1950-х гг. стать ей вторым членом "атомного клуба" и первой совершить прорыв в космос. На той же основе к концу 1950-х гг. СССР вошел в первую-вторую десятку (по разным методикам оценки) стран по уровню жизни населения. В 1960-е гг. был совершен рывок в военно-технической области и достигнут военно-стратегический паритет с США, прежде всего в ракетно-ядерном вооружении.

Советская система неоднократно доказывала свою высокую (иногда - высочайшую) эффективность в экономической, социальной, внешне-политической, военной, геополитической, культурной и других областях. Так случилось, что именно в рамках советской системы - и ее специфическими механизмами - был совершен урбанизационный переход общества, которое за 70 лет из преимущественно сельского стало городским.

Почему же мощнейшая "коммунистическая" общественная система, на равных противостоявшая в "холодной войне" всему капиталистическому миру, столь легко и почти мгновенно рухнула, была демонтирована изнутри, причем в главном ее оплоте - СССР? Существовал ли так называемый "застой", был ли кризис системным или ситуационным, то есть кризисом роста, и система могла из него выйти? И какую роль во всех этих процессах сыграла урбанизация?

К 1960-м - 70-м гг. тоталитаризм в СССР постепенно исчерпывал свой позитивный потенциал. С одной стороны, он в основном решил задачу трансформации преимущественно сельского общества в городское. С другой, перед мировой цивилизацией встала задача перехода к постиндустриальному информационному обществу, что требовало уже иных форм общественной, - как социально-политической, так и экономической организации. Оказавшись вполне адекватной системой для решения центральных

исторических проблем начала-середины XX века, тоталитаризм не мог справиться с новым историческим вызовом. В 1960-е - 80-е гг. в СССР происходило обострение проблем и противоречий всех уровней - цивилизационных, системных, стадийных, специфических региональных и т.д. Все они так или иначе концентрировались и выявлялись наиболее ярко в городской жизни. И поскольку город и по тенденциям, и по социальным масштабам во все большей степени определял общественное развитие, именно он стал средоточием всех проблем и противоречий. Он концентрировал в себе и основную (и перспективную) материально-техническую базу общества, и "авангардные" его социальные слои. Он представлял собой одновременно и поселенческий каркас, кадровую и институциональную опору государственного управления, и т.д.

Еще в конце прошлого века город стал определять основные тенденции развития материальной базы российского общества, а к концу 1950-х гг. сконцентрировал основную часть наиболее развитых производительных сил, в том числе производственную базу, людские ресурсы и т.д. К 1970-м гг. в городских поселениях РСФСР было сконцентрировано 3/4 основных фондов, а в 1970-е - 80-е гг. ввод в действие основных производственных фондов "городских" отраслей втрое превышал вводимые объемы фондов сельского хозяйства. Таким образом, по своим экономическим (а вследствие этого - и социальным) характеристикам общество превратилось в городское.

Российский город являлся составной частью формировавшейся десятилетиями и особенно в 1960-е - 80-е гг. единой территориальной системы размещения производства и населения СССР. В едином государстве с длительной общей историей, с единой системой управления и в фундаментальных основах урбанизационного процесса республик и регионов было существенно больше общего, нежели особенного. Вместе с тем, именно РСФСР являлась основной базой индустриализации всей страны, в результате чего она и в последние десятилетия сохранила позиции самой урбанизированной республики, - как по удельному весу горожан, так и по количеству крупнейших поселений. Однако, национальная политика "выравнивания" республик в сочетании с ведомственными интересами вела к продолжавшемуся перераспределению ресурсов за счет России, к потере не только материально-технических и финансовых средств, но и квалифицированных российских кадров, главным образом горожан. Подъем национальных окраин, в том числе расцвет столиц союзных республик и рост их городов, происходили в значительной мере в ущерб рос-

сийскому населению и сопровождались упадком Нечерноземья, сохранением острого жилищного кризиса в городах России.

Преобразование российского общества в городское имело целый комплекс последствий. Важнейшими из них стали проявившиеся и все углублявшиеся противоречия хозяйственного механизма. Заложенное еще в 1930-е гг. в хозяйственную жизнь страны действие ведомственного механизма в 1960-е - 80-е гг. приобретало новое качество в связи с радикально возросшими масштабами экономической деятельности. Теперь она сосредоточивалась в подавляющей степени именно в городах, а задачи создания индустриальной базы были в принципе решены. Перед экономикой объективно стояли уже принципиально иные проблемы: не экстенсивного наращивания объемов производства, а динамичного реагирования на требования научно-технического прогресса, и на этой основе - удовлетворение общественных потребностей. Именно в этой, а не в военной области решалась судьба двух мировых систем. Однако административно-командный механизм, ориентированный на "плановые" показатели, не только в принципе был неспособен реагировать на требования, предъявляемые НТР, но и все хуже справлялся с традиционными задачами обеспечения "вала", о чем свидетельствовало неуклонное снижение темпов роста всех основных экономических параметров в 1960-е - 70-е гг. - от объемов производства до производительности труда, вплоть до состояния стагнации в начале 1980-х гг. "Перестроечные" метания во второй половине 1980-х гг. отнюдь не выправили положения, а окончательно разбалансировали экономический механизм, подготавливая его крах.

Применительно к городам действие командно-административного механизма было еще более противоречиво. На его основе продолжался ускоренный рост крупных и больших городских поселений, развитие всей городской сети, однако этот процесс по-прежнему был всего лишь инструментом обеспечения ведомственных интересов при игнорировании насущных потребностей самих территорий и их населения: города оставались поселениями при предприятиях, с размытой территориальной структурой, отстававшей от роста производства социальной сферой, с лавинообразно нарастающими экологическими проблемами.

Управление градообразованием и градостроением сводилось к формированию определенного типа поселений, полностью подчиненных отраслевым производственным интересам, и в этом смысле (и только в этом) было весьма эффективным. Действительно, поселения оказывались инструментом, обслуживающим предприятия, снабжающим их дешевой рабочей силой, задача минимиза-

ции затрат на "соцкультбыт" полностью решалась. С другой стороны, идеологически освещенные задачи ограничения роста крупных городов, "сближения" города и деревни в части улучшения экологической среды в городских поселениях оказывались всего лишь голыми декларациями, потому что противоречили самому управленческому механизму: у города не было единого полноправного хозяина, исходящего из местных интересов, заинтересованного именно в его развитии как целого. Наиболее важные вопросы развития конкретных городов (так же, как и финансовая база этого развития) определялись далеко за его пределами, в отраслевых министерствах-хозяевах директивно из центра размещенных или размещаемых на территории города предприятий. Ресурсы - трудовые, сырьевые и т.д. - для этих предприятий оказывались фактически бесплатными, и потому город предельно зависел от предприятий и их хозяев-министерств, тогда как зависимость предприятий от местных властей была большей частью номинальной.

В сущности, воздействие государства, в том числе его центральных органов, на процесс урбанизации в СССР ограничивалось административно-командными мерами. Основным организационным каналом этих управленческих воздействий были министерства и их структуры, так как именно они, а не местные советы располагали преобладающей частью материально-технических, финансовых и людских ресурсов. Высшие партийно-государственные органы "спускали" по партийным, советским и хозяйственным (ведомственным) каналам директивы, определявшие размещение производств на конкретной территории, а значит, соответственно принятым нормативам, масштабам жилищно-бытового и культурного строительства. Однако, если "спускаемые" схемы размещения производительных сил в основном реализовывались министерствами и ведомствами, то те аспекты генеральных планов городов, которые касались социальной инфраструктуры, всячески обходились и игнорировались. Министерства были заинтересованы в минимизации затрат на социальную сферу, а потому и в размещении новых и расширении старых производств в городах с уже устоявшейся, относительно развитой инфраструктурой. Реальные управленческие механизмы явно противоречили "комплексности" планов, "равномерности" размещения производства и расселения, ограничению роста крупных городских поселений. Министерства, а часто и крупные территориальные руководители, добивались включения в государственный план масштабных проектов, так как на них государством выделялось финансирование, фонды и т.д. Часто эти проекты экономически и социально

были совершенно необоснованы, противоречили интересам развития и народного хозяйства страны, и интересам территорий. Очень многое зависело от субъективного фактора - "пробивных" качеств руководителей, их "вхожести" в кабинеты высокого начальства.

Ведомственный механизм оказал огромное влияние на всю территориальную организацию общества, основным каркасом которой (производственным, расселенческим и т.д.) являлась сеть городских поселений. Он усиливал действие процессов концентрации людей, производства и ресурсов, характерных для урбанизационного перехода общества и особенно свойственных России с ее огромными пространствами и низкой плотностью населения, что по экономическим причинам обуславливало объективную потребность в точечной концентрации городского населения и производств в относительно немногих крупных городских центрах и "узлах расселения". В 1960-е - 80-е гг. эти процессы дополнились развертыванием агломераций по всей стране, что свидетельствовало о более высокой стадии урбанизации, перераставшей рамки отдельных поселений. Именно в этот период формируется достаточно высокоразвитая городская сеть, не только иерархически структурированных, по величине и функционально разнообразных поселений, но и взаимосвязанных друг с другом на уровне территориальных единиц крупных, средних и малых городов.

Вместе с тем, именно на командно-административном механизме с доминированием ведомственного принципа лежит основная вина в хаотичной концентрации производств в крупнейших городских центрах, упадке многих малых и средних городов, периферии в целом - на уровне как республики, так и отдельных регионов и областей.

В 1960-е - 80-е гг. обострилось традиционное российское противоречие между центром и периферией, причем оно приобретало несколько иные очертания, привнесенные успехами урбанизации. Если ранее главным было противоречие между развитыми "столичными" западными регионами и остальной территорией страны, то в последние десятилетия акцент переместился на внутрорегиональные противоречия. На регионально-областном уровне обозначился огромный разрыв между местными городскими центрами и окраинными "пограничными" территориями вследствие высокой концентрации людей и ресурсов в крупных городах и обезлюдения села, особенно периферийного. Здесь уже "работали" системные факторы, трансформировавшие последствия урбанизации: в городские центры перемещались не из-за аграрного перенаселения и роста производительности труда в сельском хозяйстве, а из-

за огромного разрыва в качестве, уровне жизни, в возможностях самореализации в городских центрах и прочих поселениях, особенно периферийных селах и малых городах. По мере освоения Северных и Восточных регионов усиливалось действие и объективных факторов, способствовавших сохранению регионального разрыва в уровне развития социальной инфраструктуры, в частности, намного большая стоимость обустройства рабочей силы в районах крайнего Севера по сравнению с европейской частью страны.

Помимо целого комплекса негативных социально-экономических следствий (отставание развития социальной инфраструктуры от роста численности населения больших и крупных городов; обезлюдение огромных территорий с упадком периферийных сел и малых городов; консервации "реликтовых" технологий и производств, подпитываемых стягиванием дешевой неквалифицированной рабочей силы с соответствующей консервацией отсталой структуры мест приложения труда и т.п.), ведомственная практика наращивания и концентрации производств в крупных городах имела крайне негативные экологические последствия.

Одним из главных источников обвального роста экологических проблем в 1960-е - 80-е гг. был "экологический разбой" ведомств на территориях при возрастании масштабов хозяйственной деятельности. Власти на местах в лице местных Советов, призванные играть роль органов местного управления и защиты интересов местного населения, в том числе обеспечивать нормальную окружающую среду, не располагали эффективными рычагами противодействия ведомственной политике природопользования. Это не могло не отразиться на здоровье огромной части российского, прежде всего городского, населения, негативно влияло на условия и качество жизни горожан и даже на социально-демографические процессы, включая воспроизводство населения.

Кризисные явления в демографической сфере в 1960-е - 80-е гг., независимо от их генезиса (цивилизационного, системного, стадийного и т.д. или более сложного происхождения), переплетались с противоречивыми социальными процессами, включавшими как прогрессивные общецивилизационные тенденции (качественные сдвиги в структуре занятости, рост уровня образования, квалификации, увеличения удельного веса работников умственного труда, интеллигенции и т.д.), так и консервативные и реакционные (расширенное воспроизводство "реликтовых" социальных категорий периода начала индустриализации, консервация устаревших социальных отношений и т.д.).

Урбанизация имела как бы два пласта взаимосвязанных социальных и социально-демографических последствий: с одной стороны, формально-статусные изменения, а с другой, - стоявшие за ними сложные качественные, порой трудно уловимые для адекватной оценки трансформации. Территориальная мобильность жестко коррелировала с социальной. Основной миграционной тенденцией было перемещение населения из села в город, а из меньших в более крупные по величине городские поселения. Изменение места жительства чаще всего сопровождалось повышением социального статуса мигрантов, непосредственно либо в перспективе. Вместе с тем, перемещение из села в город и даже в весьма "высокую" социальную категорию далеко не всегда превращало бывшего сельского жителя в полноценного горожанина. Учитывая, что даже к концу 1980-х гг. около половины горожан состояло из таких переселенцев в первом поколении, вывод о чрезвычайной значимости этих неформально-структурных явлений становится очевидным. Но и "формально-структурные" социально-демографические изменения, безусловно, оказывали огромное влияние на жизнь всего общества, и прежде всего - сам факт "выравнивания" на рубеже 1950-х - 60-х гг. удельного веса городского и сельского населения с последующим превращением горожан в абсолютно преобладающую часть жителей России к концу 1980-х гг. Не менее важным явилось преобладание среди самих горожан численности жителей больших и крупных городских поселений, в которых и формировалась основная часть "авангардных" социальных групп и слоев, оформляясь специфически городской ментальитет. В целом социальные и социально-демографические сдвиги оказались в русле многопланового противоречивого урбанизационного процесса 1960-х - 80-х гг., а российский город стал средоточием всех проблем и кризисных явлений общественной системы, шедшей к упадку.

"Социализм" советской модели не доказал своих преимуществ в соревновании с оппонентом, причем в "игре" на собственном поле - в социальной сфере: разрыв в уровне и качестве жизни в 1960-е - 80-е гг. усиливался в пользу стран социально-рыночной экономики, а идеологический тезис о социальной справедливости, понимавшейся как сближение классов, стирание социальных различий, служил лишь прикрытием разраставшихся привилегий партноменклатуры и обогащения "теневиков". Действительные социальные достижения "социализма", заключавшиеся в радикальном изменении качества населения (превращение большинства жителей страны в горожан, радикальный подъем уровня образования, создание массовых слоев интеллигенции и квалифи-

цированных рабочих кадров и др.), оказались в противоречии с возможностями их экономической и общественной реализации: структура рабочих мест не соответствовала квалификации, профессиональный и служебный рост резко затормозился, снижалась социальная мобильность, уровень жизни совершенно не зависел от качества и количества труда, и т.д. Здесь был также один из важнейших источников "торможения", экономического скатывания к застою и кризису.

Система, имеющая своим стержнем идеологию, под знаменем которой она пришла к власти и которой обосновывает свое право на ее сохранение, должна иметь перспективу развития. Основы этой идеологии должны, пусть не все, подтвердиться практикой. И это действительно происходило в первые десятилетия. Разрыв между идеологией и жизнью отчетливо проявился в период "оттепели", когда система подорвала собственные основы шквальной критикой сталинизма, "приземлением" идеальной цели построения коммунизма с назначением конкретных сроков ее исполнения (1980 г.), выдвиганием нереальной задачи "догнать и перегнать" США и т.д. К тому же именно на период "коммунистического строительства" пришлось начало новых технологических переворотов, перехода к постиндустриализации и информационному обществу. К ним система оказалась неготовой и невосприимчивой. "Преимущества" системы (действительные и мнимые), позволившие совершить индустриальный рывок в 1930-е - 50-е гг., не сработали в новых исторических условиях. Еще больший разрыв между идеологией и практикой обнаружился в основополагающей для системы социальной области. Провозглашавшиеся идеи социальной справедливости, отождествлявшиеся с движением к равенству, стиранием классово-социальных различий, социальным нивелированием распространялись на практике только на "массы трудящихся" и оборачивались резко углубившимся расколом между ними и категорией партийно-хозяйственно-государственного аппарата, особенно высших звеньев.

Собственными руками система породила и другое противоречие, сформировав качественно иное население страны, особенно городское: подняв уровень образования и культуры, создав массовую интеллигенцию и значительный слой квалифицированных рабочих, но стремясь всячески нивелировать, подогнать всех под единый уровень и образ жизни. И действительно, одной рукой создавая передовые технологии в "элитных" отраслях (ВПК, космическая промышленность, атомная энергетика и др.), другой система всячески тормозила научно-технический прогресс в массовых производствах, консервируя устаревшие технологии. В ре-

зультате, хотя и имело место определенное сокращение социальных категорий, связанных с раннеиндустриальной стадией производства, оно сильно отставало от общемировых тенденций. В этом противоречивом процессе парадоксальным образом смыкался идеологический интерес партноменклатуры, заботившейся о сохранении своей, как они считали (согласно доктрине), массовой социальной базы – рабочего класса, и интерес хозяйственной бюрократии, предпочитавшей техническому перевооружению дешевый неквалифицированный физический труд. Однако, несмотря на то, что тенденции к всеобщей “унификации” и консервации “реликтовых” социальных категорий всячески подпитывались как идеологическим обоснованием необходимости роста рабочего класса (под которым понимали работников физического труда), так и хозяйственной практикой, урбанизация делала их эффективную реализацию в принципе невозможной.

Таким образом, в течение 1960-х – 80-х гг. российский город концентрировал в себе такой комплекс противоречий всех уровней, который означал новое качественное состояние общества и может быть охарактеризован как глобальный общественный кризис. Многочисленные, даже, казалось бы, узкоспециальные проблемы (например, проблема повышенной концентрации населения в крупных городах) и универсальные (экологические, характерные для любой страны на высокой стадии урбанизации) переплелись, взаимодействовали и взаимно усиливали друг друга. Несмотря на неоднократные попытки реформ, система так и не смогла перевести хозяйственный механизм в режим, адекватный требованиям научно-технической революции: экономика оказалась невосприимчивой к новым технологическим переворотам, с успехом осуществлявшимся не только в передовых странах с рыночной экономикой, но и во многих странах “третьего мира”.

Тоталитарно-бюрократическая система явно закоснела и не была способна решать фундаментальные проблемы эпохи: перехода к постиндустриальному информационному обществу, гармонизации территориальных интересов, решения комплекса проблем, связанных с достигнутой стадией урбанизации, в том числе обеспечения экологической безопасности для большинства населения страны, и др. К тому же собственные внутренние законы развития системы наложились на тенденции урбанизации, при этом совпали определенные стадии развития обоих процессов – эволюции тоталитаризма и урбанизационного процесса, что вызвало объективную потребность их перехода в новое качество.

В последние десятилетия XX века определилось огромное обратное влияние на тоталитаризм урбанизационного процесса, ко-

торый перерастал свою государственно-политическую форму: она становилась все более тесной для городского общества и постепенно деформировалась под его нарастающим давлением. Таким образом, урбанизация сыграла решающую роль в вызревании системного кризиса, приведшего к краху тоталитаризма. Ее влияние происходило в двух основных направлениях. Во-первых, она породила объективные потребности общества, которые закосневшая советская система не могла удовлетворить, и проблемы, которые была не способна решить. Во-вторых, урбанизация создала социальные условия демонтажа тоталитарной системы, совокупность социальных категорий, заинтересованных в ее разрушении.

К концу 1980-х гг. тоталитаризм вследствие фундаментальных сдвигов в обществе под влиянием урбанизации уже не имел массовой социальной базы "внизу". Учитывая, что его главная "внутренняя" социальная база - партийно-государственно-хозяйственный аппарат был расколот и дезориентирован противоборством в высшем политическом эшелоне партии, система утратила сколько-нибудь надежную социальную опору. Об этом свидетельствуют хотя бы результаты выборов президента РСФСР, в которых за Б.Н.Ельцина, провозгласившего себя демократом и противопоставившего КПСС, проголосовало, в среднем, независимо от регионов, более 2/3 жителей крупных городов, около 60% всего городского населения и около 40% сельских жителей.

Именно в едином комплексе проблемы и противоречия, явившиеся как следствием развития техногенной цивилизации, так и определенного "системного" ее воплощения в советской тоталитарной модели, породили глобальный общественный кризис, который система пыталась разрешить на путях сначала "ускорения социально-экономического развития", затем - "перестройки", затем - собственного демонтажа путем "мягкой" эволюции (горбачевский вариант трансформации партии, государства, СССР и т.д.). Неоднократные провалы экономических реформ, неспособность решать назревшие фундаментальные проблемы заставили лидеров КПСС обратиться к неординарным подходам в реформах - начать с трансформации политической системы, с либерализации, которую они выдавали за демократизацию. Однако даже незначительное ограничение партийной монополии на власть запускало разрушительный для тоталитарной партии механизм: начинало работать "общественное мнение", подготовленное, раскаченное "гласностью", средствами массовой информации. "Процесс пошел" уже вне контроля "прорабов перестройки". Образовались новые центры власти, в политику были допущены массы через прямые, хотя бы частично "демократические" выборы. Тем

самым государственная машина уже перестала быть тоталитарной, а последние несущие конструкции тоталитаризма были обречены. По сути, ее крушение произошло в несколько этапов (1985 г. - начало "перестройки"; 1988-1989 гг. - смена приоритетов, поворот к "кооперации" и изменению политических институтов; 1991 г. - "путч" высших руководителей государства и распад СССР; 1993 г. - противостояние президента и Верховного Совета России с разгоном последнего и победой сил реставрации неолиберального буржуазного режима).

Темп преобразований был подобен взрыву, а переход от тоталитарного "социализма" к неолиберальной модели с рыночной экономикой без промежуточных этапов и социальных амортизаторов - чреват новыми общественными потрясениями и непредсказуемыми последствиями, - как для России в ее "усеченной" форме, так и для всех бывших союзных республик. Социальная и национально-государственная цена "освобождения" оказалась слишком высока. Планировалась и провозглашалась "демократизация социализма", а получилась "реставрация" в форме либерально-буржуазной модели вместе с распадом СССР (то есть все той же России, если не принимать всерьез искусственное национально-государственное устройство, созданное большевиками), с абсолютно неопределенными геополитическими, институциональными, социально-экономическими, шире - цивилизационными перспективами. Выход из системного кризиса для страны оказался далеко не лучшим среди возможных, учитывая мировой опыт трансформации тоталитарных режимов (например, в Испании), однако, и рухнувшая система уже не имела исторических перспектив.

Итак, тоталитаризм в его леворадикальной "коммунистической" форме окончил свой путь в XX веке - в России, там же, где он зародился. В свое время тоталитарная советская система стала главным двигателем, мотором российской урбанизации, и одновременно общественной формой трансформации российского общества из сельского в городское. Переход России в "городское состояние" в основном завершен, тоталитаризм рухнул, а урбанизационный процесс, сыгравший столь драматическую роль в его зарождении и крахе, в иных общественных условиях продолжается. Этот крутой общественный поворот, когда "порвалась связь времен", и развитие города в постсоветском обществе не менее драматичны, чем путь России в нашем столетии - путь к городскому обществу. Но это уже тема для другой книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Город в территориальной организации общества	18
1. Развитие инфраструктуры как основа формирования городской сети	18
2. Территориальная организация общества и развитие агломераций	24
3. Центр и российская периферия: городской ракурс	56
4. Безлюдные пространства и "перенаселенные" города	72
5. Противоречия централизованного планирования и управления	87
Глава 2. Многообразие городов	106
1. Ступени городской иерархии	106
2. Город-универсал, город-специалист	131
Глава 3. Город и горожане: демографические и этнические проблемы	150
1. Урбанизация и перемещение населения	150
2. Город в демографическом разрезе	166
3. Городской аспект этнических процессов	181
Глава 4. Социальные аспекты городского развития	202
1. Социальная инфраструктура и условия жизни горожан	202
2. Общественное лицо горожанина	221
Заключение	251

СЕНЯВСКИЙ Александр Спартакович

РОССИЙСКИЙ ГОРОД В 1960-е - 80-е ГОДЫ

